

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

FORENSIC EXAMINATION

№ 1 (45)

ВОЛГОГРАД — 2016

НАУЧНО–ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА № 1 (45) 2016

ISSN 1813-4327

Судебная экспертиза. Выпуск 1 (45) 2016 : научно-практический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2016. — 146 с.

Учредитель и издатель — Волгоградская академия МВД России

Журнал основан в 2004 г. Выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Аннотации статей и пристатейные библиографические списки помещаются на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 3 ноября 2011 г. Регистрационный номер — **ПИ № ФС77-47195**

Сайт журнала: www.va-mvd.ru/sudek/

Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — **46462**

При перепечатке или ином воспроизведении материалов журнала «Судебная экспертиза» ссылка на источник обязательна

© Волгоградская академия МВД России, 2016

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Главный редактор — **Третьяков Владимир Иванович**, начальник Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Заместитель главного редактора — **Шведова Наталья Николаевна**, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности¹, кандидат юридических наук, доцент.

Члены редакционного совета

1. **Аверьянова Татьяна Витальевна**, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

2. **Анчабадзе Нугзари Акакиевич**, профессор кафедры исследования документов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

3. **Баринова Ольга Александровна**, старший преподаватель-методист УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России (ответственный секретарь).

4. **Бобовкин Михаил Викторович**, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

5. **Вехов Виталий Борисович**, профессор кафедры юриспруденции, интеллектуальной собственности и судебной экспертизы Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, доктор юридических наук, профессор.

6. **Волынский Александр Фомич**, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

7. **Гришин Петр Львович**, начальник ЭКЦ МВД России, кандидат юридических наук.

8. **Гуревич Леонид Моисеевич**, заведующий кафедрой материаловедения и композитных материалов Волгоградского государственного технического университета, доктор технических наук, доцент.

9. **Егоров Александр Георгиевич**, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, профессор.

---

¹ Далее — «УНК ЭКД».

10. *Еремин Сергей Германович*, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел² Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

11. *Зайцева Елена Александровна*, профессор кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы.

12. *Запороцкова Ирина Владимировна*, директор Института приоритетных технологий Волгоградского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

13. *Исматова Татьяна Ивановна*, заместитель начальника кафедры исследования документов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

14. *Кондаков Александр Владимирович*, начальник кафедры трасологии и баллистики УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

15. *Курин Алексей Александрович*, начальник кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент.

16. *Латышов Игорь Владимирович*, начальник УНК ЭКД, кандидат юридических наук, доцент.

17. *Лобачева Галина Константиновна*, профессор кафедры криминалистической техники УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор химических наук, профессор.

18. *Майлис Надежда Павловна*, профессор кафедры трасологии и оружейведения учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

19. *Павличенко Николай Владимирович*, первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

20. *Полянчиков Юрий Николаевич*, профессор кафедры технологии машиностроения Волгоградского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

21. *Проткин Алексей Алексеевич*, начальник учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

22. *Россинская Елена Рафаиловна*, директор Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

23. *Ручкин Виталий Анатольевич*, профессор кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

---

² Далее — «УНК по ПС в ОВД».

24. *Сейтенов Калиолла Кабаевич*, директор Центра повышения квалификации судебных экспертов Казахского гуманитарно-юридического университета (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор.

25. *Сидякин Юрий Иванович*, профессор кафедры технологии машиностроения Волгоградского государственного технического университета, доктор технических наук, профессор.

26. *Смирнова Светлана Аркадьевна*, директор Российского федерального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

27. *Тимофеева Анна Анатольевна*, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по учебной работе).

28. *Тихонов Андрей Александрович*, начальник редакционно-издательского отдела Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук.

29. *Трофимов Евгений Николаевич*, доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат медицинских наук, доцент.

30. *Харченко Ирина Владимировна*, начальник кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат биологических наук.

31. *Ходякова Наталия Владимировна*, начальник кафедры информатики и математики Волгоградской академии МВД России, доктор педагогических наук, доцент.

32. *Хрусталеv Виталий Николаевич*, заведующий кафедрой уголовного процесса, криминалистики и судебных экспертиз Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, доктор юридических наук, профессор.

33. *Шкоропат Елена Антоновна*, начальник кафедры исследования документов УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

<i>Россинская Е. Р.</i> Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности как часть системы судебной экспертологии	8
<i>Орлов Ю. К.</i> Дополнительная и повторная судебные экспертизы в уголовном процессе	31
<i>Зайцева Е. А.</i> Регламентация судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела: современное состояние и пути совершенствования	38

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Галяшина Е. И.</i> Судебная лингвистическая экспертиза: унификация подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов	45
<i>Зинин А. М., Подволоцкий И. Н.</i> Особенности осмотра и предварительного исследования новых носителей портретной информации	57
<i>Латышов И. В., Донцов Д. Ю., Кузнецов В. А.</i> Возможности устройства для экспериментальной стрельбы в обеспечении экспертных исследований по установлению обстоятельств выстрела	65
<i>Денисов А. В., Озерцековский Л. Б., Божченко А. П., Дальжинов В. М.</i> Глицериновое мыло в качестве имитатора биологических мягких тканей в экспериментах по раневой баллистике	73
<i>Соколова Т. П.</i> Нейминговая экспертиза: предмет, объекты, задачи, пределы компетенции	84
<i>Кошманов П. М., Кошманов М. П., Батулин В. Ю., Вилкова Н. А.</i> Типы современных подписей российских граждан как критерии определения степени оригинальности конструктивного строения	96
<i>Чубина Е. А.</i> Судебная лингвистическая экспертиза рекламного текста: современное состояние и перспективы развития	108

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ

<i>Гераськин М. Ю., Довбня А. В.</i> Применение современной передвижной пожарно-технической лаборатории при осмотре места пожара и производстве пожарно-технической экспертизы	119

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

<i>Россинская Е. Р.</i> К юбилею кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)	130

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ	139

CONTENTS

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF FORENSIC EXPERT ACTIVITIES AND THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE IN LEGAL PROCEEDINGS

<i>Rossinskaya E. R.</i> Legal provision of forensic activities as part of the forensic expertology	8
<i>Orlov Y. K.</i> Additional and repeated forensic examination in the criminal procedure	31
<i>Zaytseva E. A.</i> Regulation of forensic examination at the stage of initiating a criminal action: present state and ways of improvement	38

PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE OF FORENSIC EXAMINATIONS AND RESEARCH

<i>Galyashina E. I.</i> Forensic linguistic examination: unification of approach to expert practice, training and specialization of experts	45
<i>Zinin A. M., Podvolotsky I. N.</i> Peculiarities of physical examination and preliminary studies of new media portrait information	57
<i>Latyshov I. V., Dontsov D. Yu., Kuznetsov V. A.</i> Feasibility of using experimental shooting device when conducting forensic studies on establishing facts of shooting	65
<i>Denisov A. V., Ozeretskovsky L. B., Bozhchenko A. P., Dalzhinov V. M.</i> Glycerin soap as a simulator of biological soft tissues in experiments on wound ballistics	73
<i>Sokolova T. P.</i> Naming examination: subject matter, objects, tasks, terms of reference	84
<i>Koshmanov P. M., Koshmanov M. P., Baturin V. Y., Vilkovala N. A.</i> Types of Russian citizens' modern signatures as criteria of determining the extent of constructional structure originality	96
<i>Chubina E. A.</i> Forensic examination of language of advertising: current status and prospects	108

SCIENTIFIC DISCUSSION AND EXPERIENCE EXCHANGE

<i>Geraskin M. Y., Dovbnya A. V.</i> The application of modern mobile fire-technical laboratory while examining the fire site and producing the fire-technical expertise	119

FORENSIC EXAMINATION HISTORY PAGES

<i>Rossinskaya E. R.</i> For the anniversary of the Chair of Forensic Examination of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL)	130

CONTACT INFORMATION	139

Е. Р. Россинская,

директор Института судебных экспертиз,
заведующая кафедрой судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
академик Российской академии естественных наук,
действительный член международной ассоциации
по идентификации (IAI USA), Президент Ассоциации
образовательных учреждений «Судебная экспертиза»

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

В статье на основе генезиса науки о судебно-экспертной деятельности, проходящей разные этапы от общей теории судебной экспертизы до современной судебной экспертологии, автор предлагает определение предмета судебной экспертологии, базирующееся на основных закономерностях, изучаемых данной наукой, а также ее систему, включающую: общую теорию судебной экспертологии; правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности; организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности; судебно-экспертные технологии.

Основное внимание в статье уделено правовому обеспечению судебно-экспертной деятельности, включающему следующие составляющие: эксперт как субъект правоприменительной и правотворческой деятельности, его правовой и профессиональный статус; специалист как субъект правоприменительной деятельности; правовая основа деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочия и ответственность их руководителей; форма и содержание заключения судебной экспертизы и особенности его оценки и использования в судопроизводстве.

Показано, что только на основе такого подхода возможно устранение множества противоречий в нормативном обеспечении судебно-экспертной деятельности. На примере правовых статусов судебных экспертов и специалистов, которые включают комплексы их прав, обязанностей, ответственности и компетенций в различных видах судопроизводства, доказано, что устранение этих противоречий возможно только в контексте разработки единого правового обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебная экспертология, общая теория судебной экспертизы, судебно-экспертная деятельность, правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности, судебный эксперт, специалист, правовой статус, компетенция эксперта, заключение эксперта, консультация специалиста.

E. R. Rossinskaya,

Director of the Institute of Forensic Examination,
Head of the Chair of Forensic Examination of the Moscow State Law University
n. a. O. E. Kutafin (MSAL), Doctor of Science (Law), Professor,
Honored Scientist of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education
of Russia, Member of the Russian Academy of Natural Science,
Active Member of the International Association for Identification,
President of the Association of Educational Institutions «Forensic Examination»

LEGAL PROVISION OF FORENSIC ACTIVITIES AS PART OF THE FORENSIC EXPERTOLOGY

Basis on the genesis of the forensic science development, passing the various stages of the judicial expertise general theory to the modern judicial expertology, the author offers a definition — judicial expertology subject, based on the basic laws studied this science, as well as its system, including: general theory of judicial expertology; legal support forensic activities; organizational support forensic activities; forensic technology.

The main attention is paid to the legal provision of forensic activity, comprising the following components: skills as a subject of law-making and law enforcement, legal and professional status; specialist as a subject of law enforcement; the legal basis for the state forensic institutions and non-state forensic institutions, authority and responsibility of their leaders; form and content of the conclusion of forensic expertise and especially its evaluation and use in court proceedings.

It is shown that only through such an approach might eliminate a lot of contradictions in the normative providing forensic activities. For example, the legal status of forensic experts and specialists, which include complexes of their rights, duties, responsibilities and competences in different kinds of proceedings proved that the elimination of these contradictions is possible only in the context of a single legal provision forensic activities.

Keywords: forensic evidence, forensic expertology, the general theory of forensic, forensic activities, legal support forensic activities, forensic expert, specialist, legal status, competence expert, specialist advice.

* * *

Возрастание роли специальных знаний в судопроизводстве, развитие теории и практики судебной экспертизы обуславливают необходимость переосмысления концепции общей теории судебной экспертизы как междисциплинарной теории [1] и поднимает ее до уровня полноценной науки. В этих условиях изменяются определение предмета науки и ее название.

Напомним, что на начальных этапах наука «судебная экспертология» формировалась как междисциплинарная теория — общая теория судебной экспертизы [2, 3, 4]. Т. В. Аверьянова в своем фундаментальном труде «Судебная экспертиза: курс общей теории» наиболее логично и последовательно представила модельную структуру общей теории судебной экспертизы [1]. Но Т. В. Аверьянова, как указывала она сама, исходила из прагматического подхода, подчеркивая, что разрабатывалась теория не науки, а сугубо практической деятельности. Напомним, что общая теория судебной экспертизы формировалась более 25 лет назад не как наука, а как междисциплинарная теория. На этом основании критиковалось наименование науки «судебная экспертология», хотя далеко не все ученые придерживались этой точки зрения.

Предмет науки может, как известно, выражаться через систему основных изучаемых этой наукой закономерностей. Говоря об изучении закономерностей судебно-экспертной деятельности, в целом не можем оставить в стороне изучение закономерностей единого правового и организационного обеспечения этой деятельности независимо от вида процесса.

Т. В. Аверьянова (и здесь она солидарна с Р. С. Белкиным [5, с. 455]) полагает, что правовым и организационным основам экспертной деятельности нет места в рамках общей теории судебной экспертизы. Она пишет, что «рассмотрение судебной экспертизы как процессуального института, процедур ее проведения на разных стадиях судопроизводства в уголовном, гражданском и арбитражном процессах и делах об административных правонарушениях не является предметом общей теории судебной экспертизы, да и вообще не является предметом теории науки, а есть не что иное, как изложение нормативного материала, хотя бы даже с комментариями» [1, с. 38].

В современных условиях с этим трудно согласиться. То, что не вызывало возражений 25 лет назад, не отвечает реалиям сегодняшнего дня, когда насущной стала задача унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности вне зависимости от вида процесса. Единство интегрированной природы всех родов и видов судебных экспертиз диктует единство процессуальных форм использования специальных знаний, а не только судебных экспертиз. Интуитивно к этому идут все процессы, но только в рамках экспертологии возможна разработка единых подходов к получению доказательственной информации с использованием специальных знаний. Теоретические основы правового, организационного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности должны разрабатываться не теорией судебной экспертизы, а именно судебной экспертологией (наименование, предложенное еще профессором А. И. Винбергом [6] и используемое многими теоретиками судебной экспертизы в России и за рубежом [7, 8, 9, 10]) — наукой о судебной экспертизе, в то время как чисто процессуальные аспекты остаются в ведении наук процессуального права.

Более того, сама профессор Т. В. Аверьянова косвенно отмечает важность правового обеспечения судебно-экспертной деятельности, когда включает в струк-

туру теории судебных экспертиз «Учение о субъекте судебной экспертизы» и «Заключение эксперта в системе процессуального доказывания». Поэтому думается, что общее название — «судебная экспертология» — в настоящий момент больше соответствует реальному положению вещей.

Заметим, что определение предмета любой науки дает только самые общие представления о ней и не может отражать всего ее содержания. Поэтому при конструировании определения предмета судебной экспертологии на основе изучаемых этой наукой закономерностей следует выделять наиболее существенные, отражающие самую суть науки, ее квинтэссенцию.

Предметом судебной экспертологии являются теоретические, правовые и организационные закономерности осуществления судебно-экспертной деятельности в целом; закономерности возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз и их частных теорий на основе единой методологии, унифицированного понятийного аппарата и с учетом постоянного обновления и видоизменения судебно-экспертных знаний, и разрабатываемое на основе познания этих закономерностей единое правовое и организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, единые для всех видов судопроизводства унифицированные экспертные технологии, стандарты экспертных компетенций и сертифицированных экспертных лабораторий [11].

Согласно определению предмета судебной экспертологии модель ее общей структуры представляет собой:

- 1) общую теорию судебной экспертологии;
- 2) правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 3) организационное обеспечение судебно-экспертной деятельности;
- 4) судебно-экспертные технологии [12].

Остановимся подробнее на современных проблемах регламентации правового обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Под правовым обеспечением судебно-экспертной деятельности мы понимаем следующие составляющие:

- эксперт как субъект правоприменительной и правотворческой деятельности, его правовой и профессиональный статус;
- специалист как субъект правоприменительной деятельности;
- правовая основа деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных судебно-экспертных организаций, полномочия и ответственность их руководителей;
- форма и содержание заключения судебной экспертизы и особенности его оценки и использования в судопроизводстве.

В силу широты темы в данной публикации остановимся на ряде проблем правового статуса судебных экспертов и специалистов, который включает комплекс их прав, обязанностей, ответственности и компетенций и дается в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ) и КоАП РФ, а для

экспертов еще и в Федеральном законе от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (далее — ФЗ ГСЭД).

Остановимся вначале на проблемах статуса судебного эксперта. Во многом права, обязанности и ответственность судебных экспертов в вышеуказанных кодексах и ФЗ ГСЭД совпадают. Однако имеется и ряд существенных различий и необъяснимых с точки зрения теории и практики противоречий. И здесь не обойтись простыми комментариями, о которых упоминает Т. В. Аверьянова [1, с. 38].

В настоящее время, как известно, Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении принят проект нового федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [13]. Принятие этого федерального закона потребует внесения изменений в процессуальное законодательство. Причем для того, чтобы нормы нового закона не противоречили процессуальным кодексам и КоАП РФ, необходим унифицированный подход к правовой регламентации судебно-экспертной деятельности в разных видах процесса. В противном случае мы будем иметь те же проблемы, что и в настоящее время, когда противоречия между ФЗ ГСЭД и процессуальными кодексами решаются в пользу норм кодексов в силу их приоритета.

Так, например, согласно ст. 17 ФЗ ГСЭД «эксперт вправе делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний». Однако, поскольку в УПК РФ такого права эксперту не предоставлено, на практике во многих случаях следователь и суд отказывают эксперту в реализации этого права на основании приоритета норм УПК РФ в соответствии с ч. 2 ст. 7 УПК РФ.

Сравнительный анализ некоторых норм процессуальных кодексов и ФЗ ГСЭД в части несовпадения или противоречивости этих норм приведен в табл. 1.

Хотя это далеко не полный анализ противоречий, но из него видно, что, например, в ГПК РФ, КАС РФ, УПК РФ и ФЗ ГСЭД эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования, в АПК РФ такого ограничения не предусмотрено, что явно противоречит статусу судебного эксперта, в полномочия которого не входит собирание доказательств. На практике нередко при производстве, к примеру, экологических, экономических инженерно-технических экспертиз, эксперт получает в распоряжение все материалы дела и начинает фактически собирать доказательства, произвольно и волюнтаристски выбирая из материалов дела, что ему исследовать, что может являться коррупциогенным фактором. Или другой пример: только в УПК РФ и ФЗ ГСЭД эксперт вправе обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают его права. Из табл. 1 можно видеть и другие несоответствия. К тому же многие похожие по сути нормы сформулированы по-разному и допускают неоднозначные толкования, разбросаны по разным статьям кодексов и не образуют единой совокуп-

ности. Так, в ГПК РФ нет даже статьи «Эксперт», тогда как в остальных кодексах она предусмотрена.

В большинстве кодифицированных законов и ФЗ ГСЭД эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела, но в АПК РФ такая норма отсутствует, что нередко приводит к личным контактам истцов и ответчиков с экспертами вне суда при доставлении объектов экспертизы в судебно-экспертные учреждения или экспертам, хотя по смыслу закона такие контакты недопустимы и провоцируют коррупциогенные факторы.

Серьезнейшая проблема оценки общей и специальной компетенции эксперта [14] еще на момент решения вопроса о назначении ему экспертизы заслуживает отдельного рассмотрения, хотя возможность отвода его вследствие некомпетентности предусмотрена только в ст. 70 УПК РФ. В других кодифицированных законах пункт об отводе эксперта в случае, когда обнаружится его некомпетентность, отсутствует.

Ряд ученых-процессуалистов, например авторы комментария к АПК РФ 2013 г. [15], полагают, что это обоснованно, поскольку лицо, которое не обладает специальными знаниями, если даже будет призвано в качестве эксперта, вряд ли сможет представить арбитражному суду квалифицированное заключение. Кроме того, лица, участвующие в деле, вправе высказать свои сомнения в выборе конкретного эксперта, а заключение эксперта как одно из доказательств подлежит оценке наряду с другими доказательствами и не будет принято судом при недостаточной обоснованности. В тех случаях, когда заключение эксперта вызывает сомнения в использованных методиках, его компетенции, закон предусматривает производство дополнительной или повторной экспертизы. Авторы упомянутого комментария уповают на то, что эксперт сам может отказаться от дачи заключения, если не обладает необходимыми знаниями.

Противоположной точки зрения [16, 17], которую полностью разделяем и мы [14, 18], придерживаются авторы комментариев к АПК РФ и ГПК РФ [16, 17, 14]. Вопрос о том, насколько квалифицированно составлено заключение, т. е. вопрос об оценке заключения эксперта, весьма сложен, поскольку судьи не обладают специальными знаниями и им трудно (с учетом того что в современных условиях научно-технической революции экспертные методики все более усложняются) глубоко разобраться в экспертных технологиях. Судьи оценивают заключение эксперта в основном по формальным признакам. Что касается отказа эксперта от производства экспертизы, то он может добросовестно заблуждаться и не видеть своих ошибок. Поэтому представляется, что если некомпетентность эксперта обнаружена еще на начальном этапе при назначении экспертизы, должна быть обеспечена возможность его отвода. Вспомним, что во всех вышеназванных процессах экспертами выступают одни и те же лица. Сегодня эксперт-экономист привлекается для решения вопросов по уголовному делу, завтра — по арбитражному, а послезавтра — в административное судопроизводство.

Экспертные технологии, методики экспертного исследования в соответствии с судебной экспертологией не зависят от вида процесса. Следовательно, задача судебной экспертологии, в частности ее раздела «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности», — выработать единые унифицированные нормы, регламентирующие права и обязанности судебного эксперта.

Рассмотрим далее результаты сравнительного анализа правового статуса специалиста в процессуальных кодексах и КоАП РФ (табл. 2). Здесь также поражает разноречивость в процессуальных нормах. Начнем с того, что почему-то мы имеем несколько видов процессуальной формы использования специальных знаний специалистами. В уголовном процессе специалист дает заключение и показания, являющиеся доказательствами по делу, в гражданском процессе — уже консультации в устной и письменной форме. Отметим, что отдельной статьи «Специалист» в ГПК РФ не имеется, как нет четких указаний на его права и обязанности. Ответственность наступает только в случае неявки в суд по неуважительной причине. Ответственности за дачу заведомо ложной консультации или показаний нет ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ, ни в КАС РФ. При этом вопрос о том, является ли консультация специалиста доказательством по делу, в ГПК РФ до конца неясен, поскольку имеются противоречия между ст. 55 и ч. 1 ст. 157 (см. табл. 2). Согласно АПК РФ консультация специалиста, данная в устной форме, является доказательством. В КАС РФ письменная и устная консультации специалиста доказательствами не являются, хотя заносятся в протокол судебного заседания или приобщаются к административному делу (непонятно, зачем. — Е. Р.). В КоАП РФ специалист вообще не дает никаких консультаций, а является просто техническим помощником лица или органа, составляющего протокол об административном правонарушении, рассматривающего дело, или суда. К тому же в КоАП РФ из УПК РСФСР перекочевала многократно критикуемая норма о запрете специалисту быть впоследствии экспертом. В остальных кодексах этот нелепый запрет давно снят.

В завершение нашего анализа хотелось бы обсудить вопрос о возможности отказа эксперта от производства экспертизы и специалиста от дачи показаний, консультации или заключения. Обратившись к табл. 1, увидим, что в большинстве процессуальных кодексов и ФЗ ГСЭД утверждается, что эксперт обязан принять к производству порученную ему экспертизу. Что касается УПК РФ, то, как и в других кодексах, там дан исчерпывающий список причин, по которым эксперт может отказаться от производства экспертизы, но возможны и другие причины, например простое нежелание эксперта выполнять экспертизу.

Согласно действующему процессуальному законодательству судебный эксперт не несет ответственности за отказ от дачи заключения. В то же время, если экспертиза назначается судебному эксперту в государственное экспертное учреждение и поручается его сотруднику, в должностные обязанности которого согласно подписанному им трудовому договору (контракту) входит производство судебных экспертиз, то ответственность данного лица наступает за неисполнение требований контракта.

Частные эксперты, т. е. лица, производящие экспертные исследования вне экспертных учреждений, не обязаны производить экспертизу и давать заключение. Принуждение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству экспертизы против их желания противоречит ст. 37 Конституции РФ, согласно которой принудительный труд в Российской Федерации запрещен, а также ст. 4 Трудового кодекса РФ [19]. Негосударственные судебно-экспертные учреждения решают вопрос о возможности производства экспертизы исходя из множества факторов. Поскольку их деятельность не финансируется из государственного бюджета, их трудно обязать производить экспертизы вопреки их возможностям.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и с привлечением специалиста. Здесь опять-таки речь идет об обязанности явиться в суд, но эта обязанность может возникнуть только после того, как лицо согласится участвовать в судопроизводстве в качестве специалиста (или эксперта). К сожалению, законодатель нигде не упоминает о том, что все вышеуказанные требования могут относиться к лицам, которые уже дали согласие выступить в роли эксперта или специалиста.

Подводя итог сказанному, можем заключить, что только в рамках судебной экспертологии и, в частности, ее раздела «Правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности» возможно упорядочить и унифицировать нормативную базу, связанную с правовым статусом эксперта и специалиста в судопроизводстве.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Список библиографических ссылок

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М., 2006.
2. Корухов Ю. Г. Формирование общей теории судебной экспертизы. Материал для ученого совета ВНИИСЭ. М., 1989.
3. Алиев И. А., Аверьянова Т. В. Концептуальные основы общей теории судебной экспертизы. Баку, 1992.
4. Основы судебной экспертизы. Ч. 1.: Общая теория. М., 1997.
5. Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 2001.
6. Винберг А. И., Малаховская Н. Т. Судебная экспертология (общетеоретические и методологические проблемы судебных экспертиз). Волгоград, 1979.
7. Эйсман А. А. Экспертология в системе научного знания // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР. М., 1980.
8. Гордон Б. Е. К вопросу о системе судебной экспертологии // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1985. Вып. 31.
9. Сегай М. Я. Судебная экспертология: объект, предмет, природа и система науки // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики. Харків, 2003. Вип. 3.
10. Волчецкая Т. С. Основы судебной экспертологии. Калининград, 2004.
11. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex Russica. 2013. № 4. С. 421—428.
12. Россинская Е. Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Право и государство. Астана. 2014. № 2. С. 96—100.
13. О судебно-экспертной деятельности в РФ: законопроект № 306504-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (дата обращения: 15.01.2016).
14. Россинская Е. Р. Некоторые проблемы законодательной регламентации судебной экспертизы и пути их разрешения // Судебная экспертиза. 2012. № 2 (30). С. 9—22.
15. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2013.
16. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. М. С. Шакарян. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Жуйкова и М. К. Треушникова. М., 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
19. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

References

1. Aver'janova T. V. Sudebnaja jekspertiza: kurs obshhej teorii. M., 2006.
2. Koruhov Ju. G. Formirovanie obshhej teorii sudebnoj jekspertizy. Material dlja uchenogo soveta VNIISJe. M., 1989.
3. Aliev I. A., Aver'janova T. V. Konceptual'nye osnovy obshhej teorii sudebnoj jekspertizy. Baku, 1992.
4. Osnovy sudebnoj jekspertizy. Ch. 1.: Obshhaja teorija. M., 1997.
5. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki. M., 2001.
6. Vinberg A. I., Malahovskaja N. T. Sudebnaja jekspertologija (obshheteoreticheskie i metodologicheskie problemy sudebnyh jekspertiz). Volgograd, 1979.
7. Jejsman A. A. Jekspertologija v sisteme nauchnogo znanija // Jekspertnye zadachi i puti ih reshenija v svete NTR. M., 1980.
8. Gordon B. E. K voprosu o sisteme sudebnoj jekspertologii // Kriminalistika i sudebnaja jekspertiza. Kiev, 1985. Vyp. 31.
9. Segaj M. Ja. Sudebnaja jekspertologija: ob#ekt, predmet, priroda i sistema nauki // Teorija ta praktika sudovoï ekspertizi i kriminalistiki. Harkiv, 2003. Vip. 3.
10. Volcheckaja T. S. Osnovy sudebnoj jekspertologii. Kaliningrad, 2004.
11. Rossinskaja E. R. Sovremennye predstavlenija o predmete i sisteme sudebnoj jekspertologii // Lex Russica. 2013. № 4. S. 421—428.
12. Rossinskaja E. R. Sovremennaja koncepcija sudebnoj jekspertologii kak nauki o sudebnoj jekspertize i sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti // Pravo i gosudarstvo. Astana. 2014. № 2. S. 96—100.
13. O sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti v RF : zakonoproekt № 306504-6. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru> (data obrashhenija: 15.01.2016).
14. Rossinskaja E. R. Nekotorye problemy zakonodatel'noj reglamentacii sudebnoj jekspertizy i puti ih razreshenija // Sudebnaja jekspertiza. 2012. № 2 (30). S. 19—22.
15. Postatejnyj kommentarij k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. P. V. Krashennikova. M., 2013.
16. Kommentarij k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. M. S. Shakarjan. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
17. Kommentarij k Grazhdanskomu processual'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod red. V. M. Zhujkova i M. K. Treushnikova. M., 2007. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPljus».
18. Rossinskaja E. R. Sudebnaja jekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2013.
19. Rossinskaja E. R., Galjashina E. I., Zinin A. M. Teorija sudebnoj jekspertizy (sudebnaja jekspertologija) / pod red. E. R. Rossinskoj. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2016.

© Россинская Е. Р., 2016

***

Ю. К. Орлов,

профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
доктор юридических наук, профессор

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ И ПОВТОРНАЯ СУДЕБНЫЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются черты дополнительных и повторных экспертиз в уголовном судопроизводстве, выделяются критерии разграничения оснований назначения указанных специфических процессуальных видов экспертиз. Автор акцентирует внимание на неполноте исследования, которая может выступать основанием назначения как дополнительной (в случае сужения объема задания), так и повторной судебной экспертизы (если неполнота относится к характеру и объему исследования). Делается вывод, что не является повторной экспертиза, если эксперту представлены новые исходные данные, которые ранее ему не были известны, а также когда экспертиза проводится после того, как первое заключение было признано недопустимым ввиду каких-то существенных процессуальных нарушений.

В статье рассматривается спорный случай, когда последующие экспертизы назначаются по нескольким основаниям, относящимся к дополнительной и повторной экспертизам. Обосновывается, что такая экспертиза должна производиться по правилам повторной экспертизы, поскольку они более «жесткие» и надежно гарантируют допустимость выводов новой экспертизы, часть которых сформулирована по правилам проведения повторной экспертизы.

Ключевые слова: особые (процессуальные) виды судебной экспертизы, повторная экспертиза, дополнительная экспертиза, основания назначения судебных экспертиз, неполнота, неясность заключения эксперта, необоснованность заключения эксперта.

Y. K. Orlov,

professor of the Criminal Procedure Law Department
of the Moscow State Law University after n. a. O. Kutafin (MSLU),
Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Employee
of Higher Professional Education, doctor of Science (Law), professor

ADDITIONAL AND REPEATED FORENSIC EXAMINATION IN THE CRIMINAL PROCEDURE

The article analyzes features of additional and repeated forensic examination in criminal proceedings, identifies criteria for separating the grounds for assigning the mentioned specific procedural kinds of examination. The author focuses attention on incompleteness of examination which can provide the basis for assigning additional (in case of narrowing the scope of assignment) as well as repeated forensic examination (if incompleteness refers to the character and scope of examination). The author comes

to the conclusion that forensic examination can't be regarded as repeated if the expert has been provided with new initial data unknown to him previously and also, when examination is conducted after the first conclusion has been acknowledged as inadmissible due to some serious procedural violations.

The article analyzes a disputable case when follow-up forensic examination is assigned on several grounds concerning additional and repeated examination. The author proves that such examination should be conducted under the rules of repeated examination because they are tougher and fully guarantee admissibility of conclusions of the new examination, part of which has been formulated under the rules of repeated examination.

Key words: specific (procedural) kinds of forensic examination, repeated examination, additional examination, the grounds for assigning forensic examination, incompleteness, ambiguity of the expert's conclusion, invalidity of the expert's conclusion.

* * *

К числу особых видов судебной экспертизы, обладающих определенной процессуальной спецификой, относятся повторная и дополнительная экспертизы, назначаемые только после получения заключения первоначальной экспертизы, когда первое заключение эксперта уже оценено органом или лицом, ее назначившим, и в ходе его оценки выявлены недостатки и пробелы. Традиционно первая экспертиза по отношению к дополнительной экспертизе именуется «основной», а по отношению к повторной она является первичной.

В качестве критерия разграничения повторной и дополнительной экспертиз выступают основания их назначения, которые являются дополнительными по отношению к общим основаниям назначения экспертизы.

Рассмотрим эти основания, регламентированные ст. 207 УПК РФ. Согласно данной статье основания назначения *дополнительной* судебной экспертизы следующие:

1. Недостаточная ясность заключения эксперта. Неясность заключения может выражаться в нечеткости формулировок, их расплывчатости и т. п. Обычно этот недостаток устраняется путем допроса эксперта, а не посредством назначения дополнительной экспертизы, поскольку для этого не требуется проведения дополнительных исследований.

2. Недостаточная полнота заключения эксперта, которая имеет место, когда эксперт оставил без разрешения некоторые из поставленных перед ним вопросов, сузил их объем либо исследовал не все представленные ему объекты и т. п. Однако в некоторых случаях неполнота может ставить под сомнение и обоснованность заключения (например если эксперт не учел всех обстоятельств, имеющих значение для решения поставленных перед ним вопросов, не применил всех методов исследования и т. п.) и поэтому выступает в качестве основания назначения не дополнительной, а повторной экспертизы. Разграничение этих оснований в таких случаях можно провести по следующему признаку. Неполнота, выражающаяся **в сужении объема задания**, является основанием назначения дополнительной экспертизы, поскольку при этом не ставятся под сомнение выводы эксперта в части разрешенных им вопросов. Если же неполнота относится **к характеру и объему исследования**, необходимого для решения поставленных вопросов, то она выступает уже в качестве основания назначения повторной экспертизы,

так как в данном случае вопросы должны решаться заново по существу, с учетом дополнительно проведенных исследований. Так, неправильным будет назначение дополнительной экспертизы вместо повторной в случаях, когда производство дополнительных исследований связано с необходимостью решения тех же самых вопросов (например эксперт-автотехник при расчете коэффициента сцепления не учел, что одно колесо автомашины тормозилось еще бордюрным камнем). Таким образом, неполнота заключения эксперта как основание назначения дополнительной экспертизы относится лишь к объему полученного экспертом задания и выражается только в сокращении числа или объема поставленных перед ним вопросов.

3. Возникновение новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела. Данное основание впервые появилось в действующем УПК РФ, в прежнем законе оно отсутствовало. Суть его состоит в следующем.

Назначение дополнительной экспертизы не всегда является результатом недостатков первичной экспертизы. Постановка дополнительных вопросов нередко вызывается расширением потребностей следствия, вовлечением в его орбиту новых объектов (например обнаружены новые бухгалтерские документы, предположительно подписанные лицом, которое визировало ранее исследованные документы) либо может быть результатом упущения лица, назначившего экспертизу. Однако в литературе вопрос о природе такого рода экспертиз на протяжении многих лет был спорным. Одни авторы считали ее дополнительной [1], другие — новой, самостоятельной экспертизой [2, с. 21].

При решении данного вопроса необходимо, видимо, исходить из сущности дополнительной экспертизы. Смысл ее законодательного выделения в особый вид экспертизы обусловлен, в частности, соображениями экономичности, так как в подобных случаях нет необходимости заново исследовать объект, который уже исследован, описывать подробно его свойства — достаточно сослаться на первое заключение. Поэтому если при решении новых вопросов хоть в какой-то мере могут быть использованы результаты предыдущих исследований, то, на наш взгляд, должна назначаться дополнительная экспертиза. Новой, самостоятельной экспертиза будет лишь в том случае, если новое исследование никак не связано с предыдущим (например назначается вторая автотехническая экспертиза по совершенно другому эпизоду уголовного дела) либо, хотя исследованию подлежит тот же самый объект, сама экспертиза относится к другому виду экспертиз (так, после проведения технико-криминалистической экспертизы документов по выявлению невидимого текста назначается почерковедческая экспертиза).

В связи с этим законодательное закрепление данного основания назначения дополнительной экспертизы можно только приветствовать.

Таковы основания назначения дополнительной экспертизы.

В итоге можно констатировать, что основное отличие дополнительной экспертизы от повторной заключается в том, что при дополнительной экспертизе решаются вопросы, которые ранее по каким-то причинам не были решены, а при повторной — заново решаются вопросы, на которые уже получены ответы, но выводы эксперта вызывают сомнение.

Основанием назначения повторной экспертизы ст. 207 УПК РФ называет сомнения в обоснованности заключения эксперта и наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам.

В УПК РФ отсутствует еще одно основание, бывшее ранее в УПК РСФСР (ст. 81) и закрепленное в ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» (ст. 20) — **сомнения в правильности заключения эксперта**. Данное основание является **самостоятельным, не совпадающим с необоснованностью заключения**, и исключение его представляется неоправданным. Рассмотрим содержание и соотношение этих оснований.

Обоснованность заключения эксперта — это его аргументированность, убедительность. Необоснованным заключение может быть признано, если вызывает сомнение примененная экспертом методика*, недостаточен объем проведенных исследований, выводы эксперта не вытекают из результатов исследований или противоречат им и т. д. Необоснованное заключение может оказаться как правильным, так и неправильным по существу. Однако в качестве доказательства может быть использовано только научно обоснованное и убедительное заключение. Поэтому даже при отсутствии по делу каких-либо данных, вызывающих сомнение в правильности заключения эксперта, необоснованность выводов, их неподтвержденность данными проведенных исследований могут служить достаточным основанием назначения повторной экспертизы.

Правильность экспертного заключения означает соответствие выводов эксперта объективной действительности. В принципе любое неправильное заключение содержит какой-либо изъян и в его обосновании. Однако его обнаружение может оказаться затруднительным для лица, производящего оценку заключения. Поэтому основанием назначения повторной экспертизы могут быть сомнения и в правильности экспертного заключения, т. е. случаи, когда мотивом ее назначения является недостаточная уверенность в истинности экспертных выводов, и в их соответствии фактическому положению вещей независимо от того, имеются ли какие-либо конкретные упреки по поводу их обоснованности.

Сомнения в правильности заключения эксперта могут возникнуть, например, в случае несоответствия его выводов другим материалам дела, при активном сопоставлении этих выводов обвиняемым или другими участниками процесса и в других случаях, когда обстоятельства конкретного дела диктуют необходимость получения дополнительных гарантий истинности этих выводов.

Таким образом, необоснованность экспертного заключения определяется, как правило, при оценке его самого — исходя из его содержания и внутренней структуры. Сомнения же в правильности заключения обычно являются результатом оценки совокупности доказательств — при сопоставлении выводов эксперта с другими полученными по делу данными (при этом, разумеется, не исключено, что повторная экспертиза назначается по тому и другому основанию одновременно).

Отсутствие в действующем УПК РФ такого основания — сомнения в правильности заключения эксперта — делает невозможным назначение в таких случаях повторной экспертизы, и тем самым отрицательно сказывается на практике. Как справедливо отмечается в литературе, «это существенно ограничивает возможность участников уголовного судопроизводства по установлению истины и может привести к серьезным судебным ошибкам» [3, с. 18, 19].

Следующее основание назначения повторной экспертизы — **наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов**. Видимо, здесь возможны два варианта — противоречия между заключениями различных экспертов и противоречия в содержании заключения (что желательно более четко сформулировать в законе). Первый случай — противоречия между заключениями различных экспертов — по существу является разновидностью сомнений в правильности заключения (поскольку какое-то из них наверняка является неправильным), однако целиком его не охватывает, поскольку такие сомнения, как указывалось, могут возникнуть и при противоречии заключения иным материалам дела.

Противоречия в самом заключении эксперта (причем не обязательно в выводах, возможно между выводами и исследовательской частью) является разновидностью необоснованности, необидительной, противоречивой аргументации. Таким образом, данное основание является не самостоятельным, а разновидностью, частным случаем других. Тем не менее законодательное его выражение, вероятно, имеет смысл как конкретизация, детализация других норм, облегчающая их понимание и применение на практике (хотя, как отмечалось, желательно сформулировать данное основание в более четкой форме).

Рассмотрим теперь некоторые пограничные случаи разграничения повторной экспертизы с дополнительной или новой самостоятельной, вызывающие затруднения и ошибки на практике и споры в теории.

На практике (а иногда и в теории [3, с. 238; 4, с. 127]) в качестве повторной назначается экспертиза, проводимая после того, как первое заключение было признано недопустимым ввиду каких-то существенных процессуальных нарушений (например выяснилось, что эксперт подлежал отводу). Представляется, это не так. Первая экспертиза считается в таких случаях несостоявшейся, а последующее экспертное исследование является не повторной, а первоначальной экспертизой. Прежнее заключение под сомнение не ставится и не проверяется. Более того, оно может быть вполне обоснованным и не вызывать никаких сомнений (так, когда эксперт на момент проведения экспертизы не мог знать, что потом по делу в каком-то процессуальном качестве будет фигурировать его родственник). И тем не менее заключение отвергается только по формальным основаниям, не касающимся его сущности.

Не является повторной экспертиза, если эксперту представлены новые исходные данные, которые ранее ему не были известны. Изменение исходных данных нередко влечет за собой формулирование совершенно иных выводов (например если ранее эксперт считал, что у водителя была техническая возможность предотвратить наезд, то при исследовании новых исходных данных он может прийти к выводу, что такой возможности у него не было). В отличие от повторной экспертизы здесь предыдущий вывод не ставится под сомнение и не перепроверяется. Более того, он остается правильным (для тех условий, из которых исходил эксперт), даже если последующий вывод противоречит ему. Если экспертом рассчитаны различные варианты для неодинаковых исходных данных, это обстоятельство не отменяет правильности каждого отдельно взятого варианта. В случае необходимости исследования какого-либо дополнительного варианта экспертиза

назначается не из-за сомнений в правильности и обоснованности имеющихся выводов, поэтому она не может быть признана повторной. Представляется более правильным считать ее дополнительной, так как она назначается для расчета дополнительного варианта, что является разновидностью постановки перед экспертом дополнительных вопросов, связанных с предыдущим исследованием.

Иначе должен решаться вопрос, когда при повторном исследовании меняются не исходные данные, а количество представленного эксперту сравнительного материала (к примеру, количество свободных образцов почерка). В этом случае налицо все признаки повторной экспертизы: при тех же самых исходных данных заново решаются те же самые вопросы.

Основанием назначения экспертизы здесь выступает необоснованность первого заключения, поскольку появились сомнения, достаточно ли было той совокупности признаков, которой располагал эксперт, для того чтобы сделать данный вывод, базируется ли этот вывод на достаточном фактическом материале.

Как уже говорилось, в постановлении (определении) о назначении дополнительной или повторной экспертизы, помимо общих оснований назначения экспертизы, должны быть указаны мотивы и основания назначения дополнительной или повторной экспертизы (какие обстоятельства остались невыясненными при проведении предыдущей экспертизы, либо в чем конкретно выражается необоснованность выводов эксперта, или какие имеются основания для сомнений в их правильности). Эксперту, производящему дополнительную или повторную экспертизу, должны быть представлены заключения (сообщения о невозможности дачи заключения) предшествующих экспертиз со всеми приложениями, а также дополнительные материалы, которые оказались в распоряжении следователя или суда после проведения предыдущих исследований.

При производстве повторной экспертизы эксперт должен дать оценку (с позиций специальных познаний) выводов первичной экспертизы и указать на допущенные предыдущими экспертами ошибки. Согласно ведомственным нормативным актам в заключении повторной экспертизы должны быть указаны причины расхождения с результатами первичной экспертизы, если таковые имели место. Это правило имеет большое значение для правильной оценки следователем и судом противоречивых заключений экспертов. Так, если эксперт-автотехник при производстве повторной экспертизы выявит лишь простую арифметическую ошибку, допущенную предыдущим экспертом, и не отметит это в своем заключении, то следователю для установления причины расхождения в выводах не остается ничего иного, как назначить еще одну экспертизу.

Процессуальный порядок производства дополнительной и повторной экспертиз различен в том, что дополнительная экспертиза может быть поручена как тому же, так и другому эксперту (экспертам), а повторная — только другому (другим) экспертам.

На практике бывают случаи, когда вторая или последующая по счету экспертиза назначается по нескольким основаниям, одни из которых относятся к дополнительной экспертизе, а другие — к повторной (например наряду с ранее разрешенными

вопросами, ответ на которые вызывает сомнения, ставятся новые, дополнительные). По каким правилам должна производиться такая экспертиза? Видимо, по правилам производства повторной, поскольку они более «жесткие». Экспертиза должна считаться повторной, даже если она является таковой лишь частично, а в другой части — дополнительной или даже новой, самостоятельной. Такой порядок гарантирует допустимость выводов новой экспертизы, часть которых сформулирована по правилам проведения повторной экспертизы.

* В литературе описывается немало примеров, когда для подтверждения обоснованности заключения экспертов стороны приглашали в суд специалистов, которые давали заключения и показания, ставящие под сомнение обоснованность выводов судебного эксперта (см.: [5, с. 68, 69]).

Список библиографических ссылок

1. Пинхасов Б. И. Назначение и производство дополнительной экспертизы: сб. науч. тр. ТашНИИСЭ. Ташкент, 1968. Вып. V.
2. Виноградов И. В., Кочаров Г. И., Селиванов Н. А. Экспертизы на предварительном следствии. М., 1967.
3. Галимов Р. Назначение судом повторной либо дополнительной экспертизы // Законность. 2003. № 4.
4. Петрухин И. Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе. М., 1972.
5. Зайцева Е. А., Чипура Д. П. Использование специальных экономических знаний в досудебном производстве по уголовным делам: моногр. Волгоград, 2007.

References

1. Pinhasov B. I. Naznachenie i proizvodstvo dopolnitel'noj jekspertizy: sb. nauch. tr. TashNIISJe. Tashkent, 1968. Vyp. V.
2. Vinogradov I. V., Kocharov G. I., Selivanov N. A. Jekspertizy na predvaritel'nom sledstvii. M., 1967.
3. Galimov R. Naznachenie sudom povtornoj libo dopolnitel'noj jekspertizy // Zakonnost'. 2003. № 4.
4. Petruhin I. L. Jekspertiza kak sredstvo dokazyvanija v sovetskom ugolovnom processe. M., 1972.
5. Zajceva E. A., Chipura D. P. Ispol'zovanie special'nyh jekonomicheskikh znaniij v dosudebном proizvodstve po ugolovnym delam: monogr. Volgograd, 2007.

© Орлов Ю. К., 2016

***

Е. А. Зайцева,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному следствию
в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России,
заслуженный работник высшей школы РФ,
доктор юридических наук, профессор

**РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ***

В статье анализируются нормативные установления федерального закона от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ, который ввел в арсенал средств доказывания на стадии возбуждения уголовного дела судебную экспертизу, приводятся сведения мониторинга применения новелл ст. 144 УПК РФ, делается вывод о непродуманности и противоречивости нормативного регулирования судебной экспертизы в качестве проверочного мероприятия. Этот вывод основывается на выявленных автором дефектах нормотворческой техники разработчиков проекта указанного федерального закона, которые выражаются: в отсутствии перечня ситуаций, когда экспертиза должна быть назначена в ходе проверки сообщения о преступлении; во фрагментарном регулировании статуса участников проверочных мероприятий, непродуманной системе гарантий защиты их интересов; в отсутствии уголовно-правовых гарантий достоверности заключения эксперта. Автором обозначаются пути совершенствования нормативной регламентации назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, судебная экспертиза, проверка сообщения о преступлении, федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ.

E. A. Zaytseva,

Professor of the Chair of Criminal Procedure
of the Training and Scientific Complex for Preliminary Inquiry
in Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy
of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor

**REGULATION OF FORENSIC EXAMINATION
AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL ACTION:
PRESENT STATE AND WAYS OF IMPROVEMENT**

The article analyzes standards of Federal Law No. 23-FZ (March 04, 2013) on introduction of forensic examination as evidence at the stage of initiating a criminal action. It demonstrates data of monitoring to apply new standards of Article 144 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation and contains conclusion on inaccuracy and discrepancy of standard regulation of forensic examination as a checking step.

The author's conclusion is based on the revealed defects of legislative standards activities by movers (developers) of the draft of mentioned-above federal law. In author's opinion such defects include absence of the list of situations when forensic examination has to be appointed while checking the reported crime information, fragmentary regulating the status of checking steps participants, unreasoned (mistaken) system of guarantee(s) of their interests protection; absence of the criminal legal guarantees to verify forensic scientist conclusion. The author determines ways of improvement of a standard regulation to impose and conduct forensic examination at the stage of initiating a criminal action.

Keywords: stage of initiating a criminal action, forensic examination, checking steps, checking the reported crime information, Federal Law No. 23-FZ (March 04, 2013).

* * *

С момента вступления в силу положений Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ» прошло три года, в течение которых практика приспособлялась к новым реалиям, предоставившим субъектам процессуальной проверки возможность проводить судебную экспертизу на стадии возбуждения уголовного дела. И хотя с самого начала было ясно, что нормативная регламентация этого проверочного мероприятия далека от совершенства, правоприменение обнажило новые проблемы, диктующие необходимость адекватного законодательного реагирования.

Расширение установленного в ст. 144 УПК РФ перечня проверочных действий изначально происходило на фоне неутрачиваемых дискуссий относительно целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства [1, 2, 3]. Ряд авторов, рассматривая перспективы данной стадии, обоснованно указывали на дальнейшее стирание различий между этим этапом досудебного производства и стадией предварительного расследования в части способов установления значимых обстоятельств проверяемого (расследуемого) события.

Очередная корректировка ч. 1 ст. 144 УПК РФ была обусловлена, в том числе, необходимостью дальнейшей дифференциации форм предварительного расследования, что проявилось в дополнении УПК РФ новой главой 32.1 «Дознание в сокращенной форме». В результате «мартовской модернизации досудебного производства» (а масштабность изменений уголовно-процессуального закона позволяет говорить именно о модернизации), коснувшейся как системы форм предварительного расследования, так и способов осуществления проверочных мероприятий в стадии возбуждения уголовного дела, произошло насыщение ч. 1 ст. 144 УПК РФ дополнительными следственными действиями, а также в текст этой статьи были введены новые части 1.1 и 1.2, закрепившие дополнительные гарантии прав лиц, вовлеченных в проверочную деятельность.

Мониторинг применения новелл ст. 144 УПК РФ** показал, что регламентация процессуальной проверки в целом, а в частности — положений, касающихся по-

рядка назначения и производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела, ввиду пробельности и противоречивости нормативных установлений создает определенные сложности для практиков. Можно выделить следующие **проблемы современного регулирования** проведения судебной экспертизы в качестве проверочного мероприятия.

Во-первых, отсутствие перечня ситуаций, когда экспертиза должна быть назначена в ходе проверки сообщения о преступлении. Законодатель не стал детально регламентировать случаи, когда в стадии возбуждения уголовного дела требуется проводить судебную экспертизу, хотя, как представляется, необходимость этого существует. Не любые судебные экспертизы следует вводить в стадию возбуждения уголовного дела. Безусловно, прав Ю. К. Орлов [4, с. 20], который отмечает, что недопустимо проведение судебно-психиатрической экспертизы, поскольку она сопряжена с множеством весьма существенных ограничений (например помещение в стационар) и может быть очень продолжительной. Очевидно, что в стадии возбуждения уголовного дела жизненно необходимы экспертизы, которые устанавливают признаки преступления, образующие основание для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Так, наряду с судебной экспертизой для исследования свойств предмета, орудия преступления, прямо указанного в соответствующей статье Особенной части УК РФ (например ст. 222—223.1, 228—229.1 УК РФ), следует предусмотреть и судебно-медицинские экспертизы трупов и живых лиц для установления причиненного вреда здоровью [5, с. 123].

Законодательное решение указанного вопроса обусловлено также и потребностью предотвратить случаи «злоупотребления правом» со стороны субъектов проверки сообщения о преступлении. Так, среди следователей Следственного комитета РФ утвердилась практика использования «времязатратных» процедур (судебных экспертиз, предварительных исследований, ревизий, документальных проверок) для продления сроков проверки до 30 суток, когда в установленные 3, 10 суток они не успевают найти основания для принятия решения согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ. При этом экспертизы они назначают даже в случаях, когда их результаты не направлены на установление основания для возбуждения уголовного дела [6, с. 235, 236].

Во-вторых, фрагментарное регулирование статуса участников проверочных мероприятий, непродуманная система гарантий защиты их интересов. Это проявляется в отсутствии комплекса прав, предусмотренных ст. 198 УПК РФ, у участников проверки сообщения о преступлении, чьих интересов касается проводимая проверка. Сами участники обозначаются в тексте УПК РФ различными терминами: законодатель их именует «участниками досудебного производства», «участниками проверки сообщения о преступлении», «лицами, участвующими в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении» (очевидно, что объем этих понятий различен). При этом следует помнить, что в процессуальные отношения на этой стадии вступает круг лиц, чей статус еще формально не закреплен: заявители, не являющиеся реально потерпевшими от преступления; очевидцы и иные обладающие информацией о событии и его участниках лица; лица, потерпевшие от преступлений; лица, в отношении

которых осуществляются проверочные мероприятия на предмет их причастности к совершению преступления. Именно для этих категорий законодатель формулировал новеллы о том, что если они участвуют в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, то им:

1) разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ (а четкий перечень их отсутствует);

2) делается предупреждение о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ (этот тезис не выдерживает критики, так как охранительное действие ст. 161 УПК РФ распространяется на тайну *предварительного расследования*, а ст. 310 УК РФ предусматривает уголовную ответственность *исключительно за разглашение данных предварительного расследования*);

3) обеспечивается возможность осуществления прав, предусмотренных УПК РФ, в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы:

а) право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК РФ;

б) пользоваться услугами адвоката;

в) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ;

г) требовать обеспечения безопасности в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Применительно к этим категориям участников проверочных мероприятий срабатывает именно этот комплекс прав, перечисленный нами в пп. «а»—«г», ввиду достаточной определенности предписаний законодателя. Что касается фразы «разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом», то ее необходимо расценивать в контексте следующих законоустановлений — этим лицам «обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы». То есть перечень прав участников проверочных мероприятий, закрепленный в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, не является исчерпывающим — на это указывает и союз, примененный законодателем, «в том числе», который подтверждает, что перечисленные права входят в число **иных** прав, «предусмотренных настоящим Кодексом». К ним, например, можно отнести «универсальный комплекс прав участника следственного действия», вытекающий из предписаний чч. 4—6 ст. 164, чч. 5—10 ст. 166, ст. 167, ч. 2 ст. 18 УПК РФ. Естественно, что этими правами лицо наделяется в случае участия в производстве конкретного следственного действия (осмотра места происшествия, освидетельствования).

Тем не менее, полагаем, законодателю следовало бы продумать гарантии прав лиц, в отношении которых проводятся судебные экспертизы в ходе проверки сообщения о преступлении. Дело в том, что комплекс прав, предусмотренный ст. 198 и 206 УПК РФ, существенно отличается от «универсального комплекса прав участника следственного действия», проанализированного нами выше.

Закрепление в ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ предписания об обязательном удовлетворении ходатайства сторон о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, если экспертиза проводилась до возбуждения уголовного дела, нельзя признать действенной гарантией обеспечения прав участников проверочных мероприятий. Этот «компенсационный механизм» не позволяет участникам своевременно и полно реализовать свои интересы в связи с назначением и производством судебной экспертизы (так, по объективным причинам не всегда экспертиза может быть проведена повторно: в случае уничтожения или видоизменения объектов в ходе первоначальной судебной экспертизы). Кроме того, *это нормативное установление, сформулированное в безальтернативной форме, противоречит общим положениям об основаниях назначения и производства дополнительных и повторных экспертиз* (ст. 207 УПК РФ).

Также к числу проблем регулирования статуса участников проверки сообщения о преступлении следует отнести *отсутствие решения по вопросу о допустимости и пределах процессуального принуждения, применяемого к этим лицам в связи с проведением судебной экспертизы и предшествующим ей получением образцов для сравнительного исследования*. Полагаем, что при решении этого вопроса необходимо исходить из идейного содержания охранительных положений Конституции РФ (согласно ч. 3 ст. 56 Конституции РФ права и свободы, предусмотренные ст. 20, 21, 23 (часть 1), 24, 28, 34 (часть 1), 40 (часть 1), 46—54 Конституции Российской Федерации, не подлежат ограничению ни в каких ситуациях, они неотчуждаемы и являются непосредственно действующими).

Принудительный характер изъятия у участников проверки образцов для сравнительного исследования, особенно тех, чье получение связано с нарушением их физической неприкосновенности (например образцы биологического происхождения), противоречит требованиям международных правовых актов, которые являются составной частью правовой системы России [7]. В условиях, когда еще не доказано, что имело место преступление, требующее соответствующего адекватного реагирования государственных органов, использовать весь арсенал процессуального принуждения в отношении участников проверки (тем более добросовестных граждан, заявивших о совершенных преступлениях) преждевременно. Необходимость соблюдения соразмерности вмешательства в права человека преследуемой законной цели, при условии достаточности в законодательстве и практике гарантий для защиты от злоупотреблений, неоднократно подчеркивалась Европейским судом по правам человека [8].

Таким образом, применение принуждения в ходе проверки сообщения о преступлении должно осуществляться «дозированно и дифференцированно»: например в отношении лица, фактически задержанного и доставленного в органы внутренних дел, разумно провести освидетельствование, получить у него образцы для сравнительного исследования — если это диктуется объективной необходимостью закрепления следовой или иной значимой информации или потребностью в проведении судебной экспертизы. Полагаем, в повестке дня законодателя должно быть взвешенное, соответствующее конституционным нормам и международным стандартам в области защиты прав человека, решение проблемы принуждения в ходе осуществления таких проверочных мероприятий,

как судебная экспертиза, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствование.

В-третьих, одной из проблем регулирования судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела является отсутствие уголовно-правовых гарантий достоверности заключения эксперта. Буквальное толкование текста ст. 307 УК РФ применительно к судебно-экспертной деятельности дает основание для вывода, что уголовная ответственность судебного эксперта возможна только за дачу заведомо ложного заключения в суде либо при производстве предварительного расследования. Действия эксперта, проводившего судебную экспертизу в ходе проверки сообщения о преступлении и давшего заведомо ложное заключение, не образует состав данного преступления, даже если эксперт «по традиции» оформит соответствующую подписку.

Таким образом, низкое качество законодательной техники при разработке регулирования проверочных мероприятий влечет появление неоднозначной правоприменительной практики, способствует необоснованному ограничению прав граждан, влияет на допустимость получаемых заключений экспертов. Даже при первом рассмотрении видно, что вопросы регламентации проведения судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела нуждаются в серьезной корректировке, приведении в соответствие с действующими нормами УПК РФ и УК РФ.

* С положениями данной статьи автор выступал 25 ноября 2015 г. на юбилейном круглом столе «Экспертизы в судопроизводстве: законодательство и проблемы его унификации», посвященном десятилетнему юбилею образования кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) в рамках XVI Международной научно-практической конференции «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки» и IX Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» в ходе V Московской юридической недели.

**Автором настоящей статьи в 2015 г. по заявке ГУ МВД России по Волгоградской области (исх. № 1/2666 от 30.09.2014) проводился анализ практики назначения и производства судебных экспертиз и проведения предварительных исследований в досудебных стадиях уголовного процесса, в ходе которого было исследовано 361 экспертное производство (материалы судебных экспертиз и предварительных исследований) в архиве ЭКЦ ГУ МВД России по Волгоградской области за 2015 г.

Список библиографических ссылок

1. Гуськова А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела российскому уголовному судопроизводству? // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы междунар. науч.-практ. конф. 16—17 октября 2003 г. Ч. I. Уфа, 2003.

2. Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Рос. юстиция. 2011. № 6.

3. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела: моногр. 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. И. С. Дикарев. М., 2012.

4. Орлов Ю. К. Возможно ли производство судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2003. № 9.

5. Садовский А. И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2013.

6. Зайцева Е. А. Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц // Право и его реализация в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» (Саратов, 29—30 сентября 2011 г.). Саратов, 2011.

7. Зайцева Е. А., Ширяева Т. И. Предоставление образцов для сравнительного исследования: право или обязанность потерпевшего? // Судебная экспертиза. 2014. № 3 (39). С. 7—19.

8. Функе против Франции (Funke v. France): постановление Европейского суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. (жалоба № 10828/84) (извлечение). URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461438/2461438.htm> (дата обращения: 25.09.2015).

References

1. Gus'kova A. P. Nuzhna li stadija vozvuzhdenija ugolovno delo rossijskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu? // Problemy protivodejstvija prestupnosti v sovremennyh uslovijah: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 16—17 oktjabrja 2003 g. Ch. I. Ufa, 2003.

2. Kruglikov A. P. Nuzhna li stadija vozvuzhdenija ugolovno delo v sovremennom ugolovnom processe Rossii? // Ros. justicija. 2011. № 6.

3. Sushnost' i aktual'nye problemy stadii vozvuzhdenija ugolovno delo: monogr. 2-e izd., ispr. i dop. / otv. red. I. S. Dikarev. M., 2012.

4. Orlov Ju. K. Vozmozhno li proizvodstvo sudebnoj jekspertizy v stadii vozvuzhdenija ugolovno delo? // Zakonnost'. 2003. № 9.

5. Sadovskij A. I. Problemy formirovanija dokazatel'stv sledovatelem s ispol'zovaniem special'nyh poznanij i tehniceskikh sredstv: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2013.

6. Zajceva E. A. Nekotorye problemy vozvuzhdenija ugolovnyh del v otnoshenii otdel'nyh kategorij lic // Pravo i ego realizacija v XXI veke: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 80-letiju GOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja akademija prava» (Saratov, 29—30 sentjabrja 2011 g.). Saratov, 2011.

7. Zajceva E. A., Shirjaeva T. I. Predostavlenie obrazcov dlja sravnitel'nogo issledovanija: pravo ili objazannost' poterpevshego? // Sudebnaja jekspertiza. 2014. № 3 (39). S. 7—19.

8. Funke protiv Francii (Funke v. France): postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 25 fevralja 1993 g. (zhaloba № 10828/84) (izvlechenie). URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461438/2461438.htm> (data obrashhenija: 25.09.2015).

© Зайцева Е. А., 2016

* * *

Е. И. Галяшина,

заместитель заведующего, профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор

**СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
УНИФИКАЦИЯ ПОДХОДА К ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ И СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЭКСПЕРТОВ**

В статье рассматриваются актуальные проблемы нормативно-правового регулирования судебной лингвистической экспертизы. Показано, что требования законодательства о единстве научно-методического подхода к экспертной практике, подготовке и специализации экспертов для судебной лингвистической экспертизы носят декларативный характер и не выдерживаются в современных реалиях судопроизводства. Отсутствует единство методик. Методические рекомендации по решению отдельных задач лингвистической экспертизы носят разрозненный характер. Подходы к подготовке экспертов и их специализациям различаются. При назначении лингвистической экспертизы возникают затруднения в постановке вопросов эксперту, выборе эксперта или экспертной организации, подготовке объектов для экспертизы.

Существенной проблемой становится оценка заключения лингвистической экспертизы вследствие высокой доли субъективизма и невозможности проверки на основе общепринятых научных и практических данных получаемых результатов. Это дезориентирует следователей, прокуроров, судей и нередко приводит к тому, что по одному и тому же материалу, эксперты делают прямо противоположные выводы. Такое положение вещей не повышает эффективность расследования уголовных дел и разрешения гражданских споров и конфликтов, имеет отрицательный воспитательный эффект, порождая рассуждения о субъективности экспертов-лингвистов, их ангажированности, невозможности объективного доказывания с использованием специальных лингвистических знаний.

На основе общих закономерностей судебной экспертологии автором сформулированы предложения, позволяющие сделать единообразными подходы к подготовке экспертов-лингвистов, стандартизировать перечень и содержание компетенций эксперта-лингвиста, унифицировать научно-методическое обеспечение различных видов судебной лингвистической экспертизы. Поддерживая идею о межведомственной аттестации экспертов, автор обосновывает вывод о необходимости разработки и внедрения паспорта экспертной специальности, единого наименования экспертной специальности «судебная лингвистическая экспертиза», а также специализаций по ее отдельным видам. Предлагаются валидация и сертификация научно-методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы, формирование единого реестра методик лингвистической экспертизы и их накопление в библиотечном фонде открытого доступа.

Ключевые слова: научно-методический подход, судебная экспертология, судебная лингвистическая экспертиза, специальные знания, валидация, сертификация, научно-методическое обеспечение, компетенция эксперта, паспорт, экспертная специальность.

E. I. Galyashina,

Deputy head, professor of the Chair of Forensic Examination
of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL),
Doctor of Science (Law), Doctor of Science (Linguistics) Professor

FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION: UNIFICATION OF APPROACH TO EXPERT PRACTICE, TRAINING AND SPECIALIZATION OF EXPERTS

The article discusses topical problems of legal regulation of forensic linguistic expertise. It is shown that law requirement about the unity of scientific and methodical approach to expert practice, training and specialization of experts for forensic linguistic expertise seems mostly declaratory in the modern realities of litigation. There is no unity of methods, methodological recommendations on the solution of some problems of linguistic expertise.

The approaches for forensic linguistic training and expert specializations differ. Analysis of linguistic expert practice and methodology of expertology allowed the author to conclude that existing disunity confuses the law enforcement authority, reduces the efficiency of the use of special linguistic knowledge as evidence, discredits forensic linguistics in the eyes of the legal community, provokes statements about the bias of experts, subjectivity of the used methods and principal impossibility of achieving objective and reliable results via linguistic methods.

On the basis of forensic expertology the author proposes approaches to unify expert linguist's training, standardize the list and content of competencies, classification and methodology of different types of forensic linguistic expertise. Supporting the idea of interagency certification of experts, the author substantiates the conclusion about the necessity of development and introduction of forensic linguistics specialty passport according to the classification of forensic linguistic examinations. Validation and certification of scientific and methodological supplement of forensic linguistic expertise are discussed in the article. The author suggests to accumulate forensic expert methodics in the library fund with public access.

Keywords: scientific approach, forensic expert science, forensic linguistics, special knowledge, validation, certification, scientific supplement, expert competence, passport, expert's specialty.

* * *

Судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты

исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. В настоящее время в судопроизводстве соблюдение названных принципов требует актуализации единого научно-методического подхода к экспертной практике и специализации экспертов. На повестку дня выносятся вопросы унификации и стандартизации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, единообразия требований к компетенциям (знаниям, навыкам и умениям), которыми должен владеть судебный эксперт.

Особую актуальность указанные положения приобретают в отношении судебной лингвистической экспертизы, которая феноменально быстро развивается в ответ на острую потребность следственной и судебной практики в специальных лингвистических знаниях для разрешения документационных и информационных споров и конфликтов.

Необычайная скоротечность становления судебной лингвистической экспертизы и ее выделение в самостоятельный род в классификации судебных экспертиз предопределили перегибы и «болезни роста», которые сопровождают многие новые направления судебно-экспертной деятельности в стадии зарождения.

На практике довольно быстро сложилась ситуация, когда чуть ли не по каждому спорному случаю сначала стороны, а затем и судьи, следователи, дознаватели стали обращаться за помощью к лингвистам, ставя перед ними задачу толкования и интерпретации сказанных или написанных слов русского языка, «перевода текста с русского языка на русский».

В ответ на возникший массовый спрос на специальные лингвистические знания, в первую очередь по делам о диффамации, откликнулись языковеды, русисты, не искушенные в тонкостях судебно-экспертной деятельности. Они стали решать поставленные практическими работниками экспертные задачи с позиции понимания текста «по-житейски», на уровне владения языком среднестатистическим носителем, опираясь на собственный личный речевой опыт и абстрактные языковые модели, изредка обосновывая свои умозаключения выдержками из общедоступных толковых словарей русского языка.

Вслед за гражданским судопроизводством, по меткому выражению Г. М. Резника, «на лингвистическую иглу подсело» уголовное правосудие [1, с. 3]. По экстремистским материалам, звукозаписям переговоров коррупционной направленности, разговорам участников организованных преступных групп и сообществ и другим правоохранительные органы стали назначать судебные лингвистические экспертизы, привлекать в качестве специалистов лиц, обладающих специальными знаниями в лингвистике, филологии, семиотике и др. При этом государственные экспертные учреждения оказались во многом не готовы решать те задачи, которые перед ними ставили правоохранители, поэтому основная масса экспертиз первоначально поручалась негосударственным экспертам, филологам, русистам, преподавателям филологических факультетов вузов, учителям русского языка и литературы.

Одновременно ученые-филологи столкнулись с новой для них проблемой приспособления узкоспециального лингвистического знания для нужд судопроизводства. Стало очевидно, что одних только собственно языковедческих познаний не было достаточно. Для квалифицированного судебно-экспертного

исследования продуктов речевой деятельности и установления языковых фактов, обладающих доказательственной значимостью, требовалось знать закономерности судебной экспертологии, изучить криминалистику и другие юридические дисциплины. Важно было адаптировать лингвистические методы, разработать специализированные экспертные методики для решения конкретных задач судебной лингвистической экспертизы, позволяющие не принимать умозаключение эксперта-лингвиста «на веру», а объективно проверять полученные результаты на основе общепризнанных научных и практических данных.

Понятно, что такие подходы были продуцированы неправильной постановкой вопросов, которые должны определять предмет экспертизы и область специальных знаний, необходимых для их решения.

Не владея специальными знаниями в области судебной лингвистической экспертизы, не понимая принципиального различия между мнением, которое каждый человек вправе иметь по тому или иному вопросу, и заключением экспертизы как источником судебных доказательств, филологи, назначенные экспертами, взялись решать вопросы, не относящиеся к экспертной специальности, на уровне обыденного знания носителя русского языка.

Частую не только частные, но и некоторые государственные эксперты стали интерпретировать речевые факты на основе правовых понятий, анализировать «намерения автора текста», «вычитывать» из произнесенных слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящими то, что не было сказано, но «имелось в виду».

В результате в сознании общественности (включая юристов, филологов, да и самих экспертов) укоренилось ошибочное представление о том, что якобы судебно-лингвистическая экспертиза по своей природе является субъективной («сколько экспертов, столько и мнений»), решает простые задачи поиска значений слов по словарю, «доказывая очевидное», эксперты «ангажированы» или «зависимы» от инициатора задания.

Так, например, В. А. Салимовский и Е. Н. Мехонина отмечают: «...языковед зачастую выступает не как независимый эксперт, а, по существу, как имеющий специальные (лингвистические) знания адвокат истца или ответчика (см., например, экспертное заключение А. Н. Баранова в отношении высказываний Ф. Киркорова, адресованных журналистке И. Ароян). К сожалению, лингвистическая экспертиза весьма часто оказывается «ангажированной» и тогда, когда ее запрашивают суд, следственные органы или прокуратура. Разумеется, авторы такой экспертизы отрицают свою недобросовестность. Между тем характер допускаемых ими ошибок (уловок) говорит о том, что альтернативой недобросовестности может быть только полная некомпетентность. Но в нее трудно поверить, если заключение пишется опытным экспертом, часто кандидатом или доктором наук». Действительно, задачи, которые ставятся перед специалистом-филологом, в большинстве случаев являются несложными, и для их решения достаточно даже тех знаний и умений, которые предусмотрены программой (стандартом) дисциплин, изучаемых на первом курсе филологического факультета. Имеем в виду, например, умение отличить слово литературного языка от слова жаргонного или диалектного, с помощью

словаря определить словесное значение, охарактеризовать его стилистическую окраску. Поэтому, как правило, в заведомо неадекватных суждениях эксперта есть основания видеть именно уловки, а не ошибки» [2, с. 48].

Видимо, не случайно до сих пор многие юристы относятся к лингвистической экспертизе весьма скептически. Так, упомянутый выше адвокат Г. М. Резник не раз публично высказывался против лингвистической экспертизы, полагая, что большей частью назначение лингвистических экспертиз является абсолютной профанацией, поскольку никаких специальных научных познаний для того, чтобы интерпретировать текст, направляемый эксперту, не требуется.

Зарождение и становление судебной лингвистической экспертизы шло от практики к теории и изначально сопровождалось научными баталиями в отношении названия, методических подходов, специальных знаний и пределов компетенций экспертов. Консенсус по наименованию лингвистической экспертизы, проводившейся *de facto*, но не закрепленной *de jure*, был достигнут на Всероссийском научно-практическом семинаре в 2002 г. [3]. К тому времени были обобщены наработанные теоретические положения и эмпирические знания, определены предмет, объект, цели и задачи лингвистической экспертизы как нового рода судебной экспертизы, обозначены ее роль и место в общей классификации судебных экспертиз; разработано научно-методическое обеспечение в части наиболее востребованных на тот момент экспертных задач [4]. Одновременно лингвистическая экспертиза получила юридическое закрепление в нормативных правовых актах, регламентирующих производство экспертиз в системе государственных судебно-экспертных учреждений России. С включением термина «лингвистическая экспертиза» в перечни родов (видов) судебных экспертиз, производимых в системе государственных судебно-экспертных учреждений России, данное название рода экспертизы стало общепринятым. Тем не менее различия в подходах к экспертной практике, решаемым задачам, экспертным компетенциям сохранились [5].

В Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, утвержденном приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», приведена лингвистическая экспертиза как род (вид) судебной экспертизы. Ей соответствует экспертная специальность «Лингвистическая (исследование текста письменного документа или устного высказывания с целью решения вопросов смыслового понимания)».

В Перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России согласно приказу Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 2376, указан род (вид) «лингвистическая экспертиза» и экспертная специальность «Исследование продуктов речевой деятельности», по которой экспертам данного ведомства предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз.

В Перечне родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в экспертных подразделениях органов ФСБ России, утвержденном приказом ФСБ России

от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности», присутствует лингвистическая экспертиза, к задачам которой относятся интерпретация смысла высказываний и их лингвистическая квалификация, в частности, выявление в текстах высказываний экстремистской направленности. Лингвистической экспертизе корреспондирует экспертная специальность «Лингвистические исследования», по которой предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в качестве государственных судебных экспертов в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности.

Как самостоятельный род судебных экспертиз лингвистическая экспертиза включена в Перечень родов и видов экспертиз, выполняемых в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции государств — членов Евразийского экономического сообщества. Исключение составляет Республика Беларусь, где фактически производимая лингвистическая экспертиза до сих пор не получила нормативно-правового закрепления [6].

Таким образом, применительно к лингвистической экспертизе сосуществуют несколько наименований экспертных специальностей: «Исследование продуктов речевой деятельности», «Лингвистические исследования», «Исследование текста письменного документа или устного высказывания с целью решения вопросов смыслового понимания».

Развитие лингвистической экспертизы сегодня знаменуется двумя тенденциями. С одной стороны, идет активный процесс разностороннего методического насыщения отдельных видов и подвидов лингвистической экспертизы. Это в первую очередь относится к лингвистической экспертизе экстремистских материалов, за разработку новых и совершенствование имеющихся методик которой берутся сегодня коллективы лингвистов разных научных школ и направлений. В результате имеется не одна, а несколько, причем далеко не всегда согласующихся между собой, различных методик лингвистического исследования текстов для выявления в них высказываний экстремистской направленности. Очевидно, что насущными задачами здесь являются оптимизация лингвистических исследований с позиций судебной экспертологии, унификация и валидация методик, приведение их к единому знаменателю с выработкой таких пошаговых действий, которые не позволят двум экспертам-лингвистам прийти к прямо противоположным выводам.

С другой стороны, намечается тенденция видового дробления лингвистической экспертизы исходя из жанровой специфики ее объектов. Предлагается выделять в самостоятельный вид — лингвистическую экспертизу призывов, агитационных материалов и др. Понятно, что сложные теоретические конструкты, вызывающие дискуссию, не добавляют ясности правоприменителю при назначении лингвистической экспертизы. При разрешении спора или конфликта по конкретному тексту как продукту речевой деятельности суд нуждается в простой, ясной, и главное — единой классификационной схеме, позволяющей не только правильно назвать экспертизу, но и выбрать эксперта нужной специальности и поставить на разрешение экспертизы корректные вопросы, не выходящие за пределы специальных знаний эксперта.

Формат статьи не позволяет провести полный анализ современного состояния судебной лингвистической экспертизы, мы лишь констатируем, что сегодня отсутствие единого научно-методического подхода привело лингвистическую экспертизу к кризисной ситуации, требующей разрешения. Следователи, дознаватели часто не могут определить, какую именно лингвистическую экспертизу назначить, какие вопросы ставить перед экспертами, эксперта какой специальности выбрать, какому лингвисту отдать предпочтение из числа специалистов, привлекаемых сторонами по делу, дающих прямо противоположные суждения по одному и тому же вопросу.

В связи с этим необходимо еще раз обратиться к предмету и сущности лингвистической экспертизы, типовым задачам, экспертной специальности. Правильное понимание сущности судебной лингвистической экспертизы необходимо для определения специальных знаний, составляющих компетенции эксперта-лингвиста в пределах его экспертной специальности. Именно совокупность компетенций, формируемых в рамках профессиональной подготовки эксперта, и определяет тот набор знаний, умений и навыков, который соответствует конкретной экспертной специальности, обеспечивает выполнение экспертом его профессиональных и процессуальных обязанностей.

В современном понимании судебная лингвистическая экспертиза — процессуально регламентированное исследование зафиксированного на материальном носителе продукта речевой деятельности в целях установления фактов и обстоятельств, имеющих значение доказательств, завершающееся дачей заключения эксперта по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, судебном речеведении и судебной экспертологии. Таким образом, сущность лингвистической экспертизы — это лингвистическое исследование продукта речевой деятельности.

Потребность в специальных лингвистических знаниях вызвана, во-первых, необходимостью установления состава и квалификации правонарушения, совершаемого посредством речевой деятельности (в таком случае сам факт речевого действия представляет собой *corpus delicti*, например призыв к совершению террористического акта), а во-вторых, необходимостью установления юридических фактов и обстоятельств дела по следам речевой деятельности, выступающим в качестве источника доказательств.

Отличительной особенностью квалификации правонарушений, совершаемых посредством речи, или, иначе говоря, результатов вербальных действий, образующих состав правонарушения, является опора на знание языка, которым владеют не только участники судопроизводства, но и широкий неопределенный круг лиц, выступающий в качестве адресата распространяемой информации. Внешняя языковая форма и внутреннее смысловое содержание продуктов речевой деятельности подвергаются правовому анализу и оценке в целях выявления признаков злоупотребления свободой массовой информации и иных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена российским законодательством. С учетом того, что объект экспертизы имеет языковую природу, специальные знания о языке (лингвистические знания) составляют базу для формирования компетенций эксперта-лингвиста.

След (или продукт) речевой деятельности — это результат целенаправленной речемыслительной деятельности, выраженный во вне посредством языка и зафиксированный на материальном носителе. Именно продукты речевой деятельности являются объектами судебной лингвистической экспертизы, исследуемыми для установления юридически значимых обстоятельств по делу.

Важно подчеркнуть, что объектом лингвистической экспертизы является продукт речевой деятельности, зафиксированный на материальном носителе в форме текста (устного высказывания/выступления или письменного текста). Текст, подлежащий исследованию, не может быть заменен текстом, опосредованно представляющим ситуацию или содержание текста. В качестве объектов лингвистической экспертизы не могут выступать материалы дела, показания свидетелей, в которых излагаются или пересказываются устный либо письменный текст, являющийся предметом судебного разбирательства.

Если необходимо провести лингвистическую экспертизу устного текста (выступления, высказывания, диалога и т. п.), то на экспертизу должен направляться материальный носитель с фонограммой (или видеофонограммой), содержащий подлежащую исследованию звучащую речь [7, с. 243].

В связи с этим эксперт, осуществляющий лингвистическое исследование следа (или продукта) речевой деятельности, должен обладать и специальными знаниями в области судебного речеведения.

Соответственно, предмет судебной лингвистической экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые в судопроизводстве на основе специальных знаний в области лингвистики и судебного речеведения.

Типовые задачи лингвистической экспертизы как рода судебной экспертизы следует обозначить так: установление смысла речевого продукта и его лингвистическая характеристика.

Однако для решения родовых задач лингвистической экспертизы в судопроизводстве, помимо собственно знаний о языке и следах (продуктах) речевой деятельности, требуются дополнительные специальные знания в области судебной экспертологии, в рамках которой разрабатываются специальные экспертные методики, учитывающие не только языковую, речевую специфику устного высказывания или текста, но и криминалистическую, криминологическую, экспертную составляющую, не вскрываемую языковедами и речевоведами.

Важными являются определение пределов компетенции и требования к квалификации и компетентности эксперта, которому поручается проведение судебной лингвистической экспертизы.

Как уже было сказано выше, к специальным знаниям в области судебной лингвистической экспертизы относится комплекс междисциплинарных знаний и формируемых на их основе компетенций в рамках вузовского образования, в том числе по специализации «Речеведческие экспертизы» по направлению подготовки специалистов в области судебной экспертизы.

Распространенным является также убеждение, что если скоро базовыми для лингвистической экспертизы являются, несомненно, лингвистические знания, то к производству этой экспертизы могут привлекаться только лица с высшим филологическим образованием. Однако, как показывает практика, для выпускников филологических вузов освоение экспертных методик и методов речеведения оказывается далеко не тривиальной задачей.

Кроме того, в силу ст. 8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных. В соответствии со ст. 13 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» должность эксперта в государственном судебно-экспертном учреждении может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Научно-методическое обеспечение производства судебных экспертиз, а также дополнительное профессиональное образование государственных судебных экспертов возлагаются соответствующими федеральными органами исполнительной власти на судебно-экспертные учреждения из числа указанных в ч. 1 и 2 ст. 11 вышеназванного закона.

Из перечисленных законодательных требований со всей очевидностью следует вывод, что филологу или лингвисту необходимо получить дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, которая должна соответствовать нормативно закрепленному наименованию рода (вида) экспертизы, проводимой в том или ином ведомстве.

Следует обратить внимание, что дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки). Программы профессиональной переподготовки разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования к результатам освоения образовательных программ.

На основе сказанного представляется необходимым разработать профессиональный стандарт по экспертной специальности (или специализациям по видам) судебной лингвистической экспертизы, а также единые для государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений программы дополнительного профессионального образования по судебной лингвистической экспертизе в соответствии с едиными квалификационными требованиями и перечнями

профессиональных компетенций (знаний, навыков, умений), необходимых для решения родовых и видовых задач.

Судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля должны осуществлять деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов.

Более того, государственные судебно-экспертные учреждения, реализующие программы дополнительного профессионального образования, должны соответствовать требованиям законодательства, предъявляемым к организациям, осуществляющим, наряду с основной деятельностью, дополнительную образовательную деятельность, т. е. действовать на основании лицензии.

Однако на практике такого единства не наблюдается: экспертные методики судебной лингвистической экспертизы разных авторов не согласуются между собой, получаемые по ним результаты часто невоспроизводимы, носят неоднозначный, противоречивый характер; профиль и направление высшего образования лиц, которым поручается проведение судебной лингвистической экспертизы, варьирует от филологического, педагогического, юридического, инженерно-технического до физико-математического высшего образования; экспертные специальности судебной лингвистической экспертизы, по которым осуществляется аттестация экспертов в разных ведомствах, разнятся, а информационное и методическое обеспечение нуждается в гармонизации и унификации [8; 9].

Непосредственной целью профессиональной подготовки судебного эксперта является формирование его готовности к квалифицированному выполнению процессуальных и профессиональных обязанностей, под которыми понимается система знаний, умений, навыков, личных качеств, обеспечивающих самостоятельное, всестороннее, полное выполнение поставленных перед экспертом задач по исследованию объектов судебной экспертизы [10, с. 55].

В связи с этим можно уточнить понятие «экспертная специальность» — это компетенции (комплекс знаний, умений и навыков), сформированные у обучающегося в рамках вузовского образования по специальности «Судебная экспертиза» и/или приобретенные путем целенаправленного обучения по программам дополнительного профессионального образования.

На основе общих закономерностей судебной экспертологии необходимо сделать единообразными подходы к подготовке экспертов-лингвистов, стандартизировать перечень и содержание компетенций эксперта-лингвиста, унифицировать научно-методическое обеспечение различных видов судебной лингвистической экспертизы, программы дополнительного профессионального образования, осуществить валидацию и сертификацию научно-методического обеспечения судебной лингвистической экспертизы, сформировать единый реестр методик лингвистической экспертизы с их накоплением в библиотечном фонде открытого доступа.

Особую значимость приобретает создание в Федеральном агентстве по техническому регулированию и метрологии технического комитета по стандартизации — ТК 134 «Судебная экспертиза». К числу основных задач, реализуемых техническим

комитетом, относится разработка национальных стандартов, норм и рекомендаций в области стандартизации судебно-экспертной деятельности. Поскольку вопрос квалификационных и профессиональных требований к эксперту стоит сегодня особенно остро, представляется целесообразным в качестве первоочередной задачи данного комитета осуществить унификацию и паспортизацию экспертных специальностей, сформулировать единые требования к программам дополнительного профессионального образования по экспертным специальностям, процедуре сертификации компетентности субъекта судебной экспертизы на межведомственной основе.

Применительно к лингвистической экспертизе в качестве единого наименования экспертной специальности, по которой должно осуществляться дополнительное профессиональное образование, предлагается использовать термин «Судебная лингвистическая экспертиза» с возможностью экспертной специализации по отдельным видам, например «Лингвистическая экспертиза устной речи», «Лингвистическая экспертиза товарных знаков», «Лингвистическая экспертиза рекламного текста» и т. д. Такой подход к наименованию экспертной специальности согласуется с ФГОС ВО по направлению подготовки 031003.65 «Судебная экспертиза» (квалификация — специалист).

Введение единой экспертной специальности «Судебная лингвистическая экспертиза» позволит, по нашему мнению, выполнить законодательно закрепленное требование о производстве лингвистических экспертиз на основе единого научно-методического подхода и обеспечит надлежащий контроль за качеством профессиональной подготовки экспертов-лингвистов, поможет минимизировать экспертные ошибки, причиной которых являются некомпетентность или профессиональная несостоятельность эксперта.

Список библиографических ссылок

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста. Теоретические основания и практика. М., 2007.
2. Салимовский В. А., Мехонина Е. Н. Типичные ошибки (уловки) в ненадлежащей судебно-лингвистической экспертизе // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8).
3. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: материалы науч.-практ. семинара (Москва, 7—8 декабря 2002 г.). М., 2003. Ч. 2.
4. Галяшина Е. И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России // Эксперт-криминалист. 2010. № 4.
5. Галяшина Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 12—29.

6. Андреева А. В., Кирдун А. А. Состояние лингвистической экспертизы в Республике Беларусь // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе с междунар. участием (4—5 марта 2014 г.). М., 2014. С. 105—107.

7. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю. М. Дильдина; общ. ред. канд. техн. наук В. В. Мартынова. М., 2010.

8. Галяшина Е. И. О концепции экспертной специальности в свете модернизации законодательства // Московский юридический форум: VI междунар. науч.-практ. конф. «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции». Ч. I. М., 2014. С. 350—354.

9. Галяшина Е. И. Проблемы научно-методического обеспечения судебной экспертизы в свете модернизации законодательства // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва 15—16 января 2014 г.). М., 2014. С. 69—72.

10. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т. В. Аверьяновой, В. Ф. Статуса. М., 2011. С. 55—63.

References

1. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta. Teoreticheskie osnovanija i praktika. M., 2007.

2. Salimovskij V. A., Mehonina E. N. Tipichnye oshibki (ulovki) v nenadlezhashhej sudebno-lingvisticheskoy jekspertize // Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2010. Vyp. 2 (8).

3. Teorija i praktika lingvisticheskogo analiza tekstov SMI v sudebnyh jekspertizah i informacionnyh sporah: materialy nauch.-prakt. seminara (Moskva, 7—8 dekabnja 2002 g.). M., 2003. Ch. 2.

4. Galjashina E. I. Razvitie sudebnyh rechevedcheskih jekspertiz v Rossii // Jekspert-kriminalist. 2010. № 4.

5. Galjashina E. I. Rechevedcheskie jekspertizy v sudoproizvodstve // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2011. № 12. S. 12—29.

6. Андреева А. В., Кирдун А. А. Состояние лингвистической экспертизы в Республике Беларусь // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе с междунар. участием (4—5 марта 2014 г.). М., 2014. С. 105—107.

7. Tipovye jekspertnye metodiki issledovanija veshhestvennyh dokazatel'stv. Ch. I / pod red. kand. tehn. nauk Ju. M. Dil'dina; obshh. red. kand. tehn. nauk V. V. Martynova. M., 2010.

8. Galjashina E. I. O koncepcii jekspertnoj special'nosti v svete modernizacii zakonodatel'stva // Moskovskij juridicheskij forum: VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «Garmonizacija rossijskoj pravovoj sistemy v uslovijah mezhdunarodnoj integracii». Ch. I. M., 2014. S. 350—354.

9. Galjashina E. I. Problemy nauchno-metodicheskogo obespechenija sudebnoj jekspertizy v svete modernizacii zakonodatel'stva // Sudebnaja jekspertiza: metodologicheskie, pravovye i organizacionnye problemy novyh rodov (vidov) sudebnyh jekspertiz: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva 15—16 janvarja 2014 g. M., 2014). S. 69—72.

10. Prakticheskoe rukovodstvo po proizvodstvu sudebnyh jekspertiz dlja jekspertov i specialistov: nauch.-prakt. posobie / pod red. T. V. Aver'janovoj, V. F. Statkusa. M., 2011. S. 55—63.

© Галяшина Е. И., 2016

* * *

А. М. Зинин,

профессор кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета (МГЮА)
имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор;

И. Н. Подволоцкий,

доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета (МГЮА)
имени О. Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент

**ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЫХ НОСИТЕЛЕЙ ПОРТРЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Производство портретных экспертиз на современном этапе характеризуется необходимостью приспособления средств и методов исследования, применяемых для портретов, выполненных по аналоговой технологии получения изображений, к цифровыми фото- и видеоизображениям. Простое заимствование традиционных подходов к исследованию видеоизображений без всестороннего их изучения может привести к непоправимым ошибкам в формулировании выводов. В связи с этим расширяется число задач, решаемых экспертом на начальных этапах, с тем чтобы полученные результаты можно было использовать для обоснования выводов по всему исследованию. К числу первоочередных задач можно отнести те, которые связаны с получением достоверной информации об используемых технических средствах, условиях фиксации идентифицируемого внешнего облика, а также спецификой выявления информативных признаков. В публикуемой работе рассматриваются актуальные вопросы, связанные с содержанием осмотра и предварительного исследования современных

средств фиксации внешности человека, процедурой выявления воздействующих на формирование изображений факторов, представлением сопоставимых сравнительных материалов.

Ключевые слова: портретная экспертиза, внешность человека, носитель портретной информации, фотоизображение, видеоизображение, осмотр, предварительное исследование, цифровое ретуширование, сопоставимость образцов, воздействующие факторы.

A. M. Zinin,

Professor of the Chair of Forensic Examination of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL), Honored Scientist of Russia, Doctor of Science (Law), Professor;

I. N. Podvolotsky,

Associate Professor of the Chair of Forensic Examination of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL), Candidate of Science (Law), Associate Professor

PECULIARITIES OF PHYSICAL EXAMINATION AND PRELIMINARY STUDIES OF NEW MEDIA PORTRAIT INFORMATION

The Production of portrait examinations at the present stage is characterized by the need to adapt tools and methods used for portraits, executed on analog technology to digital imaging photo and video images. Simple borrowing of traditional approaches to the study of video images without the full study may lead to irreparable errors in formulating conclusions. In this regard, expands the number of tasks performed by an expert in the early stages, so that the results could be used to justify conclusions throughout the study. Priorities could include those associated with obtaining reliable information on the use of technical means, fixation conditions identified by external appearance, as well as the specifics of identification of informative signs. In published work dealt with topical issues related to the content of the examination and the preliminary study of modern means of fixation of human appearance, the procedure to identify influencing factors imaging presentation comparable comparative materials.

Keywords: portrait expertise, the kind of person, a carrier Portrait of information, photo image, video images, inspection, a preliminary study, digital retouching comparability samples influencing factors.

* * *

Места наиболее вероятного проявления криминогенных действий теперь оснащаются видеозаписывающими устройствами, архивы которых становятся основными носителями значимой информации о внешности человека. Поэтому большое количество современных портретных исследований проводится

по видеозображениям, позволяющим запечатлеть действия человека в момент совершения противоправных деяний. При этом используется технология цифровой фиксации видеозображений, которая заключается в размещении яркостных характеристик светового потока на полупроводниковом элементе с последующим преобразованием световой энергии в электрическую и далее — в цифровую форму кодирования и сохранения в виде файла [1, с. 36].

Распространенными средствами хранения визуальной информации являются накопительные диски, флеш-карты, интернет-хранилища, способные аккумулировать значительные объемы цифровых данных с программируемыми настройками сохранения исходных сведений. В настоящее время в научной разработке находится техническое средство для микрофильмирования на битовом уровне, суть которого заключается в копировании изображения на полимерную пленку формата А4, где может отображаться (сохраняться) до восьми тысяч фотоизображений (видеокадров) [2]. В перспективе подобные устройства могут стать массовыми объектами исследования.

Какими бы современными средствами видеозаписи и хранения информации не пользовались следователи и эксперты, важно найти ту оптимальную степень взаимодействия, при которой зафиксированная информация доходила бы до специалиста в максимальном объеме и содержала необходимое количество характеристик, по которым возможно провести идентификацию человека по признакам внешности. В отличие от аналоговой фотографии, где характеристики портрета выявлялись исходя из наглядных признаков о копировании, ретушировании, ошибках обработки или построения композиции, в цифровом изображении подобную информацию трудно выявить, а часто она закодирована разработчиком программного продукта.

Таким образом, сложность современного этапа предварительного диагностирования поступившего на экспертизу материала заключается в необходимости применения комплекса методов исследования для выявления основных характеристик процесса получения изображений, параметров сохранения, а также возможного употребления средств ретуширования или монтажа.

Содержание предварительной стадии экспертизы заключается во всестороннем изучении данных об объектах исследования и материалах, полученных в качестве образцов.

Видеокадры содержат большой объем информации о внешнем облике запечатленного человека, что расширяет потенциал самой экспертизы за счет возможности выбора наиболее сопоставимых кадров по ракурсу и характеристикам композиционного построения, а также изучения характеристик человека в движении.

Особенность предварительного исследования видеозображений состоит в обязательном использовании программно-компьютерных средств для фиксации, сохранения и обработки. При этом следует учитывать, что и сам процесс исследования изображений может внести дополнительные изменения в характеристику снимаемых объектов.

Изучение видеопортретов состоит в анализе всего комплекса факторов, оказывающих влияние на достоверность отображения признаков внешнего облика человека. Среди ключевых можно выделить:

- 1) факторы, обусловленные технологией получения изображений и параметрами записывающих устройств;
- 2) факторы осуществления видеозаписи;
- 3) факторы воспроизведения видеозаписи;
- 4) факторы состояния портретируемого.

Объективность процесса отождествления человека по признакам внешнего облика во многом зависит от правильности оценки выявленных факторов.

Продолжая изучение поступивших на исследование видеоматериалов, специалист должен оценить всю совокупность данных, указанных в постановлении о назначении экспертизы. Здесь важны сведения из обстоятельств дела об условиях образования видеозаписей (время и место съемки, технические параметры записи и сохранения полученной информации, наличие специального оборудования для ее просмотра и т. п.). Аналогичным образом изучается информация о сравнительных материалах. Она может быть получена из объективных источников-метаданных путем программной обработки представленного файла.

Оснащаемые микропроцессорными блоками современные видеоаппараты сохраняют сведения об обстоятельствах получения изображений и содержат данные о модели и производителе фотокамеры, владельце и авторе видеоизображения, дате изготовления и изменения файла, наименовании и нумерации изображения, дистанции съемки и разрешении кадра [3, с. 70, 71; 4, с. 40].

Следует согласиться с И. И. Черкашиной в том, что «метаданные содержат всю возможную информацию о файле, обусловленную программным продуктом, при помощи которого был создан файл, поэтому включать в экспертизу или ссылаться на все метаданные не имеет смысла» [5, с. 12]. Сведения, содержащиеся в служебной информации, важны для проверки достоверности представляемого на экспертизу материала, и при их расхождении следует инициировать проведение фото- и видеотехнической экспертизы. Сам факт учета экспертом метаданных будет свидетельствовать о полноте проведенного исследования.

С наибольшей тщательностью изучаются кадры видеозаписей, отмеченные в постановлении следователя и на которых изображен отождествляемый человек. Исследование проводится для анализа качества и достоверности отображения признаков внешнего облика, наличия и степени воздействия факторов, влияющих на полноту их отображения.

Для полноты и объективности проведенного исследования важно предоставление в распоряжение эксперта оригиналов видеоизображений. Если имеются оригиналы, недопустимо направлять эксперту фото- или ксерокопии видеокадров. В случае крайней необходимости для создания точной цифровой копии необходимо пользоваться форматами компьютерного сохранения, обеспечивающими точное копирование оригинала без уменьшения его объема и качества.

Предоставление оригиналов видеозаписей необходимо и для анализа всей совокупности признаков внешнего облика человека, включая динамические,

проявляющихся в процессе движения. Кроме того, эксперту проще самому выбрать тот кадр, который содержит максимум информации о человеке и в то же время сопоставим по ракурсу и положению отождествляемого лица со сравнительными материалами. При этом высокая четкость кадра не всегда играет решающую роль, важно выявить признаки, позволяющие решить идентификационные или диагностические задачи.

Дальнейшая работа с изучаемыми кадрами может включать в себя в том числе процессы улучшения изображения элементов внешности с применением методов программной фильтрации с фиксацией производимых манипуляций [6; 7].

Изучение фото- и видеоизображений, полученных современными средствами цифровой обработки, а также средствами, используемыми на этапе производства и печати изображений, подразумевает их исследование в целях обнаружения возможных умышленных изменений характеристик внешности человека. Большая часть изменений осуществляется на этапе формирования изображения для печати. Практике известны случаи монтажа работниками фотоателье одного изображения из нескольких, например помещение изображения головы одного человека в фотографию с изображением одежды другого человека. Иногда для придания симметрии лицу клиента (или удаления дефекта части лица) оператор копирует наиболее эстетичную часть головы и в зеркальном виде соединяет ее с другой. Аналогичные манипуляции позволяют удалять дефекты и изменять пропорции элементов лица (бровей, ушных раковин, носа и глаз). Подобные действия сопровождаются проведением цифрового ретуширования. Факт цифрового ретуширования определяется по отсутствию естественного рельефа поверхности кожного покрова, наличию участков не полностью удаленных элементов, сглаженности изображения. Выявление признаков монтажа и ретуширования влечет необходимость заявить ходатайство о предоставлении оригинальных файлов.

Так, например, для проведения экспертного исследования поступили изображение молодого мужчины в форме красноармейца, сфотографированного в январе 1924 г., и групповой фотоснимок, на котором изображен мужчина средних лет в форме командира Красной армии вместе с женой и детьми. Требовалось установить: не изображен ли на фотоснимках один и тот же мужчина. Анализ признаков внешности красноармейца был затруднен тем, что на голове у него присутствует головной убор — шлем, закрывающий верхнюю и боковые стороны головы. Изображение было недостаточно резкое, но на подбородке отчетливо просматривалась вертикальная складка. На фотоснимке командира этот признак не выявлялся. Изучение фотоснимка показало, что он подвергался художественной ретуши, в ходе которой устранили изображение складок кожи, в том числе на подбородке, а также смягчили рельеф лица. Были запрошены дополнительные фотоснимки, при изготовлении которых ретушь не применялась. На этих фотоснимках нашли отображение и особенности складок кожи лица, в том числе на подбородке. Вывод по результатам исследования был положительным [8, с. 32—38].

При осуществлении портретной идентификации остается актуальной проблема получения изображений проверяемых лиц, максимально сопоставимых

по условиям отображения внешнего облика в портретах, на которых запечатлены искомые лица.

Не менее скрупулезно исследуются сравнительные материалы, поскольку научная обоснованность вывода эксперта во многом зависит от их количества и качества. При наличии сопоставимых материалов эксперт в состоянии решить поставленные перед ним диагностические и идентификационные задачи. В качестве сравнительных материалов, как правило, выступают изображения одного или нескольких проверяемых лиц, отбираются файлы, которые содержат фрагменты видеоизображения человека, схожие по ракурсу, возрастной группе и другим параметрам. Для сравнения подбираются кадры, где лицо запечатлено в сходных условиях, т. е. одинаковом положении и освещении лица, с одинаковым оформлением и выражением лица. Учитываются также способ и технические характеристики средств фиксации видеоизображения.

Часто в качестве сравнительного материала экспертам предоставляются фото- или видеоизображения из семейного или уголовного архива, полученных в ходе производства следственных или оперативно-разыскных мероприятий. Подобные портреты для проведения исследований подходят в редких случаях, даже с учетом того, что они отображают достаточное количество элементов. На таких объектах характеристики элементов внешности в большинстве случаев изменены под действием известных факторов.

Практика производства портретных исследований показала, что эксперты часто пользуются правом запроса дополнительных сравнительных материалов, однако, по нашему мнению, целесообразнее эксперту лично участвовать в съемке проверяемых субъектов. С соблюдением процессуального порядка отбора сравнительных образцов можно и в обстановке следственного изолятора воспроизвести наиболее подходящие условия фиксации элементов внешности исследуемого лица.

Портретная экспертиза по видеоизображениям предполагает отбор портретов сравниваемых лиц в виде стоп-кадров, отображающих лицо в разные временные периоды, потому что не всегда удастся найти полностью сопоставимые видеокдры, а также позволяет увеличить комплекс идентификационных признаков внешности за счет обнаружения их на нескольких изображениях. Выбранные по сходным критериям сопоставимости исследуемые и сравнительные видеоматериалы посредством графических редакторов преобразуются в цифровые фотоизображения с учетом общих правил судебной портретной экспертизы.

В случае предоставления на исследование оригиналов фото- и видеоизображений возможно с помощью графических редакторов за счет изменения яркости, контраста и цветовых характеристик выявлять детали внешности портретируемого лица.

Каждый из образцов оценивается на пригодность для сравнительного исследования. Границы пригодности образцов следует расширить, поскольку на изображениях низкого качества и не вполне сопоставимых с исследуемым могут отобразиться признаки, отсутствующие на образцах более высокого качества.

Портреты исследуемых и проверяемых лиц считаются пригодными, если их носители (устройства хранения фото- или видеоизображений) не имеют существенных дефектов и позволяют извлекать информацию, а на самих портретах отображено строение деталей элементов лица, составляющих сущность идентификационно значимых элементов. Значительные повреждения носителей информации, отсутствие возможности получения дополнительных материалов, недостаточное количество индивидуальных признаков позволяют эксперту сделать обоснованный вывод о невозможности производства исследования. По нашему мнению, не имеющим оснований следует считать отказ из-за отсутствия методики сравнения лиц монголоидной или негроидной расы.

Важным этапом стадии предварительного исследования является планирование дальнейших этапов, включая выбор средств получения дополнительных сведений о сравниваемых лицах, подбор методов, приглашение к исследованию специалистов из смежных научных областей. Своевременное осознание экспертом всего объема работы позволит сократить время проведения исследования и добиться положительных результатов.

Перед тем как приступить к следующей стадии производства экспертизы, необходимо подготовить репродукции портретов сравниваемых лиц. В ходе данного этапа эксперт решает несколько задач: выбирает наиболее сопоставимые изображения, приводит их к одному масштабу и положению относительно горизонтальной и вертикальной осей, проверяет степень различия в наклоне и повороте лиц относительно фокальной плоскости видеоаппаратуры, создает копии для применения методов сопоставления и наложения. Подобные манипуляции осуществляются посредством графических редакторов с использованием знаний о наличии и местоположении антропометрических точек, локализованных на известных элементах и участках головы человека. Обязательной составляющей использования точек являются условия их разметки, прежде всего это однозначность и достоверность их нахождения на элементе. Эксперт должен четко видеть точку, поэтому на засвеченных, закрытых и отсутствующих элементах точки не проставляются. Однозначность проставления антропометрических точек является залогом достоверности выводов эксперта в ходе применения качественно-описательных и математических методов исследования.

Наибольшую трудность вызывает определение местоположения точек на изображениях с различным ракурсом положения головы запечатленного лица, поскольку это связано с перспективными искажениями элементов внешности. В данном случае эксперту следует воспользоваться приемами моделирования (мысленного или натурального) для проверки правильности своих действий. Существенное изменение местоположения точек происходит и при движении мимических мышц лица человека. Тщательность и всесторонность анализа изображений позволяет эксперту минимизировать влияние известных факторов. После завершения осмотра и предварительного исследования носителей портретной информации эксперт принимает одно из следующих решений:

- о пригодности носителей для проведения портретной идентификации;
- необходимости запроса дополнительных изображений;

— выполнении самим экспертом фотосъемки проверяемого лица;
— непригодности носителя для проведения портретной идентификации.
Вывод о пригодности для идентификации изображенных на портретах людей делается, если на них отсутствуют дефекты, затрудняющие изучение общих и частных признаков внешности, и отобразилось строение мелких элементов лица.

Список библиографических ссылок

1. Четверкин П. А. Методы цифровой обработки слабовидимых изображений при технико-криминалистическом исследовании документов. М., 2009.
2. Гаврилин А. П., Завалишин П. Е. Основные направления современных зарубежных исследований по проблеме сохранения цифровой информации на микрофильмах // *Фундаментальные исследования*. 2012. № 3. С. 72—77.
3. Булгаков В. Г., Кудрин А. А., Булгакова Е. В. Судебная видеозапись: учеб. пособие. Волгоград, 2011.
4. Дмитриев Е. Н. Судебная фотография: курс лекций. М., 2012.
5. Черкашина И. И. Особенности производства портретных экспертиз по видеозаписи: информационное письмо. М., 2013.
6. Соколова О. А. Применение нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений // *Использование современных информационных технологий и проблемы информационной безопасности в деятельности правоохранительных органов: сб. науч. ст. Калининград, 2011. С. 115—122.*
7. Суржиков М. Л., Поставнин В. И., Иванов П. Ю. Обработка изображений, полученных телевизионными системами наблюдения, с целью выявления идентификационных признаков: метод. рекомендации. М., 2002.
8. Зинин А. М. Загадки портретов (заметки криминалиста). М., 2012.

References

1. Chetverkin P. A. *Metody cifrovoj obrabotki slabovidimyh izobrazhenij pri tehniko-kriminalisticheskom issledovanii dokumentov*. M., 2009.
2. Gavrilin A. P., Zavalishin P. E. *Osnovnye napravlenija sovremennyh zarubezhnyh issledovanij po probleme sohraneniya cifrovoj informacii na mikrofil'mah // Fundamental'nye issledovanija*. 2012. № 3. S. 72—77.
3. Bulgakov V. G., Kudrin A. A., Bulgakova E. V. *Sudebnaja videozapis': ucheb. posobie*. Volgograd, 2011.
4. Dmitriev E. N. *Sudebnaja fotografija: kurs lekcij*. M., 2012.
5. Cherkashina I. I. *Osobennosti proizvodstva portretnyh jekspertiz po videozapisi: informacionnoe pis'mo*. M., 2013.
6. Sokolova O. A. *Primenenie netradicionnyh metodov pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Ispol'zovanie sovremennyh informacionnyh tehnologij i problemy informacionnoj bezopasnosti v dejatel'nosti pravoohranitel'nyh organov: sb. nauch. st. Kaliningrad, 2011. S. 115—122.*

7. Surzhikov M. L., Postavnin V. I., Ivanov P. Ju. Obrabotka izobrazhenij, poluchennyh televizionnymi sistemami nabljudenija, s cel'ju vyjavlenija identifikacionnyh priznakov: metod. rekomendacii. M., 2002.

8. Zinin A. M. Zagadki portretov (zametki kriminalista). M., 2012.

© Зинин А. М., Подволоцкий И. Н., 2016

* * *

И. В. Латышов,

начальник учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

Д. Ю. Донцов,

старший преподаватель кафедры трасологии и баллистики
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук;

В. А. Кузнецов,

заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

**ВОЗМОЖНОСТИ УСТРОЙСТВА ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТРЕЛЬБЫ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВЫСТРЕЛА**

Предложена новая конструкция устройства для экспериментального отстрела стрелкового огнестрельного оружия, позволяющая получать достоверную информацию о следах выстрела на объектах сложной формы. Раскрыты технологические возможности устройства, используемые в получении экспериментальных следов выстрела.

Исследование включало в себя проведение экспериментальной стрельбы по объемным мишеням, оценку морфологии огнестрельных повреждений и топографии распределения дополнительных следов выстрела. Выявлены закономерности и характерные особенности дополнительных следов выстрела, образуемых при стрельбе по мишеням данного вида.

Результаты проведенного исследования показывают эффективность использования объемных мишеней при получении следов на объектах сложной формы, повторяющих в эксперименте наружные поверхности части тела человека (предплечье, бедро и др.), что обеспечивает необходимые условия формирования объективного вывода в решении экспертных задач по определению обстоятельств выстрела.

Ключевые слова: судебно-баллистическая экспертиза, устройство для экспериментальной стрельбы, мишени сложной формы, установление дистанции выстрела, морфология огнестрельных повреждений, топография отложения продуктов выстрела.

I. V. Latyshov,

Head of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law), Associate Professor;

D. Yu. Dontsov,

Senior Lecturer of the Chair of Traceology and Ballistics of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Engineering);

V. A. Kuznetsov,

Deputy Chief of the Chair of Detective Activity and Special Equipment, Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia, Candidate of Science (Law)

FEASIBILITY OF USING EXPERIMENTAL SHOOTING DEVICE WHEN CONDUCTING FORENSIC STUDIES ON ESTABLISHING FACTS OF SHOOTING

There was suggested a new hardware design for experimental firearm shooting that allows to get more reliable information about the marks of shot while investigating objects with complicated form of outer surface. There were revealed technological capabilities of the equipment that are used in getting experimental shooting marks.

The research included the leading of the box target experimental shooting, evaluation of shooting marks morphology and topography of additional marks of shot. Revealed the trends and characteristics of additional marks of shot when such targets shooting.

The results of the performed research show the effectiveness of box targets when getting marks on objects with complicated shape that repeats the outer surface of human limb (forearm, hip and others) during the experiment and provides necessary conditions to make objective conclusion when solving experts tasks' on clarifying the circumstances of shot.

Keywords: forensic ballistics examination, experimental shooting device, a target with complicated shape, establishing the distance of shot, morphology of shooting damage, products of shot topography.

***

Задачи по определению обстоятельств выстрела (направления, дистанции выстрела и др.) являются одними из основных, решаемых в ходе экспертизы огнестрельных повреждений. Выводы по результатам решения названных задач имеют большое значение в раскрытии и расследовании преступлений, так как позволяют получить сведения о местоположении стрелявшего, дистанции между ним и объектом поражения при производстве выстрела. Все это, в свою очередь, дает возможность следователю (суду) квалифицировать расследуемое деяние (убийство, самоубийство и пр.), определять степень вины преступника [1]. Поэтому достоверность полученной информации о следах выстрела является решающим фактором при формулировании окончательного вывода.

В последнее время для облегчения проведения экспериментальной стрельбы экспертам предложена новая конструкция специального устройства [2], позволяющего получать более достоверную информацию о следах выстрела при исследованиях объектов со сложной формой наружной поверхности и сокращать время на получение этой информации. Основной особенностью устройства является съемный элемент для крепления мишени, выполненный из высокопластичного материала, который повторяет форму наружной поверхности исследуемого объекта. В статье проведено исследование возможности использования такого устройства при решении задач по установлению направления и дистанции выстрела в ходе экспертизы огнестрельных повреждений.

Методика установления дистанции выстрела основывается на экспертной оценке морфологии огнестрельного повреждения, топографии распределения дополнительных следов выстрела в зоне огнестрельного повреждения.

Если в распоряжение эксперта, помимо повреждения, представлено оружие, его причинившее, то проводится экспериментальная стрельба. В качестве мишеней берется материал, схожий с материалом объекта исследования. Как правило, мишень фиксируется вертикально на жестком основании, а дистанция выстрела измеряется вручную при помощи метровой линейки.

В последнее время для облегчения проведения экспериментальной стрельбы экспертам предлагались специальные устройства. Так, известно устройство для экспериментальной стрельбы, содержащее основание, несущую раму, закрепленные в ней с возможностью установки под заданными углами наклона к горизонтальной плоскости рамки с мишенью, механизм закрепления оружия, в котором рамка с мишенью установлена в несущей раме с возможностью поворота вокруг вертикальной оси и фиксации, при этом рамка снабжена указательной стрелкой, а на основание нанесена транспортная разметка [3, 4]. В данном устройстве возможно производить стрельбу при требуемых углах наклона и поворота мишени по отношению к оружию, которое закреплено неподвижно, чем обеспечивается безопасность для стреляющего. Однако недостатком данной конструкции является невозможность ее использовать, когда необходимо получить экспериментальные следы выстрела на объектах сложной конфигурации, в частности имеющих конфигурацию фрагментов тела человека.

Нами предлагается новая конструкция устройства для экспериментальной стрельбы [2] (рис. 1), позволяющая получать более достоверную информацию о следах выстрела при исследованиях объектов со сложной формой наружной поверхности и сокращать время на получение достоверной информации о следах выстрела. Это достигается за счет новой конструкции составной рамки для установки мишени, содержащей съемный элемент для крепления мишени, выполненный из высокопластичного материала, форма которого повторяет форму наружной поверхности исследуемого объекта, а также благодаря обеспечению перемещения механизма закрепления оружия вдоль направляющей основания с возможностью измерения величины таких перемещений. В качестве высокопластичного материала для изготовления съемного элемента, закрепляющего мишень, используют, например, отожженную сталь марки 08кп толщиной более 0,5 мм.

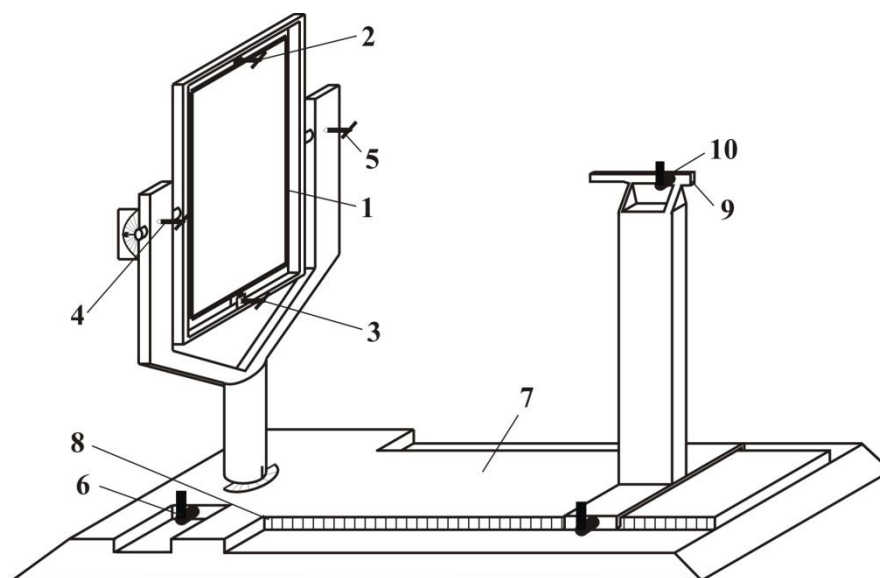

Рис. 1. Устройство для экспериментальной стрельбы [2]:

- 1 — съемный элемент для закрепления мишени; 2, 3, 4, 5, 6 и 10 — стопорные винты;
7 — направляющая основания; 8 — линейная разметка; 9 — ложемент

Работа предлагаемого устройства для экспериментальной стрельбы осуществляется следующим образом. Перед отстрелом съемный элемент для закрепления мишени (1) изгибают для придания формы исследуемого объекта, например волнообразной (рис. 2). Затем на съемный элемент для закрепления мишени (1) крепят мишень, изготовленную из материала, подобного исследуемому объекту. Съемный элемент для закрепления мишени (1) соединяют с рамкой для установки мишени при помощи винтов (2) и (3). После этого устанавливают требуемые углы наклона и поворота мишени и фиксируют стопорными

винтами (4), (5) и (6). Механизм закрепления оружия перемещают по направляющей основания (7) на требуемое расстояние от мишени согласно линейной разметке (8) и фиксируют стопорным винтом (6). В ложемент (9) вставляют стрелковое оружие и закрепляют его стопорным винтом (10). После этого производится экспериментальный отстрел мишени.

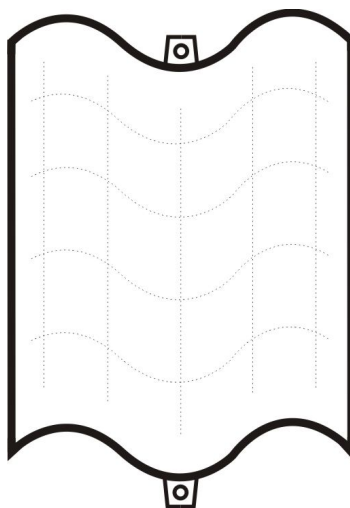
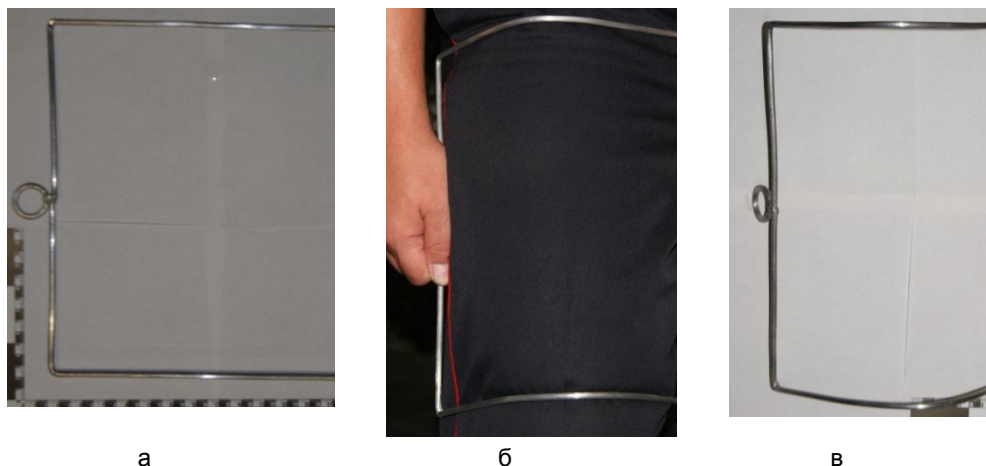

Рис. 2. Съёмный элемент с мишенью

В целях проверки технологических возможностей описанного устройства проводилась экспериментальная стрельба по мишеням, устанавливаемым на съёмный элемент, с возможностью принимать требуемую форму наружной поверхности (объёмным мишеням).

Мишени изготавливались размером 300х300 мм из гофрированного картона, поверх которого закреплялась ткань (белая бязь) малой и средней степени износа. Мишени предварительно изгибались и закреплялись на съёмном элементе при помощи зажимов. Съёмный элемент представлял собой рамку размером 300х300 мм, выполненную из алюминиевой проволоки диаметром 5 мм, с расположенными по бокам проушинами для ее закрепления на стойках (рис. 3а). Для придания требуемой формы, например поверхности бедра, рамка прикладывалась к бедру и под действием мышечной силы изгибалась до нужного состояния (рис. 3б). После этого съёмный элемент с мишенью крепился на стойки.

Рис. 3. Съёмный элемент:
в исходном состоянии (а), в процессе формообразования (б),
принявший требуемую форму (в)

Экспериментальная стрельба производилась из двух 9,0-мм пистолетов Макарова (ПМ) с малым настрелом, патронами 9x18 мм (ППО). Согласно имеющейся в криминалистической литературе [5, 6] информации о предельных дистанциях отложения следов близкого выстрела из ПМ стрельба осуществлялась с дистанций от 1 до 50 см. В целях набора статистических данных с каждой из дистанций производилась стрельба не менее чем по двум мишеням. Общий вид съёмного элемента с мишенью, закрепленного вертикально, представлен на рис. 4.

Рис. 4. Съёмный элемент с мишенью, закрепленный вертикально, до выстрела

Анализ основного и дополнительного следов выстрела дает основание говорить об отдельных закономерностях механизма следообразования на объемных мишенях.

При этом общая картина основного следа выстрела в целом не отличается от описанной в литературе [5] и состоит из механического повреждения снарядом и пояса обтирания.

Результаты проведенных исследований позволяют выделить характерные особенности дополнительных следов выстрела, образуемых при стрельбе в мишени данного вида.

Так, в силу того что вектор воздействия газопороховой струи направлен на мишень как цилиндрическую поверхность, копоть отлагается в виде двух зон не круглой, а овальной формы. Особенно ярко эти черты проявляются в случаях наклона мишеней в отношении дульного среза ствола — верхнего края мишени ближе к дульному срезу (угол 135°) и либо от дульного среза (угол 45°) (рис. 5).

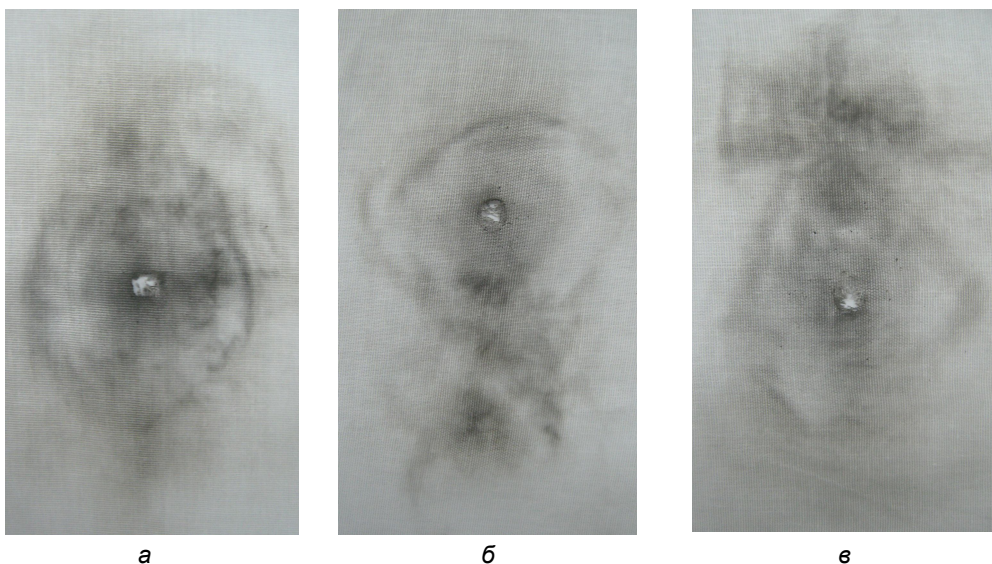

Рис. 5. Отложение копоти выстрела при стрельбе с дистанции 10 см по мишеням, расположенным вертикально (а), под углами 45° (б) и 135° (в)

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают эффективность использования объемных мишеней при получении следов на объектах сложной формы, повторяющих в эксперименте наружные поверхности части тела человека (предплечье, бедро и др.), что обеспечивает необходимые условия формирования объективного вывода при решении экспертных задач по определению обстоятельств выстрела.

Список библиографических ссылок

1. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник / под ред. В. А. Ручкина, И. А. Чулкова. Волгоград, 2011. Ч. 1.
2. Устройство для экспериментальной стрельбы. Патент на ПМ РФ № 146737, МПК F41J 1/00, опубл. 20.10.2014.
3. Устройство для экспериментальной стрельбы. Патент РФ № 2090829, МПК F41J 1/00, опубл. 20.09.1997.
4. Латышов И. В., Донцов Д. Ю. Возможности использования специальных устройств для экспериментальной стрельбы // Судебная экспертиза. XXI век. Традиции, инновации, практика: материалы межвуз. конф. Электрон. дан. (5,69 Мб). Волгоград, 2015. С. 78—83.
5. Стрелковое огнестрельное оружие и его следы на пулях, гильзах и преградах: справ.-метод. пособие / Латышов И. В. [и др.]. Волгоград, 2002. Ч. 2: 9,0-мм пистолет конструкции Макарова (ПМ).
6. Погребной А. А. О закономерностях отображения следов выстрела на многослойных тканевых преградах (на примере пистолетов МЦМ, ПСМ, ТТ и ПМ) // Судебная экспертиза. 2013. № 2 (34). С. 68—80.

References

1. Kriminalisticheskaja jekspertiza oruzhija i sledov ego primenenija: uchebnik / pod red. V. A. Ruchkina, I. A. Chulkova. Volgograd, 2011. Ch. 1.
2. Ustrojstvo dlja jeksperimental'noj strel'by. Patent na PM RF № 146737, MPK F41J 1/00, opubl. 20.10.2014.
3. Ustrojstvo dlja jeksperimental'noj strel'by. Patent RF № 2090829, MPK F41J 1/00, opubl. 20.09.1997.
4. Latyshov I. V., Doncov D. Ju. Vozmozhnosti ispol'zovanija special'nyh ustrojstv dlja jeksperimental'noj strel'by // Sudebnaja jekspertiza. XXI vek. Tradicii, innovacii, praktika: materialy mezhvuz. konf. Jelektron. dan. (5,69 Mb). Volgograd, 2015. — S. 78—83.
5. Strelkovoje ognestrel'noje oruzhie i ego sledy na puljah, gil'zah i pregradah: sprav.-metod. posobie / Latyshov I. V. [i dr.]. Volgograd, 2002. Ch. 2: 9,0-mm pistoliet konstrukcii Makarova (PM).
6. Pogrebnoj A. A. O zakonomernostjah otobrazhenija sledov vystrela na mnogoslojnyh tkanevyh pregradah (na primere pistolietov MCM, PSM, TT i PM) // Sudebnaja jekspertiza. 2013. № 2 (34). S. 68—80.

© Латышов И. В., Донцов Д. Ю., Кузнецов В. А., 2016

***

А. В. Денисов,

начальник научно-исследовательской лаборатории (военной хирургии) научно-исследовательского отдела (экспериментальной медицины) научно-исследовательского центра Военной медицинской академии имени С. М. Кирова, кандидат медицинских наук;

Л. Б. Озерецковский,

старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории (военной хирургии) научно-исследовательского отдела (экспериментальной медицины) научно-исследовательского центра Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, доктор медицинских наук, профессор;

А. П. Божченко,

доцент кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова, доктор медицинских наук, доцент;

В. М. Дальжинов,

старший оператор медицинского отделения биолого-фармацевтического взвода научной роты № 8 Военно-медицинской академии имени С. М. Кирова

**ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО В КАЧЕСТВЕ ИМИТАТОРА
БИОЛОГИЧЕСКИХ МЯГКИХ ТКАНЕЙ
В ЭКСПЕРИМЕНТАХ ПО РАНЕВОЙ БАЛЛИСТИКЕ**

В статье рассмотрены результаты изучения проблемы объективизации гуманитарных требований к стрелковому оружию на основе стандартизации методик по тестированию повреждающего действия огнестрельных снарядов и выбора адекватного имитатора биологических тканей человеческого организма. На основе анализа литературных данных показано, что наиболее широкое распространение в качестве такого имитатора получило глицериновое мыло. Приведены различные рецептуры этого мыла, включая разработки отечественных исследователей. Подчеркнуты достоинства и недостатки предложенных рецептур. Представлены результаты изучения основных баллистических свойств «баллистического» мыла (гомогенная структура, соответствие плотности мышечной ткани человека, пластичность, устойчивость остаточной полости и др.). Дан проблемный анализ существующих способов оценки энергии ранящего снаряда по объему остаточной полости в мыле. На этой основе с использованием в качестве имитатора глицеринового мыла показана необоснованность предложенного зарубежными исследователями критерия о допустимом повреждающем действии ранящих снарядов в виде потери энергии 25 Дж/см при стрельбе по живым целям. Показано, что для объективизации такого критерия необходимо провести комплексное исследование с привлечением клинико-физиологических, морфометрических, биохимических и баллистических методов.

Ключевые слова: раневая баллистика, судебно-медицинская экспертиза, эксперимент, моделирование, имитатор, глицериновое мыло.

A. V. Denisov,

Head of Scientific research laboratory (military surgery)
Department of research and development (experimental medicine)
research center of Forensic Medicine of the Military Medical Academy
n. a. S. M. Kirov, Candidate of Science (Medicine), Associate Professor;

L. B. Ozeretskovsky,

Senior researcher of scientific research laboratory (military surgery)
Department of research and development (experimental medicine)
research center of Forensic Medicine of the Military Medical Academy
n. a. S. M. Kirov, Doctor of Science (Medicine), Professor;

A. P. Bozhchenko,

Associate Professor of the Chair of Forensic Medicine
of the Military Medical Academy n. a. S. M. Kirov,
Doctor of Science (Medicine), Associate Professor;

V. M. Dalzhinov,

Senior operator medical offices bio-pharmaceutical research company platoon
No. 8 of Forensic Medicine of the Military Medical Academy n. a. S. M. Kirov

**GLYCERIN SOAP AS A SIMULATOR OF BIOLOGICAL
SOFT TISSUES IN EXPERIMENTS ON WOUND BALLISTICS**

In the article presents the results of studying the problem of objectification humanitarian requirements for small arms based on the standardization of methods for testing the damaging effect of the bullet shells and the choice of an adequate simulator of biological tissues of the human body. Based on the analysis of literature data shows that the most widespread as such a simulator has received glycerin soap. Given different formulations of this soap, including the development of local researchers. Highlighted the advantages and disadvantages of the proposed formulations. Presents the results of studying the main properties of ballistic «ballistic» soap (homogeneous structure, according to the density of muscle tissue, the plasticity, the stability of the residual cavity, etc.). Given the problematic analysis of existing methods of estimation of energy of projectile wounding in volume of the residual cavity in the soap. On this basis, using as a simulator glycerin soap, shown the invalidity of proposed foreign researchers criteria on allowable damaging action of wounding projectiles in the form of loss of energy of 25 j/cm when shooting at live targets. It is shown that for objectifying this criterion it is necessary to conduct a comprehensive study involving clinical and physiological, morphometric, biochemical and ballistic methods.

Keywords: wound ballistics, forensic examination, experiment, simulation, simulator, glycerin soap.

* * *

Необходимость в объективизации гуманитарных требований к стрелковому оружию и определении конкретных значений измеряемых параметров повреждающего и останавливающего действия ранящих снарядов требует совершенство-

вания экспериментальных исследований огнестрельных ранений с привлечением широкого арсенала клинико-морфологических, лабораторных и инструментальных методов. Одним из важнейших направлений на этом пути является увеличение возможностей моделирования изучаемых процессов формирования огнестрельной травмы [1, 2].

Как известно, для моделирования могут быть использованы самые разнообразные объекты биологической и небиологической природы (трупы людей, лабораторные животные, их части; деревянные доски, листы железа, желатиновые и мыльные блоки и др.). При этом существуют объективные основания для ограничения опытов со стрельбой по животным или трупам людей, диктуемые этическими соображениями и анатомическими различиями между человеком и подопытными животными. В связи с этим актуальными становятся небиологические имитаторы биологических тканей, при выборе которых важнейшим критерием является соответствие совокупности их физических характеристик свойствам биологических объектов [2—4].

В нашей стране и за рубежом при проведении экспериментальных работ по раневой баллистике в случаях, когда не требуется моделирование процессов, протекающих в живом организме при действии огнестрельного травмирующего фактора, наиболее широкое распространение в качестве имитатора биологических тканей получило глицериновое мыло [3, 5, 6]. Преимуществами этого имитатора являются сходство с биологическими мягкими тканями по основным механическим характеристикам, гомогенная структура, пластичность, прозрачность, возможность калибровки физических параметров, воспроизводимость экспериментов в статистически достоверном объеме, а также относительная доступность. Не случайно в решениях III Международного симпозиума по раневой баллистике была выражена уверенность в том, что применение именно глицеринового мыла может составить основу единой международной методики тестирования повреждающего действия новых ранящих снарядов [5].

Глицериновое мыло представляет собой пластический материал, в котором в результате передачи кинетической энергии ранящим снарядом (РС) происходит формирование устойчивой полости. В работе [5] с использованием приборного комплекса импульсной рентгенографии было установлено, что образующаяся полость практически не спадается — после прохождения РС сохраняется приблизительно вид полости в фазе ее максимального развития (остаточная полость — ОП).

Разумеется, глицериновое мыло не является универсальным средством моделирования всех тканей и органов живого организма (например у кожи иные упругие свойства, а у костей иная плотность). Но именно данная модельная субстанция через устойчивые характеристики ОП (форму, размеры) позволяет оценивать основные показатели механизма огнестрельных ранений (ход движения, процесс деформации и фрагментации пуль, форму и глубину пулевого канала, величину отданной энергии и пр.) при выстрелах испытываемыми пулями в равных условиях.

Адаптация этого имитатора к конкретным целям исследования является задачей экспериментатора [2].

Для изготовления мыла применяются такие исходные материалы, как кокосовое масло, касторовое масло, животный жир, стеарин (пальмитин), глицерин, сахароза, этиленгликоль, этанол, вода, едкий натр. Наиболее широко применяются следующие приведенные ниже рецептуры (табл. 1).

Таблица 1

Состав глицеринового мыла согласно различным рецептурам

Исходные вещества	Массовая доля, %	
	по В. Janzon с соавт. [5]	по D. Scepovic [6]
Жирные кислоты	43,0	40,8
Вода	27,0	29,1
Глицерин	13,0	–
Сахароза	10,0	12,0
Этанол	4,0	18,0
Щелочь, в том числе:	2,7	–
— карбонатная	0,2	–
— свободная	0,1	0,1
Всего	100,0	100,0

Для производства баллистических экспериментов в отечественной практике используют мыльные блоки (МБ). Необходимого размера МБ (рис. 1) изготавливают из полуфабрикатов туалетного прозрачного глицеринового мыла (без окраски и отдушки) по ТУ 18 РСФСР 558-78, в состав которого, как и в указанные выше рецептуры, входят жирные кислоты (40,0—43,0 %), вода (27,0 %), этиловый спирт (4,0 %) и другие компоненты [3].

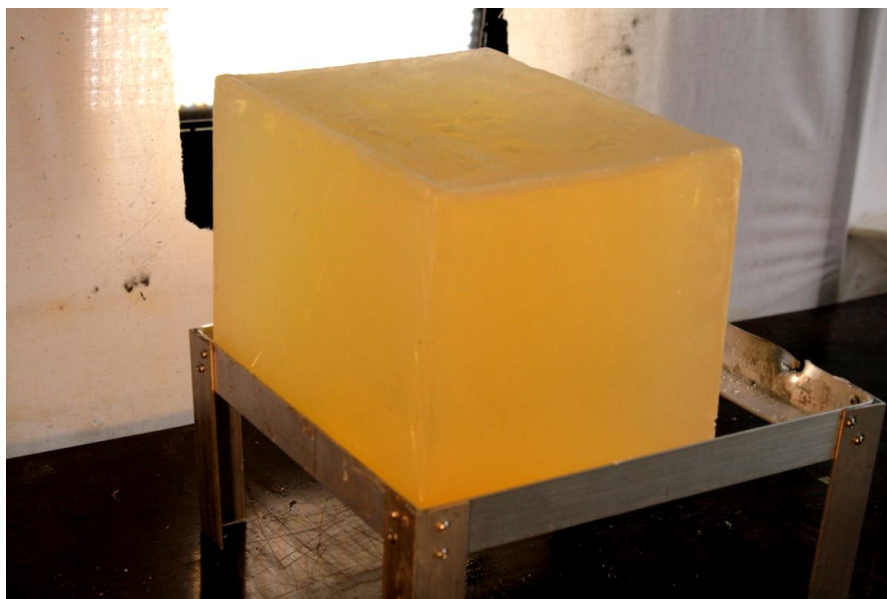

Рис. 1. Блок глицеринового мыла («баллистического мыла»)

Тщательное смешивание исходных компонентов позволяет изготавливать мыло постоянной кондиции, что является важнейшей предпосылкой выполнения измерений с помощью этого продукта — механические свойства мыла (в том числе их постоянство) имеют существенное значение для применения в опытах по раневой баллистике [3—5, 7, 8].

Плотность свежееготовленного мыла (сроком 1—3 недели) при температуре 18—22 °С составляет 1 060—1 100 кг/м³, что соответствует плотности мышечных тканей человека. Мыло имеет очень узкие границы упругости (0,5 Н/мм²) — это свидетельствует о его пластичности. Помимо указанных свойств, важнейшими его характеристиками являются скорость распространения звука и вязкость.

Скорость звука в «баллистическом мыле» определяется его упругостью и плотностью. Обе величины сильно зависят от температуры среды, и, как следствие, от температуры зависит и скорость звука в имитаторе — с подъемом температуры она падает (рис. 2).

Рис. 2. Скорость звука в мыле в зависимости от температуры мыла

Мыло ведет себя при выстрелах как весьма пластичный материал. Возникающий пулевой канал только незначительно подвергается обратному развитию, поэтому получается прямое изображение ОП, точно фиксируются ее форма и размеры.

Мыло достаточно долго может сохранять свои основные механические характеристики, что является еще одним достоинством этого имитатора. Длительное хранение приводит лишь к некоторым изменениям его свойств. В первую очередь при открытом хранении улечиваются алкоголь и вода, что увеличивает плотность мыла, прежде всего, в наружных слоях (до $1\ 150\ \text{кг/м}^3$ после четырех лет хранения). Вследствие возрастания плотности мыла практически линейно увеличивается и скорость звука в нем (рис. 2, 3).

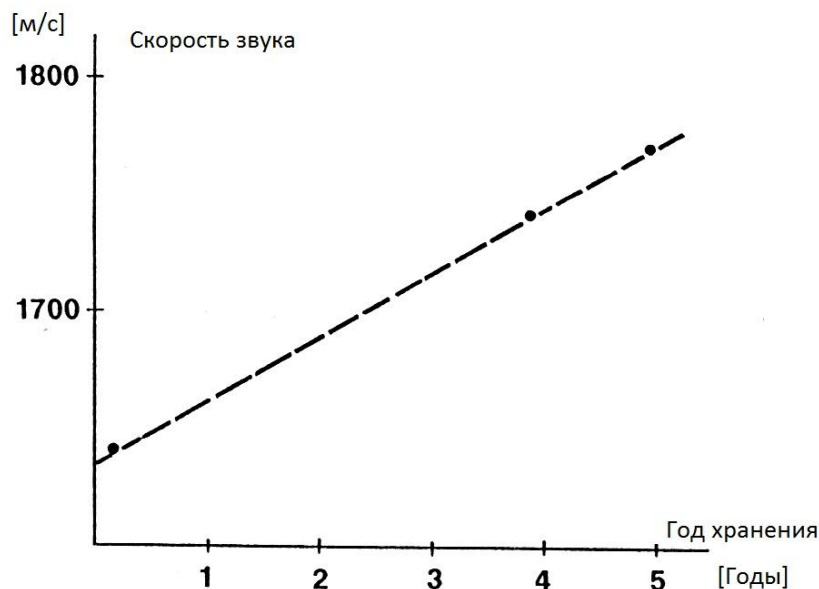

Рис. 3. Скорость звука в зависимости от длительности хранения мыла

Как следует из данных, представленных на рис. 3, в период хранения «баллистического мыла» от нескольких месяцев до одного года его можно применять в опытах практически без ущерба для точности. Результаты экспериментов свидетельствуют, что поведение пули (ход движения, деформация, фрагментация) при этом полностью сохраняется. Несколько меньше становится объем ОП из-за повышения сопротивления внешних, высохших слоев.

Доказана линейная связь между объемом ОП в МБ и энергией, отданной проходящей через него пулей. Чтобы определить потерю энергии РС, достаточно определить объем пулевого канала. Связь объема ОП ($V_{оп}$) с отданной огнестрельным снарядом энергией ($E_{аб}$) выражается формулой [7]:

$$V_{оп} = \mu \cdot E_{аб}, \quad (1)$$

где μ — коэффициент пропорциональности.

Из определенных для различных РС связей между $V_{оп}$ и $E_{аб}$ следует линейная регрессия (рис. 4), позволяющая вычислить значения для $\mu = 0,182 \text{ см}^3/\text{Дж}$ (коэффициент корреляции 0,98). При свежем мыле величина μ может колебаться от 0,160 до 0,200 $\text{см}^3/\text{Дж}$, а с увеличением «возраста» мыла значение μ снижается до 0,120 $\text{см}^3/\text{Дж}$. Важно также, что коэффициент пропорциональности μ до величины отданной энергии 2 500 Дж практически не зависит от вида РС.

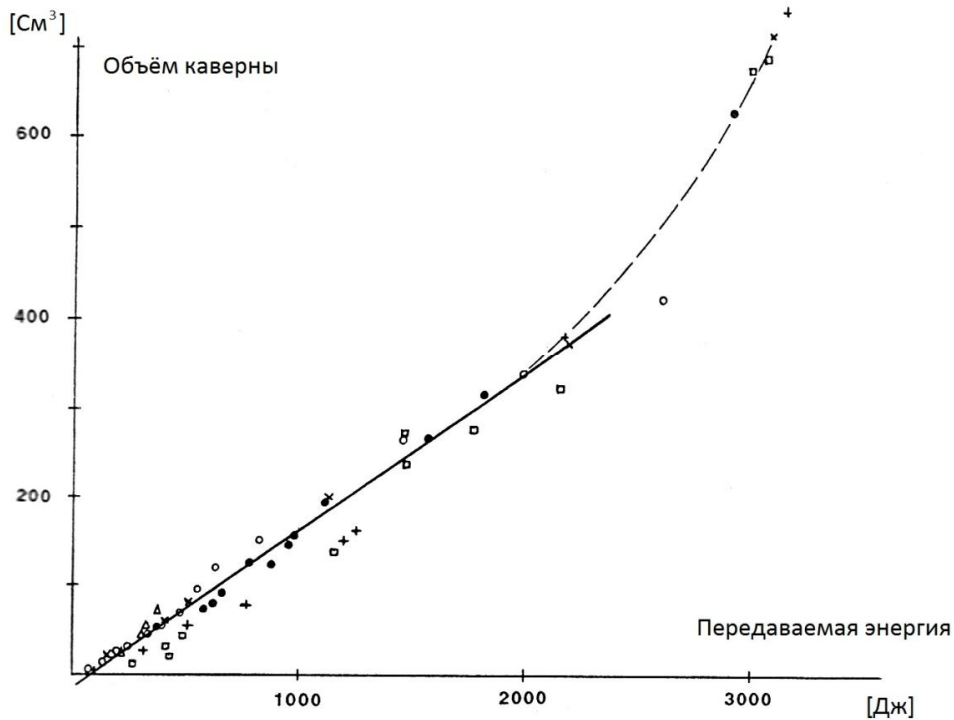

Рис. 4. Объем остаточной полости в зависимости от переданной энергии:

- — длинноствольное оружие; Δ — короткоствольное оружие; ● — стальные шарики;
- — алюминиевые шарики; + — вольфрамовые шарики;
- х — осколки естественного дробления

Пропорциональность между $V_{оп}$ и $E_{аб}$, выраженная формулой (1), позволяет использовать «баллистическое мыло» для определения $E_{аб}$, а отсюда и скорости РС. Для определения $V_{оп}$ (в случае образования достаточно большой каверны) подходит постепенное заполнение его водой из градуированного сосуда [7]. При этом форма поперечника канала не имеет значения. Еще один способ — разрезать канал вдоль и сфотографировать его, на полученной фотографии произвести измерение диаметра в функции длины канала. Так как поперечник канала круглый, объем в зависимости от длины канала можно измерить достаточно точно. На последнем отрезке из-за снижения скорости РС поперечник канала имеет вид эллипса, поэтому допустимо вычисление его среднего диаметра, что не дает большой ошибки при определении объема ОП.

Также возможно блок мыла разрезать на ряд шайб, затем измерить полученные разрезы и суммировать вычисленные объемы:

$$V_{оп} = \sum_1 = \frac{A_1 + A_{i+1}}{2} * d_i \text{ см}^3, \quad (2)$$

где A_i — площадь входного отверстия, A_{i+1} — площадь i -той шайбы и d_j — толщина i -той шайбы (рис. 5).

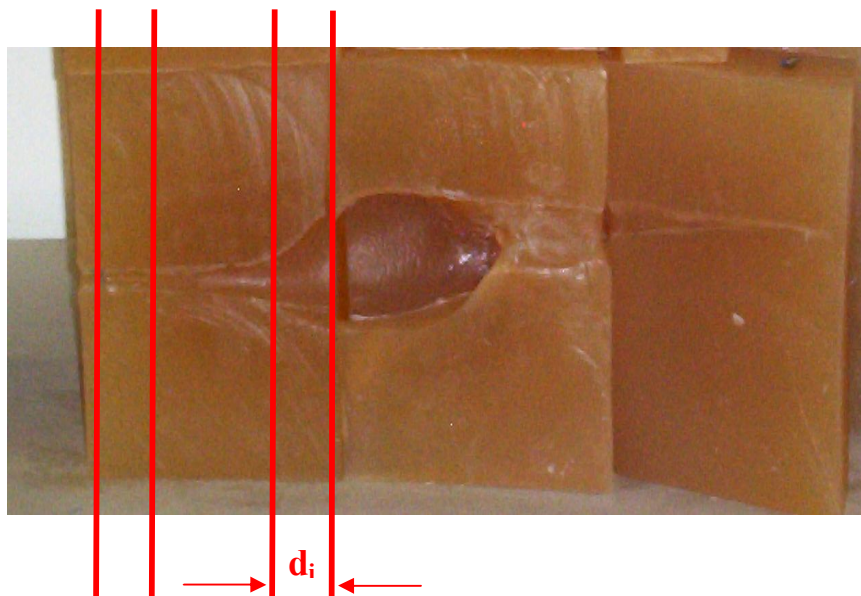

Рис. 5. Вид остаточной полости (каверны) в «баллистическом мыле» и способ расчета ее объема по К. Sellier с соавт. [6]

При известном $V_{оп}$ с помощью формулы (1) можно определить отданную энергию РС (путем обратного действия) и тем самым определить его начальную энергию и дополнительно с помощью данных о массе РС — его контактную скорость, что важно как для клинической, так и для судебно-медицинской практики, поскольку позволяет решить экспертные вопросы о механизме образования огнестрельного повреждения: установить расстояние выстрела, наличие преграды и пр. Для реализации всех этих возможностей требуется проведение экспериментов в условиях, обеспечивающих улавливание пуль.

Использование глицеринового мыла как стандартизированного имитатора представляет особый интерес для оценки предельно допустимой величины повреждающего действия различных РС, особенно если речь идет о новых образцах оружия и боеприпасов к ним. Исходя из позиции о негуманности нанесения излишних страданий (*unnotigen leiden*) при необходимости вывода противника из строя, зарубежные исследователи [7, 8] предложили запретить или ограничить применение тех боеприпасов и систем стрелкового оружия, которые при ранении передают тканям кинетическую энергию более чем 25 Дж/см. Этот параметр определяется в опытах на блоках из глицеринового мыла при движении пули в МБ на первоначальном участке раневого канала (порядка 14 см).

Величина кинетической энергии, которую РС передает МБ, рассчитывается на основе формул (1) и (2).

Для оценки обоснованности предложенного ограничения (25 Дж/см) отечественными исследователями [3] были проведены опыты по определению потери энергии 7,62-мм пуль патронов образца 1943 г. (Россия), 5,45-мм пуль патронов 7Н6 (Россия), а также 5,56-мм пуль патронов М193 (США) в равных условиях при выстрелах в блоки из глицеринового мыла с действительной дальности 10 м и приведенных дальностей 100 и 300 м.

Объекты исследований в опытах размещались на расстоянии 10 м. Для воспроизведения скорости пуль, соответствующей дальностям 100 и 300 м, использовали патроны с уменьшенными навесками пороха. Стрельба производилась из баллистических стволов с подобранным для каждой дальности шагом нарезов. Скорость пуль в опытах определяли с помощью электронного хронометра и специальных блокировок. По результатам измерения скорости пуль до и после выхода из объекта определяли величину потери кинетической энергии пули. В МБ определяли объем ОП путем заполнения их водой из градуированного сосуда.

Результаты опытов по определению потери кинетической энергии на 1 см пулевого канала (ΔE_x , Дж/см) на соответствующих дальностях стрельбы ($X = 10, 100$ и 300 м) в блоках из мыла приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Потери кинетической энергии пуль в «баллистическом мыле»
на различных дальностях стрельбы**

Характеристика патрона, страна	Начальная скорость пули, м/с	ΔE_{10} , Дж/см	ΔE_{100} , Дж/см	ΔE_{300} , Дж/см	$\Delta E_{ср}$, Дж/см
5,45 мм 7Н6 (Россия)	900	41,8	48,3	25,0	38,4
7,62 мм обр. 1943 г. (Россия)	715	20,7	12,3	6,7	13,2
5,56 мм М193 (США)	990	78,8	45,9	22,7	49,1

Согласно полученным в эксперименте данным предлагаемому критерию депозита энергии в 25 Дж/см на всех дальностях стрельбы и в среднем соответствуют только 7,62-мм пули патронов образца 1943 г. (Россия). Значения депозита энергии 5,45-мм пуль патронов 7Н6 (Россия) и 5,56-мм пуль патронов М193 (США) в 1,5—2,0 раза превышают указанный норматив (исключая дальность стрельбы 300 м и более). Это свидетельствует о том, что представленный К. Sellier с соавт. [7] и В. Kneubuehl с соавт. [8] критерий о допустимом повреждающем действии РС в виде потери энергии 25 Дж/см при стрельбе по имитаторам

живых тканей представляется в известной мере априорным и не имеет убедительной доказательной базы.

На наш взгляд, на пути к объективизации предъявляемых требований к стрелковому оружию и определению конкретных значений измеряемых параметров повреждающих факторов выстрела требуется проведение дальнейших экспериментальных исследований огнестрельных ранений с применением комплексного подхода и привлечением клинично-физиологических, морфометрических, биохимических и баллистических методов.

Одним из важнейших направлений на этом пути является совершенствование возможностей по моделированию процессов, происходящих при формировании огнестрельных ранений. Существенным достижением международного научного сообщества последних лет является рекомендация применять в экспериментах по раневой баллистике однородные по структуре имитаторы биологических тканей, в частности глицериновое мыло. Это позволяет в равных условиях исследовать влияние на формирование огнестрельной травмы различных баллистических характеристик ранящих снарядов.

Список библиографических ссылок

1. Новые данные о морфогенезе огнестрельных повреждений костей / А. А. Гайдаш [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2010. № 4. С. 4—7.
2. Молчанов В. И., Попов В. Л., Калмыков К. Н. Огнестрельные повреждения и их судебно-медицинская экспертиза. Л., 1990.
3. Озерцовский Л. Б., Гуманенко Е. К., Бояринцев В. В. Раневая баллистика. История и современное состояние огнестрельного оружия и средств индивидуальной защиты. СПб., 2006.
4. Berlin R., Janzon B., Rybeck B. A proposed standart methodology for estimating the wounding capacity of small caliber projectiles or other missiles // Acta chir. Scand. 1983. S. 589. P. 11—29.
5. Drag and tumbling behavior of small caliber projectiles in tissue stimulant / B. Janzon [etc.] // Acta chir. Scand. 1979. S. 489. P. 57—71.
6. Scepanovic D. Steel ball effect — investigation of shooting at blocks of soap // Acta chir. Scand. 1979. S. 489. P. 71—81.
7. Sellier K., Kneubuehl B. Woundballistik und ihre ballistischen Grundlagen. Berlin, 1992.
8. Wound Ballistics / B. Kneubuehl [etc.]. Berlin, 2011.

References

1. Novye dannye o morfogeneze ognestrel'nyh povrezhdenij kostej / A. A. Gajdash [i dr.] // Sudebno-medicinskaja jekspertiza. 2010. № 4. S. 4—7.
2. Molchanov V. I., Popov V. L., Kalmykov K. N. Ognestrel'nye povrezhdenija i ih sudebno-medicinskaja jekspertiza. L., 1990.

3. Ozereckovskij L. B., Gumanenko E. K., Bojarincev V. V. Ranevaja ballistika. Istorija i sovremennoe sostojanie ognestrel'nogo oruzhija i sredstv individual'noj zashhity. SPb., 2006.
4. Berlin R., Janzon B., Rybeck B. A proposed standart methodology for estimating the wounding capacity of small caliber projectiles or other missiles // Acta chir. Scand. 1983. S. 589. P. 11—29.
5. Drag and tumbling behavior of small caliber projectiles in tissue stimulant / V. Janzon [etc.] // Acta chir. Scand. 1979. S. 489. P. 57—71.
6. Scepanovic D. Steel ball effect — investigation of shooting at blocks of soap // Acta chir. Scand. 1979. S. 489. P. 71—81.
7. Sellier K., Kneubuehl B. Woundballistik und ihre ballistischen Grundlagen. Berlin, 1992.
8. Wound Ballistics / V. Kneubuehl [etc.]. Berlin, 2011.

© Денисов А. В., Озерецковский Л. Б., Божченко А. П.,
Дальжинов В. М., 2016

* * *

Т. П. Соколова,

доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат филологических наук, доцент

**НЕЙМИНГОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТЫ, ЗАДАЧИ, ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ**

В статье представлены результаты разработки частной теории нового вида судебной лингвистической экспертизы — нейминговой экспертизы, которая формируется на современном этапе развития речеведческих экспертиз в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером применяемых специальных знаний. Под неймами понимаются обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, в также личные имена, псевдонимы, доменные имена, географические наименования, урбанонимы (внутригородские названия). На базе методологии судебной экспертологии определяются предмет, объекты и задачи нейминговой экспертизы.

Особое внимание уделено выявлению пределов компетенции эксперта-речевода, объема и структуры его специальных знаний. Обозначено теоретическое и практическое значение разработки частной теории нейминговой экспертизы. По результатам исследования сформулированы типовые задачи нейминговой экспертизы, указаны актуальные и перспективные положения развития этого нового вида лингвистической экспертизы и применения ее в судебно-экспертной практике.

Ключевые слова: судебная экспертология, судебная лингвистическая экспертиза, нейминговая экспертиза, судебное речеведение, ономастика, нейм, нейминг, номинация, личное имя, псевдоним, антропоним, топоним, урбаноним, средства индивидуализации.

T. P. Sokolova

Associate Professor of the Chair of Forensic Examination
of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL),
Candidate of Science (Philology), Associate Professor,

**NAMING EXAMINATION:
SUBJECT MATTER, OBJECTS, TASKS, TERMS OF REFERENCE**

The article features the results of working out the subtheory of forensic naming examination, problems of formation of naming examination as a new type of forensic examination under the peculiarities of its objects (names), the scope of work and the nature of special knowledge in use. Speaking of names we consider the means of individualization as well as proper names, pseudonyms, domain names, place names and urbanonyms (intra-city names). On the basis of the judicial expertology methodology the subject, objects and tasks of naming examination are defined.

Particular attention is paid to identifying the limits of the competence of a language expert, scope and structure of his special knowledge. Theoretical and practical significance of the naming examination theory is formulated. Based on the research findings the author determines common tasks of naming examination, indicates current and future situation of the development of this new type of linguistic expertise and applying it to the forensic practice.

Keywords: forensic expertology, forensic linguistic examination, naming examination, judicial speech studies, onomastics, name, naming, onym, personal name, pseudonym, anthroponym, toponym, urbanonym, means of individualization.

***

Одна из насущных задач судебной экспертологии — разработка частных теорий отдельных родов и видов судебных экспертиз [1]. В русле теоретических и методических подходов к экспертной деятельности, выработанных школой судебной экспертологии под руководством Е. Р. Россинской, на кафедре судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина проводится изучение закономерностей возникновения, формирования и развития классов, родов и видов судебных экспертиз. Нейминговая экспертиза относится к компетенции экспертов-речеведов, ее сущность, правовое обеспечение, объекты, особенности назначения и производства впервые были определены в монографии доцента Т. П. Соколовой под редакцией профессора Е. И. Галяшиной [2]. Актуальность разработки нейминговой экспертизы определяется необходимостью правовой защиты личного имени гражданина,

авторского имени или псевдонима, наименований как интеллектуальной собственности.

К объективным предпосылкам возникновения нейминговой экспертизы следует отнести развитие теории судебной экспертологии (Е. Р. Россинская, А. М. Зинин, Е. И. Галяшина) [3], разработку концепции судебного речеведения [4], появление нового рода речеведческих экспертиз — судебной лингвистической экспертизы, развитие теории ономастики в качестве проявления качественного и количественного видоизменения знаний, определяющих компетенцию нового вида экспертизы; судебную практику по делам, связанным с исследованием неймов [5].

Нейминговая экспертиза представляет собой особый вид судебной лингвистической экспертизы, формирующийся в настоящее время в соответствии с особенностями объектов (неймов), кругом решаемых задач и характером используемых специальных знаний.

Многие филологи и эксперты признают, что товарные знаки (добавим — как и другие неймы) представляют собой *особый вид речевых продуктов*. Анализ судебно-экспертной практики свидетельствует о том, что фактически судебная лингвистическая экспертиза товарных знаков и других словесных обозначений средств индивидуализации отмежевалась от лингвистической экспертизы текста [6, с. 47]. При этом употребляемое в некоторых экспертных учреждениях название нового вида — *лингвистическая экспертиза наименований* — не отражает всех специфических разнородных объектов исследования, в частности, выводит за пределы экспертного анализа личные имена и псевдонимы. Используемый рядом экспертов-филологов термин *экспертиза коммерческой ономастики* [7, с. 281] сужает круг исследуемых объектов и неверно характеризует специальные знания эксперта-речевода.

Термин *нейминговая экспертиза* позволяет более точно очертить круг объектов, вовлекаемых в судебно-экспертное исследование, а также сделать акцент на профилактической роли нового вида экспертизы в предотвращении появления конфликтогенных названий как результата нейминговых ошибок.

Неймы (обозначения, используемые в качестве средств индивидуализации, личные имена, псевдонимы, доменные имена, никнеймы, географические наименования, внутригородские названия) существенно отличаются от прочих речевых произведений. Вследствие принадлежности к классу имен собственных как продукты *нейминга* (искусственной номинации) антропонимы, топонимы, урбанонимы, наименования товаров и услуг подчиняются не только общим законам функционирования лексических единиц, но и специфическим правилам ономастического пространства языка, его систем и подсистем (антропонимической, топонимической, урбанонимической и др.). В неймах выявляются специфические характеристики на лексико-семантическом, грамматическом, фонетическом уровнях, а также в графемном и графическом оформлении. Термин «нейм» необходим в качестве *родового* для любого объекта нейминговой экспертизы, в отличие от *видовых* — *личного имени, псевдонима, прозвища, никнейма, доменного имени, топонима, урбанонима, товарного знака, знака обслуживания, фирменного наименования, коммерческого обозначения, наименования места*

происхождения товара. Каждый из перечисленных видов неймов обладает набором специфических параметров, входит в определенное ономастическое пространство и в нем функционирует, что объективно предопределяет выделение внутри нейминговой экспертизы ее разновидностей: судебной лингвистической экспертизы антропонимов, судебной лингвистической экспертизы урбанонимов, судебной лингвистической экспертизы коммерческих обозначений, судебной лингвистической экспертизы фирменных наименований и т. д.

Нейминговая экспертиза — процессуально регламентированное лингвистическое исследование нейма как речевого продукта, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в лингвистике, ономастике, судебном речеведении и судебной экспертологии.

Предмет нейминговой экспертизы — установление фактических данных и обстоятельств создания и функционирования неймов, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов на основе специальных знаний в области лингвистики, ономастики, судебного речеведения и судебной экспертологии.

Специальные знания рассматриваются нами как комплекс знаний в области теории, методики и практики судебной экспертизы определенного рода, вида и составляют компетенцию эксперта, причем объективную компетенцию эксперта-речевода в области нейминговой экспертизы должны составлять специальные знания в области общей и прикладной лингвистики, ономастики, судебного речеведения и судебной экспертологии. Языкознание составляет основу специальных знаний в нейминговой экспертизе: специалист должен владеть навыками содержательного (смыслового) и формального анализа языковых единиц каждого уровня: фонетического, морфемного, лексического и грамматического — а также способностью произвести графемный анализ письменно зафиксированной речевой единицы.

В институте судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) осуществляется подготовка экспертов-речеведов, и дисциплина «Общее языкознание и современный русский язык» относится к дисциплинам базовой части профессионального цикла, в процессе освоения которой формируются общекультурные и профессиональные компетенции [8, с. 55—61]. Именно компетентностный подход обеспечивает необходимый объем базовых специальных знаний для речеведческих экспертиз в целом и для нейминговой экспертизы в частности. Данная дисциплина подготавливает студентов к изучению речеведческих курсов, среди которых в аспекте компетенций нейминговой экспертизы особенно важен «Лингвистический анализ» [9, с. 4]. Успешное освоение данной дисциплины дает специалисту необходимые знания методологии лингвистического анализа, общих и частных методов исследования языковых единиц разных уровней, позволяет эксперту овладеть методологическим инструментарием лингвистического анализа.

В подтверждение значимости лингвистической составляющей специальных знаний эксперта приведем пример неудачного нейминга. Номинатор, обладающий

наивным, бытовым знанием русского языка, создает словесное обозначение, а эксперт, обладающий знаниями в патентном праве, но не владеющий лингвистическими знаниями, не может проанализировать нейм как речевой продукт. Так, заявитель, стремящийся зарегистрировать новый товарный знак в Федеральном институте промышленной собственности, объясняет словесное обозначение «ViРушка» как состоящее из компонента ViP «особо важная персона» и «окончания -ушка» [10], что свидетельствует об уровне такого непрофессионального нейминга. Однако эксперт, не обладающий специальными знаниями в лингвистике, не выявляет ошибки морфемного уровня (формант -ушка не является окончанием, а содержит суффикс -ушк- и флексию -а), а также ошибки графемной репрезентации нейма. Нейминговая экспертиза показывает, что расчет на высокий статус продукта за счет компонента «ViP» не верен: графогибридизация в слове «ViРушка» приводит к прочтению прописной латинской графемы «P» как русской «эр» — «ВИРУШКА» — именно такое ключевое слово по данной заявке выдает автоматическая поисковая система «Znakoved» [11]. Нивелирование «высокой статусности» нейма происходит также за счет присоединения суффикса -ушк-, который в данном случае имеет не значение «уменьшительно-ласкательное», а значение пренебрежительности.

При регистрации фирменного наименования его не рассматривает специалист, обладающий лингвистическими познаниями, что приводит к появлению конфликтных и непристойных названий, например: «ОТКАТ» (*откат* — «сумма денег, неофициально уплачиваемая фирмой-исполнителем сотруднику фирмы-заказчика за размещение заказа» [12]), ООО «Обнал» (*обнал* — жаргон. название незаконной финансовой схемы, применяемой хозяйствующими субъектами (юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями) для уклонения от уплаты налогов» [12]), «ТУДРАНКТУФАК» (*too drunk to fuck* «слишком пьян(а), чтобы ...»). Коммерческие обозначения, регистрация которых не является обязательной, часто нарушают нормы русского языка, не соответствуют этическим и эстетическим критериям: «Бухни», «Уличные яйца», «Ешкин кот», «СВАЛКА» [13].

Нередко правоприменители и эксперты ограничивают пределы компетенции эксперта-лингвиста *филологическими знаниями* и этим мотивируют обоснованность привлечения к экспертной деятельности, связанной с речевыми произведениями, именно филологов — сотрудников академических научных институтов, а также преподавателей гуманитарных вузов. Однако анализ экспертной практики убедительно доказывает недостаточность академического филологического знания (часто глубокого, детального знания отдельных сфер литературного творчества, определенного пласта речи, языкового узуса) [14]. Так, экспертная оценка специалистами-филологами городских неймов — урбанонимов: *Ключи Марии, Сельский часослов, Конница бурь, Москва кабацкая, Исповедь хулигана, Персидские мотивы, Иорданская голубица Радуница, Голубень* и др. — основывалась на культурной ценности данных названий, закрепляющих память о поэтическом творчестве С. А. Есенина, однако совершенно не учитывала законы городской номинации, специфику названий улиц как единиц ономастического пространства Москвы.

Более того, специалисты-филологи не учли не только ономастический статус объектов нейминга, но и лингвистические параметры анализируемых урбанонимов: в частности, фонетические и словообразовательные характеристики есенинского неологизма *голубень*, лексическое значение вынесенного в название сборника стихов С. А. Есенина слова *Радуница* («религиозный обычай поминовения умерших на могилах на пасхальной неделе» [15, с. 1058], что делает невозможным перенос данного нейма на линейный объект — улицу, т. е. объективно препятствует трансонимизации). Игнорирование грамматических, семантических и фонетических критериев названий линейных городских объектов обусловило экспертную поддержку филологами не просто неудачных, а курьезных названий улиц: *Москва кабацкая*, *Исповедь хулигана*, *Конница бурь*. Ошибки данной филологической экспертизы были своевременно выявлены экспертами Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы.

Приведенный пример показывает, что важной составляющей специальных знаний эксперта в области нейминговой экспертизы должны быть знания *теории номинации* в целом и *ономастики* как науки об именах собственных в частности. Однако следует подчеркнуть, что для обозначения актуальных в правовом поле наименований средств индивидуализации ономастическая наука использует особые термины (*эргонимы*, *клематонимы*, *хрематонимы*, *прагматонимы*, *порейонимы*, *гемеронимы* и многие другие), которые нецелесообразно привносить в нейминговую экспертизу.

Таким образом, специальных знаний в области общей и прикладной лингвистики, а также ономастики недостаточно для формирования объективной компетенции эксперта-речевода: специальные филологические знания должны быть сопряжены с задачами судебной экспертизы. Этой цели служит разработанная доктором филологических наук, доктором юридических наук Е. И. Галяшиной интегративная дисциплина — *судебное речеведение* — раздел прикладной лингвистики, посвященный изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения родовых задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи [16]. В русле специализации № 5 «Речеведческие экспертизы» дисциплина «Судебное речеведение» формирует специальные профессиональные компетенции, например способность при участии в процессуальных и непроцессуальных действиях применять методы и средства речеведческих экспертиз в целях обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования объектов — речевых произведений — для установления фактических данных (обстоятельств дела) в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве [17, с. 5]. Завершает формирование необходимых специалисту по нейминговой экспертизе компетенций дисциплина, которая является одной из основных в блоке дисциплин специализации, — «Судебная лингвистическая экспертиза» [18]. Именно в составе программы данного курса *нейминговая экспертиза* осваивается как новый вид судебной лингвистической экспертизы.

Специальные лингвистические и ономастические знания на основе судебного речеведения приобретают новое качество [19]. Так, ограничиваясь узкоспециальными филологическими знаниями, эксперт формально анализирует речевой продукт, но даже детально проведенное лингвистическое исследование нередко оказывается несостоятельным с юридической точки зрения. Например, по заключению филолога название коттеджного поселка «М.о.п.а.к.о.в.о.» — это искаженное написание русского топонима *Монаково*, следовательно, оно нарушает Федеральный закон РФ от 1 июля 2005 г. № 53 «О государственном языке Российской Федерации», согласно которому «при написании наименований географических объектов, нанесении надписей на дорожные знаки государственного языка Российской Федерации подлежит обязательному использованию». Однако специалист не учитывает ономастического статуса нейма (данное название не входит в систему топонимов) и специфику юридического статуса спорного наименования. Экспертиза с использованием знаний по судебному речеведению установила, что название жилого комплекса или коттеджного поселка может быть зарегистрировано как услуга (знак обслуживания) в отношении операций с недвижимостью (класс 37 МКТУ «Строительство; ремонт; установка оборудования»), фирменное наименование юридического лица (например строительной компании), а также как коммерческое обозначение, которое не подлежит обязательному включению в учредительные документы и единый государственный реестр юридических лиц. Нейм «М.о.п.а.к.о.в.о.» зарегистрирован как товарный знак, знак обслуживания (правообладатель ЗАО «Мизель Загородная Недвижимость») и не имеет отношения к существующему топониму — названию деревни *Монаково* Наро-Фоминского района Московской области. Знак обслуживания «М.о.п.а.к.о.в.о.» — это название «дачных резиденций на воде» на Икшинском водохранилище. Графический анализ нейма позволяет вычлнить в нем иноязычный вербальный компонент «М.о.п.а.к.о.», отсылка к которому подкрепляется невербальным компонентом — изображением княжеской короны над буквой «о». Компонент «во», с одной стороны, омонимичен типичному топонимическому форманту, с другой — восклицательной частице «во!» как показателю высокого качества предлагаемых фирмой товаров и услуг. Положения ч. 2 ст. 3 федерального закона РФ «О государственном языке Российской Федерации» не распространяются на фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, т. е. допустимо использование надписей на иностранном языке на вывесках, рекламных щитах (как в данном случае).

Вершину иерархической структуры специальных знаний эксперта-речевода составляют познания в судебной экспертологии, которые необходимы для разработки частноэкспертной теории нейминговой экспертизы, а также для организации и производства нейминговой экспертизы, предотвращения экспертных ошибок (процессуальных, гносеологических и операционных) [20]. В ходе анализа судебно-экспертной практики было выявлено множество ошибочно оформленных исследований фирменных наименований и других средств индивидуализации. Так, сами названия документов свидетельствуют об отсутствии специальных знаний в области экспертологии: *экспертное заключение-акт*

специалиста, справка эксперта-специалиста, лингвистическое исследование (экспертиза) коллектива специалистов кафедры педагогики и т. п.

Для исследования неймов требуются познания в судебной экспертологии, в рамках которой разрабатываются специальные экспертные методики, учитывающие не только языковую специфику нейма как результата номинации, но и криминалистическую составляющую нейма, не вскрываемую лингвистами и ономотологами. Криминалистическая сущность нейма заключается в том, что он представляет собой особый след нейминговой деятельности, в котором отображаются как свойства автора, так и генезис нейма в качестве объекта экспертизы. Эта уникальность нейма и обуславливает разработку специальных экспертных методик, опирающихся на теории криминалистической идентификации и диагностики, а также судебную экспертологию и ее закономерности, причем для каждого вида нейминговой экспертизы необходимо разработать свою экспертную методику. Механическое перенесение методики, разработанной для экспертизы одного вида неймов, например товарных знаков, на другой, например на урбанонимы, приводит к экспертным ошибкам.

Перечень решаемых нейминговой экспертизой задач — еще один критерий выделения этого особого вида экспертизы из рода лингвистических экспертиз. Нейминговая экспертиза может быть назначена по делам, связанным с нарушением права на имя, псевдоним, доменное имя, интеллектуальных прав (прав на товарные знаки или знаки обслуживания, наименования места происхождения товара, фирменные наименования, коммерческие обозначения), по делам, связанным с оскорблением чувств верующих, с обозначениями, противоречащими нормам морали, проявлением экстремизма, и т. д. Таким образом, потребность в нейминговой экспертизе выходит за рамки решения узких задач (установления сходства до степени смешения словесных обозначений) и определяется не только сферой действия права интеллектуальной собственности, патентного и авторского права, но и практикой судопроизводства по гражданским делам [21] и практикой арбитражного судопроизводства.

Анализ практики в области гражданского судопроизводства показывает неуклонный рост количества дел по защите прав на личное имя гражданина, авторских и смежных прав. Нейминговые инновации в сфере личных имен (*Люцифер, Граф, Принцесса, Прахлада* и др.) стали поводом для разработки в Государственной Думе РФ проекта закона, запрещающего гражданам России использовать в именах детей цифры, знаки препинания и различные символы, ранги, ненормативную лексику [22]. По нашему мнению, для предотвращения подобных случаев искаженной номинации не требуются специальный закон и разработка единого перечня имен для работы органам ЗАГС, достаточно грамотной нейминговой экспертизы, которая может быть проведена как в рамках гражданского судопроизводства, так и на досудебной стадии конфликта.

Нейминговая экспертиза может быть произведена также в целях выявления возможной вариативности, совпадения и несовпадения на письме, в частности при оформлении документов, личных имен. Расхождения в написании неймов-антропонимов в паспорте, документе об образовании, свидетельстве о рождении,

договорах, доверенностях и других документах влекут необходимость установления их принадлежности одному и тому же лицу, доказательственное значение при этом может иметь нейминговая экспертиза.

Активная гражданская позиция побуждает жителей города отстаивать свои права в социально-культурной сфере, сфере городской номинации, в частности право на благоприятную окружающую среду в ее антропогенном сегменте, т. е. право, гарантированное ст. 42 Конституции РФ. В результате в гражданско-правовые отношения вовлекается такой вид неймов, как урбанонимы. Наименование внутригородских объектов регулируется региональным законодательством, и методические подходы к исследованию таких объектов, как урбанонимы — коммерческие обозначения, названия коттеджных поселков, улиц, станций метрополитена и других городских объектов, пока еще находятся в стадии разработки [23].

Таким образом, можно сформулировать типовые задачи нейминговой экспертизы:

- 1) выявление степени оригинальности, уникальности, самобытности нейма;
- 2) выявление значения нейма;
- 3) выявление этимологии нейма;
- 4) выявление разрядной модели номинации;
- 5) выявление словообразовательной модели номинации;
- 6) установление соответствия нейма требованиям, предъявляемым к названиям данного типа и разряда;
- 7) установление соответствия нейма нормам современного русского языка;
- 8) установление сходства неймов до степени их смешения;
- 9) установление, является ли нейм (название, псевдоним, имя персонажа и др.) результатом индивидуального творчества;
- 10) выявление неймов, содержащих негативную оценку какой-либо социальной группы;
- 11) диагностика нейма на содержание в нем культурных ценностей;
- 12) диагностика информативности нейма (выявление ложной информации и информации, способной ввести в заблуждение);
- 13) выявление неймов, содержащих признаки оскорбления чувства верующих;
- 14) выявление неймов, противоречащих принципам гуманности и морали;
- 15) выявление неймов, противоречащих общественным интересам;
- 16) выявление неймов, содержащих информацию, причиняющую вред здоровью и (или) развитию детей, и др.

Указанные задачи не могут быть успешно решены в других видах экспертизы, так как существующие методики не учитывают специфику неймов в качестве особых речевых продуктов и особых объектов экспертизы.

Перспективы развития нейминговой экспертизы следует определить в соответствии с решением задач судебной экспертологии как методологической и технологической основы формирования новых родов и видов экспертиз [24, с. 7]. После определения предмета судебной нейминговой экспертизы и разработки классификации объектов нейминговой экспертизы [2] необходимо:

- 1) сформировать терминологический аппарат нейминговой экспертизы;
- 2) на основе типовых экспертных задач сформулировать перечни вопросов, выносимых на разрешение эксперта по разным категориям дел;
- 3) осуществить выбор методов из лингвистики и ономастики для экспертного исследования неймов;
- 4) разработать экспертные технологии нейминговой экспертизы;
- 5) разработать технологию подготовки заключения по нейминговой экспертизе;
- 6) определить экспертные компетенции для каждого вида нейминговой экспертизы;
- 7) по мере разработки методических подходов выделить виды нейминговой экспертизы.

Результаты намеченных разработок позволят обосновать юридическое закрепление нового вида судебной лингвистической экспертизы и обеспечить широкое применение нейминговой экспертизы в судебной практике, а также осуществить подготовку высококвалифицированных специалистов в области нейминговой экспертизы.

Список библиографических ссылок

1. Россинская Е. Р. Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии // Lex Russika. 2013. № 4. С. 421—428.
2. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: моногр. / под ред. Е. И. Галяшиной. М., 2016.
3. Теория судебной экспертизы: учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М., 2015.
4. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
5. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в сфере судебно-экспертной деятельности // Известия ТулГУ. Сер.: Экономические и юридические науки. 2013. Вып. 4. Ч. II: Юридические науки. С. 369—374.
6. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: моногр. Барнаул, 2009.
7. Мишланов В. А., Голованова А. В., Салимовский В. А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста: учеб. пособие. Пермь, 2011.
8. Галяшина Е. И., Соколова Т. П. Общее языкознание и современный русский язык: рабочая программа. М., 2015.
9. Галяшина Е. И., Соколова Т. П. Лингвистический анализ: рабочая программа. М., 2014.
10. ФИПС. Информационные ресурсы. Открытые реестры. URL: <http://www1.fips.ru/> (дата обращения: 07.09.2015).

11. Регистрации товарных знаков, торговых марок... // Znakoved: [сайт]. URL: <https://www.znakoved.ru> (дата обращения: 07.09.2015).
12. Финансовый словарь «Финнам». URL: <https://www.finam.ru/dictionary/diclist> (дата обращения: 07.09.2015).
13. Агеева Р. А., Соколова Т. П. О московских эргонимах // Экология языка и речи: материалы междунар. науч. конф. (17—18 ноября 2011 г.). Тамбов, 2012. С. 316—319.
14. Соколова Т. П. Нейминговая экспертиза в гражданском судопроизводстве: организационные и методические проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10. С. 22—27.
15. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
16. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: моногр. / под ред. М. В. Горбаневского. М., 2003.
17. Галяшина Е. И., Соколова Т. П. Судебное речеведение: рабочая программа. М., 2015.
18. Галяшина Е. И., Соколова Т. П. Судебная лингвистическая экспертиза: рабочая программа. М., 2015.
19. Sokolova T. Examination of Trade Marks and Company Names as the Means of Individualization in Russia. Theoretical and Methodological Approaches to the Problem // *Onoma*. 2012. Vol. 47. P. 263—279.
20. Соколова Т. П. Ошибки в нейминговой экспертизе // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2015. С. 137—147.
21. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2014.
22. Известия от 13 февраля 2015 г. URL: <http://izvestia.ru/news/583007> (дата обращения: 11.09.2015).
23. Соколова Т. П. Методические рекомендации по наименованию улиц в Москве. М., 2015.
24. Россинская Е. Р. Новые роды и виды судебных экспертиз: генезис, проблемы и перспективы // Судебная экспертиза: методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 15—16 января 2014 г.). М., 2014.

References

1. Rossinskaja E. R. Sovremennye predstavlenija o predmete i sisteme sudebnoj jekspertologii // *Lex Russika*. 2013. № 4. S. 421—428.
2. Sokolova T. P. Nejmingovaja jekspertiza: organizacija i proizvodstvo: monogr. / pod red. E. I. Galjashinoj. M., 2016.
3. Teorija sudebnoj jekspertizy: uchebnik / E. R. Rossinskaja, E. I. Galjashina, A. M. Zinin; pod red. E. R. Rossinskoj. M., 2015.
4. Galjashina E. I. Metodologicheskie osnovy sudebnogo rechevedenija: dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2003.

5. Sokolova T. P. Nejmingovaja jekspertiza v sfere sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti // Izvestija TulGU. Ser.: Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2013. Vyp. 4. Juridicheskie nauki. Ch. II. S. 369—374.
6. Brinev K. I. Teoreticheskaja lingvistika i sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza: monogr. Barnaul, 2009.
7. Mishlanov V. A., Golovanova A. V., Salimovskij V. A. Osnovy prikladnoj lingvistiki: teorija i praktika sudebnoj lingvisticheskaj jekspertizy teksta: ucheb. posobie. Perm', 2011.
8. Galjashina E. I., Sokolova T. P. Obshee jazykoznanie i sovremennyj russkij jazyk: rabochaja programma. M., 2015.
9. Galjashina E. I., Sokolova T. P. Lingvisticheskij analiz: rabochaja programma. M., 2014.
10. FIPS. Informacionnye resursy. Otkrytye reestry. URL: <http://www1.fips.ru/> (data obrashhenija: 07.09.2015).
11. Registracii tovarnyh znakov, togovykh marok... // Znakoved: [sajt]. URL: <https://www.znakoved.ru> (data obrashhenija: 07.09.2015).
12. Finansovyj slovar' «Finam». URL: <https://www.finam.ru/dictionary/diclist> (data obrashhenija: 07.09.2015).
13. Ageeva R. A., Sokolova T. P. O moskovskih jergonimah // Jekologija jazyka i rechi: materialy mezhdunar. nauch. konf. (17—18 nojabrja 2011 g.). Tambov, 2012. S. 316—319.
14. Sokolova T. P. Nejmingovaja jekspertiza v grazhdanskom sudoproizvodstve: organizacionnye i metodicheskie problemy // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2015. № 10. S. 22—27.
15. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. S. A. Kuznecova. SPb., 2000.
16. Galjashina E. I. Osnovy sudebnogo rechevedenija: monogr. / pod red. M. V. Gorbanevskogo. M., 2003.
17. Galjashina E. I., Sokolova T. P. Sudebnoe rechevedenie: rabochaja programma. M., 2015.
18. Galjashina E. I., Sokolova T. P. Sudebnaja lingvisticheskaja jekspertiza: rabochaja programma. M., 2015.
19. Sokolova T. Examination of Trade Marks and Company Names as the Means of Individualization in Russia. Theoretical and Methodological Approaches to the Problem // Onoma. 2012. Vol. 47. P. 263—279.
20. Sokolova T. P. Oshibki v nejmingovoj jekspertize // Sudebnaja jekspertiza: tipichnye oshibki / pod red. E. R. Rossinskoj. M., 2015. S. 137—147.
21. Rossinskaja E. R. Sudebnaja jekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovolnom processe. M., 2014.
22. Izvestija ot 13 fevralja 2015 g. URL: <http://izvestia.ru/news/583007> (data obrashhenija: 11.09.2015).
23. Sokolova T. P. Metodicheskie rekomendacii po naimenovaniju ulic v Moskve. M., 2015.

24. Rossinskaja E. R. Novye rody i vidy sudebnyh jekspertiz: genezis, problemy i perspektivy // Sudebnaja jekspertiza: metodologicheskie, pravovye i organizacionnye problemy novyh rodov (vidov) sudebnyh jekspertiz: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 15—16 janvarja 2014 g.). M., 2014.

© Соколова Т. П., 2016

* * *

П. М. Кошманов,

доцент кафедры исследования документов
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент;

М. П. Кошманов,

кандидат юридических наук, доцент;

В. Ю. Батулин,

доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности
Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук;

Н. А. Вилкова,

доцент кафедры теории финансов, кредита и налогообложения
Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук

ТИПЫ СОВРЕМЕННЫХ ПОДПИСЕЙ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН КАК КРИТЕРИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ОРИГИНАЛЬНОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО СТРОЕНИЯ

Подпись является одним из наиболее часто исследуемых и сложных объектов судебно-почерковедческой экспертизы. По этой причине особенностям ее экспертного исследования посвящено большое число научных и методических работ. Однако до настоящего времени в криминалистической литературе отсутствуют сведения о наиболее распространенных, традиционных типах современных подписей российских граждан и степени оригинальности их конструктивного строения. Для устранения этого пробела авторами статьи осуществлено широкомасштабное экспериментальное исследование подписей (более 9 000), в процессе которого весь экспериментальный массив был дифференцирован на 3 группы по особенностям транскрипции. В каждой из этих групп по конструктивному строению были выделены наиболее « типовые » (традиционные, привычные) подписи и определена в процентном соотношении частота их встречаемости в общем объеме экспериментального материала. Кроме того, в статье приводится описание перечня наиболее характерных особенностей, присущих типовым подписям с иллюстраций выполнения каждой из них. Параллельно этому процессу в ходе изучения типовых подписей авторы определили и степень оригинальности их конструктивного строения. Результаты проведенного экспериментального исследования позволили получить объективную информацию для экспертов-почерковедов: о распространении каждого из описанных типов подписей; степени

оригинальности конструктивного строения, идентификационной информативности изученных типов подписей. Дополнительно к этому по результатам экспериментального исследования авторами статьи высказаны предложения по способам усиления удостоверительной и защитной функций подписи как реквизита документа.

Ключевые слова: современная подпись, оригинальность конструктивного строения, типовые характеристики подписи, экспериментальный массив, информативность подписи, реквизит подписи.

P. M. Koshmanov,

Associate Professor, Chair of Document Examination,
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia,
Candidate of Science (Law), Associate Professor;

M. P. Koshmanov,

Candidate of Science (Law), Associate Professor;

V. Y. Baturin,

Associate professor of the Department of Operative-Search Activity,
the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Science (Law);

N. A. Vilkova,

Associate Professor,
Chair of Theory of Finance, Credit and Taxation,
Volgograd State University, Candidate of Science (Law),

**TYPES OF RUSSIAN CITIZENS' MODERN SIGNATURES
AS CRITERIA OF DETERMINING THE EXTENT
OF CONSTRUCTIONAL STRUCTURE ORIGINALITY**

A signature is one of the most frequently examined and complicated objects of forensic handwriting examination. This is why a lot of scientific and methodological works are devoted to peculiarities of its expert examination. However, in forensic literature there are still no data about the most widespread traditional types of Russian citizens' modern signatures and the extent of their constructional structure originality. To fill a want the authors of the article conducted broad-scale experimental research of signatures (more than 9,000). In the course of it all the experimental material was differentiated into 3 groups according to their transcription. In each of these groups the authors distinguished the most «typical» (traditional, conventional) signatures according to their constructional structure and determined their frequency in the whole amount of experimental material in percentage correlation. Besides, the article contains the description of a list of the most characteristic features of typical signatures accompanied by corresponding illustrations. Along with this process, while examining typical signatures the authors managed to determine the extent of their constructional structure originality. The results of the conducted experimental research allowed

obtaining objective information for handwriting experts: about the frequency of each of the described types of signatures; the extent of their constructional structure originality; identification informativeness of the examined types of signatures. In addition to this, as a result of the experimental research the authors set forward proposals that would help significantly enhance protecting and identifying functions of a signature as a document attribute.

Keywords: modern signature, constructional structure originality, characteristic features of a signature, experimental material, informativeness of a signature, signature attribute.

***

Исторически появление подписи в документах в качестве самостоятельного их реквизита преследовало две основные цели: во-первых, более убедительно удостоверить сведения, содержащиеся в документе; во-вторых, значительно усилить защиту документов от подделки [1, с. 43, 44]. Реализация указанных функций в полном объеме возможна лишь в том случае, если каждый субъект, выполняющий свою подпись, будет придавать ее графическому начертанию значительную степень оригинальности. Только при соблюдении данного условия личная подпись становится «единичным» по числу подобных ей реквизитов документов удостоверительно-идентификационным знаком конкретного человека [2, с. 680].

В толковых словарях русского языка встречается много очень близких определений термина «оригинальность»: своеобразный, необычный [3, с. 450]; особенный, своеобразный, необычный, странный [4, с. 1025]; не похожий на других [5, с. 639]; своеобразный, странный [6, с. 429]; своеобразный, незаурядный, странный [7, с. 575]. На наш взгляд, содержание понятия «оригинальность конструктивного строения» подписи не ограничивается приведенными выше толкованиями самого термина, а подразумевает целый комплекс специфических структурных элементов, которые системно уточняют, углубляют и расширяют данное понятие. Детальный анализ каждого из его структурных элементов предоставил авторам возможность сформулировать следующее его определение: оригинальность конструктивного строения подписи — *это специфическое (необычное, своеобразное) ее графическое начертание (изображение), которое не повторяется в подписях других лиц, легко и надолго запоминается, позволяет однозначно отождествить его автора-исполнителя, а также в полном объеме способствует реализации в нем как удостоверительной, так и защитной функции подписи в качестве полноценного реквизита официального документа.*

Достоверное оценочное суждение о необычности (своеобразии) конструкции конкретной подписи может быть сделано лишь в том случае, если будут применены критерии, позволяющие однозначно и оперативно определиться с ее наличием (либо отсутствием) в изучаемом почерковом реквизите документа.

Для исследования буквенно-цифровых записей такие критерии достаточно четко определены для общих и частных признаков почерка. Для общих признаков почерка ими являются общие правила письма, а для частных — нормы прописи,

т. е. нормативы выполнения и соединения элементов в буквах и в цифрах, а также характерные способы соединения букв между собой в русском алфавите. Необычность (своеобразие) почерка, которым выполнена рукопись, может проявляться в виде отклонений от общих правил письма в целом ряде общих признаков, однако наиболее «ярко» это своеобразие находит свое выражение в таком общем признаке, как «строение почерка». Значительные отклонения от прописных конструкций письменных знаков приводят к тому, что вся система движений в такой рукописи приобретает своеобразие («редковстречаемость») вследствие упрощения либо усложнения букв (цифр) или их отдельных элементов. Чем существеннее разница, отличие, т. е. отступление от общих правил рукописного письма, тем большую необычность (оригинальное своеобразие) приобретает система движений, которыми выполнялась рукопись (рис. 1).

а)
 Углубил почерк...
 (Углубил почерк...)
 ...
 ...

б)
 Борща...
 ...
 ...

Рис. 1. Почерки, имеющие различную степень сложности движений:

а) упрощенную; б) усложненную

Частные признаки почерка являются детализацией его общих признаков, а их необычность (своеобразие) — это следствие существенного отклонения от норм прописей. На их наличие в рукописях издавна обращалось внимание

в криминалистической литературе, где они и получили условное наименование — «броские» признаки почерка (рис. 2).

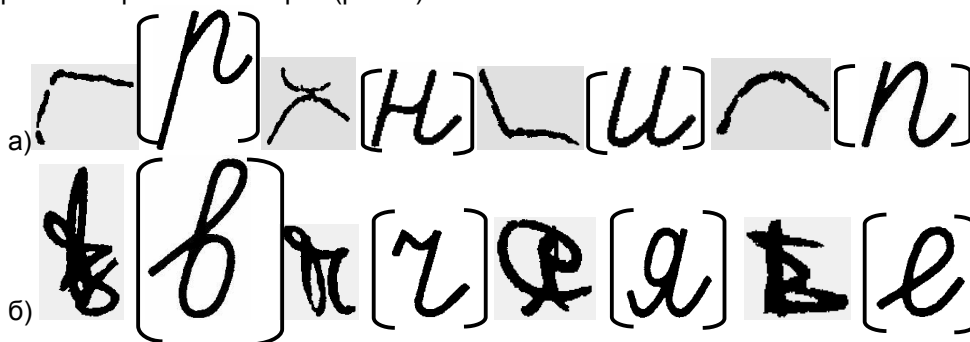

Рис. 2. Необычные («броские») частные признаки почерка в рукописях, проиллюстрированных выше: а) упрощенного строения; б) усложненного строения

По сравнению с почерками, которыми выполняются буквенно-цифровые записи, для подписи не предусмотрены стандарты (нормы, требования), которыми мог бы руководствоваться ее автор-исполнитель при создании личного удостоверительного знака. Поскольку данный процесс совершенно не регламентирован, то его результат может зависеть как от степени творческого отношения «владельца» подписи к ее графической конструкции, так и от понимания им важности для официальных документов данного обязательного их реквизита. Указанные обстоятельства заставили авторов статьи выбрать иные критерии, нежели те, что были давно выработаны в судебном почерковедении и по которым можно было бы достаточно легко и однозначно определиться с наличием либо отсутствием оригинальности в конструкции любой подписи, выполненной российским гражданином.

По нашему мнению, в качестве такого рода критериев могут быть использованы конструкции широко распространенных в нашей стране обычных, традиционных, современных подписей. Системная градация их типов была осуществлена авторами в процессе анализа более 9 000 подписей, экспериментально полученных у российских граждан. При этом за основу оценочной «нормы подписи» (т. е. за отправные модели) были приняты два общих признака подписного почерка: 1) транскрипция подписи и 2) степень сложности ее конструкции. Данные признаки позволили авторам не только четко дифференцировать все экспериментальные подписи на три группы, но и выделить в каждой из этих групп по конструктивному строению наиболее типичные (традиционные, привычные) и наиболее распространенные в экспертной практике подписи. Детальное описание конструктивного строения подписей каждой группы и их иллюстрирование приводятся в настоящей статье.

Для подписей, имеющих буквенную транскрипцию и усложненное конструктивное строение, наиболее характерными (типовыми) являются следующие особенности их выполнения (рис. 3а):

— чаще всего полное написание букв фамилии (реже — оно незавершенное), а иногда дополнительно добавляется имя или отчество исполнителя;

— наличие в подавляющем большинстве подписей монограммы, состоящей из всех трех прописных первых букв фамилии, имени и отчества либо образованной лишь двумя прописными буквами из инициалов «владельца» подписи;

— присутствие росчерков усложненного строения в некоторых подписях;

— значительное увеличение размеров подписи как по горизонтали (чаще всего встречается), так и по вертикали (по высоте);

— наличие в подавляющем большинстве подписей дополнительных безбуквенных штрихов различной формы и размеров, а также нескольких точек, расположенных чаще всего сразу за подписью, а реже — по всей площади расположения подписи.

Количество описанных подписей в экспериментальном материале составило около 3 %. В рассмотренную группу нами не были включены подписи, конструкция которых представляет собой буквенное «слово-фамилию». По нашему мнению, такого рода малообъемные рукописные записи не являются подписями, поскольку не представляют собой индивидуального построения личного знака — графического изображения, выполняемого конкретным человеком. Вместе с тем в специальной литературе высказана и иная точка зрения, авторы которой считают, что во избежание подделок необходимо перейти на выполнение всех подписей только в виде «слова-фамилии» [8, с. 66]. Если же реализовать предложенную идею, то подпись как один из важнейших реквизитов документов перестанет существовать. Количество таких, условно говоря, подписей в объеме нашего экспериментального массива составило всего лишь 1,5 %.

Подписи, имеющие буквенную транскрипцию и простое конструктивное строение, обладают следующими типовыми характеристиками (рис. 3б):

— выполнение фамилии в них чаще всего не завершенное, гораздо реже — полное по буквенному составу фамилии;

— монограммы в этих подписях присутствуют редко: обычно подпись начинается с расположенных друг за другом двух прописных первых букв фамилии и имени либо только с одной первой прописной буквы фамилии «владельца» подписи;

— в росчерках подписей преобладает простая конструкция;

— дополнительные штрихи, как правило, прямолинейной формы, располагаются чаще всего за подписью; точки также могут присутствовать в подписи, но они обычно «отделяют» друг от друга первые прописные буквы инициалов «автора» подписи, с которых она и начинается;

— размерные характеристики в данных подписях обычно не превышают средней величины этого реквизита документов.

В объеме нашего экспериментального материала количество подписей с буквенной транскрипцией и простым конструктивным строением составило 18 %.

В подписях буквенной транскрипции, имеющих упрощенное конструктивное строение, присутствуют следующие характерные типовые особенности (рис. 3в):

- сокращенный буквенный вариант выполнения фамилии: в состав подписи могут входить всего несколько букв (от 2 до 4) либо лишь одна из букв фамилии;
  - отсутствие монограммы в подписях или если она присутствует, то включает в себя не более двух букв, составляющих всю конструкцию подписи;
  - наличие росчерков лишь в отдельных подписях простого, а чаще — упрощенного строения;
  - уменьшенный размер подписи как по вертикали (высота), так и по горизонтали (длина);
  - присутствие лишь в некоторых подписях данной группы дополнительных штрихов прямолинейной формы, чаще всего одного штриха.
- Среди экспериментально отобранных нами подписей такой тип составил 20 %.

Рис. 3. Подписи буквенной транскрипции, конструктивное строение которых:
а) усложненное; б) простое; в) упрощенное

Для подписей смешанной транскрипции, имеющих усложненное конструктивное строение, характерны следующие специфические (типовые) особенности (признаки):

- наличие в подавляющем большинстве подписей монограммы либо последовательного выполнения чаще всего первых прописных двух букв из фамилии и имени, а иногда отчества;
- присутствие, как правило, в начале средней части подписи одной либо нескольких начальных строчных букв из фамилии автора подписи;

— наличие в средней части подписи безбуквенных штрихов, выполняемых разными по форме и направлению движениями: количество их в подписях может быть от 1 до 10, а иногда и более, причем в некоторых подписях один либо несколько безбуквенных штрихов имеют размерные характеристики, отличающиеся от размеров основной части безбуквенных штрихов;

— часть подписей данной группы заканчивается росчерками сверхусложненного строения;

— в большинстве подписей присутствует несколько дополнительных штрихов различной формы и размеров, а также точки, расположенные в различных частях подписи (рис. 4а).

Количество таких подписей среди экспериментального материала составило около 5 %.

В подписях смешанной транскрипции, имеющих простое конструктивное строение, распространены следующие типовые характеристики их выполнения:

— монограмма присутствует не во всех подписях: чаще всего подпись начинается с прописной первой буквы фамилии автора подписи, а иногда к ней добавляется прописная первая буква имени или отчества;

— в начале средней части подписи могут присутствовать одна строчная буква либо первые 2—3 строчные буквы из фамилии автора подписи;

— безбуквенные штрихи выполняются разными по форме, направлению и размерам движениями: количество их чаще всего варьируется от 2 до 5, но не превышает, как правило, десяти штрихов;

— присутствующие в подписях данной группы росчерки чаще всего имеют простое либо упрощенное строение;

— дополнительные штрихи в подписях выполняются прямолинейными по форме движениями и располагаются сразу за подписью; точки как дополнительные элементы состава подписи встречаются в этих подписях очень редко (рис. 4б).

Среди нашего экспериментального массива такой тип подписей составил около 10 %.

Наиболее распространенными типовыми признаками подписей смешанной транскрипции и с упрощенным конструктивным строением являются следующие:

— отсутствие монограммы в большинстве подписей, а присутствующая в отдельных подписях монограмма чаще всего заменяет собой всю конструкцию данной подписи;

— отсутствие во многих подписях их средней части, однако в некоторых подписях, имеющих среднюю часть, она все-таки включает в себя некоторые буквы из фамилии (от 1 до 3) либо безбуквенные штрихи в ограниченном количестве, которые выполнены однотипными по форме и направлению движениями (например прямолинейно-дугowymi, левоокружными);

— росчерки в этой группе подписей могут в одинаковой мере как присутствовать, так и отсутствовать; строение же присутствующих в таких подписях росчерков чаще всего простое;

— дополнительные безбуквенные штрихи в подписях данного типа встречаются редко, а их количество обычно ограничивается 1—2 штрихами; точки в конструкциях подписей этой группы встречаются крайне редко (рис. 4в).

В массиве экспериментально отобранных подписей такой тип подписей составил 12 %.

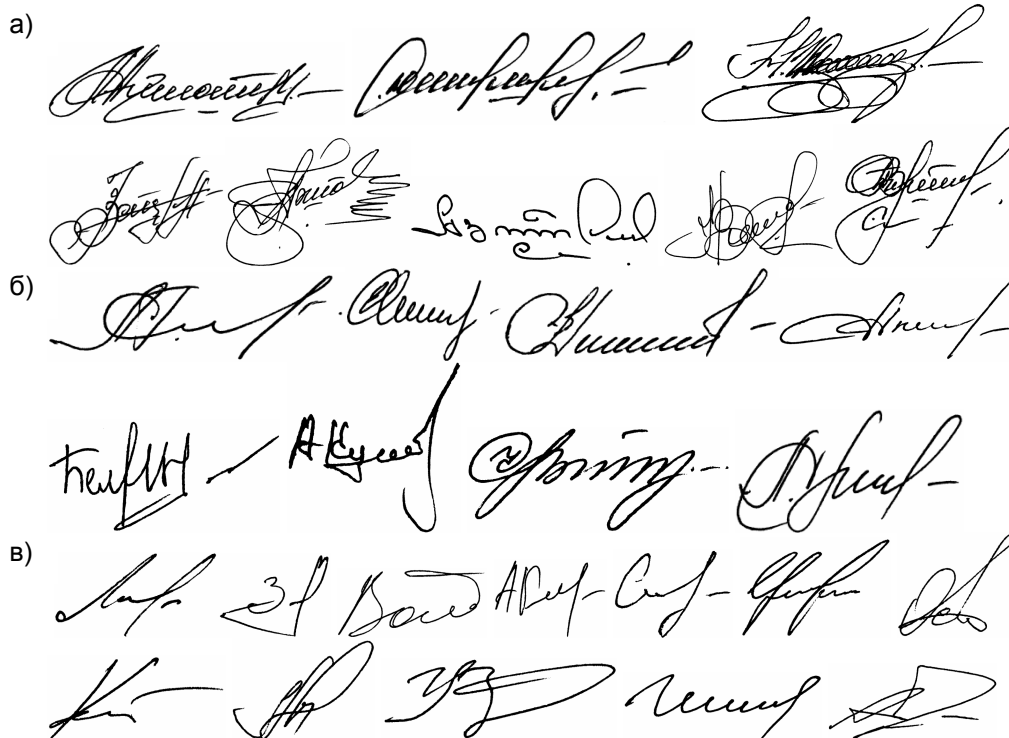

Рис. 4. Подписи смешанной транскрипции, конструктивное строение которых: а) усложненное; б) простое; в) упрощенное

Для подписей, имеющих безбуквенную транскрипцию и усложненное конструктивное строение, наиболее характерными типовыми особенностями являются:

- увеличенные размеры подписи по вертикали либо по горизонтали, а иногда — в обоих направлениях одновременно;
- наличие в подписях всех основных их частей [9, с. 78], причем средняя часть, как правило, выполняется однотипными, циклическими движениями, чаще всего имеющими петлевую форму;
- наличие большого числа пересекающихся штрихов: чаще всего в начальной части подписей;
- различные по форме и направлению движения, которыми выполнены эти пересекающиеся штрихи;
- наличие в большинстве подписей росчерков простого или усложненного конструктивного строения;

— присутствие во многих подписях дополнительных штрихов разнообразной формы и протяженности, а также точек, расположенных в различных частях подписей: над ними, под ними, а также после окончания этих подписей (рис. 5а).

Количество данных подписей составило около 5,5 %.

В подписях безбуквенной транскрипции и простого конструктивного строения имеют место следующие типовые особенности:

— размерные характеристики в основном преобладают средние, за исключением начальных частей подписей и их росчерков;

— средняя часть в подписях хотя и присутствует, однако ее протяженность по горизонтали незначительна, а присутствующие в ней безбуквенные штрихи могут быть выполнены как разнообразными по форме и направлению движениями, так и однотипными, циклическими, т. е. повторяющимися;

— росчерки в подписях этой категории чаще всего имеют простое конструктивное строение;

— дополнительные штрихи в подписях встречаются довольно редко, при этом они часто бывают выполнены прямолинейными по форме движениями малой протяженности (рис. 5б).

В объеме экспериментального материала количество таких подписей оказалось равным 10 %.

Для подписей безбуквенной транскрипции, имеющих упрощенное конструктивное строение, характерны следующие типовые признаки:

— недостаточная выраженность либо полное отсутствие основных характерных частей в подписях;

— ограниченное число безбуквенных штрихов в составе большинства подписей;

— наличие разнообразных геометрических конструкций, порой состоящих из незначительного числа простейших по строению штрихов;

— форма и направление движений при выполнении безбуквенных штрихов, составляющих части подписей, могут быть самыми разнообразными, а в отдельных случаях еще и устойчиво повторяющимися;

— дополнительные штрихи и точки встречаются в ограниченном количестве подписей данной группы;

— протяженности подписей по вертикали и по горизонтали могут сильно варьировать: от малой до большой (рис. 5в).

Такой тип подписей среди экспериментального массива составил 15 %.

а)

Рис. 5. Подписи безбуквенной транскрипции, конструктивное строение которых:
а) усложненное; б) простое; в) упрощенное

Результаты проведенного авторами экспериментального исследования современных подписей позволили получить новую полезную для экспертов-почерковедов информацию:

1. Объективные сведения о степени распространенности каждого из описанных в статье типов современных подписей российских граждан. Статистика свидетельствует, что у российских граждан преобладают « типовые » подписи упрощенного строения (57 %), которые при этом могут присутствовать в любом из 3 видов существующих транскрипций.

2. Подавляющее большинство современных исследуемых подписей, как оказалось, не отличается оригинальностью конструктивного строения, и к тому же многие из них малоинформативны [10, с. 100], т. е. не содержат комплекса признаков, достаточных для решения идентификационного вопроса об их исполнителе. Все это подтверждает результаты ранее проведенных авторами экспериментальных исследований, согласно которым 29 % современных подписей россиян не пригодны для экспертного установления тождества их исполнителей [11, с. 18].

3. Полученные нами данные информируют экспертов-почерковедов о степени распространенности типов и видов современных подписей российских граждан, а также позволяют сориентировать их на основе транскрипции и оригинальности конструктивного строения исследуемых на практике подписей на определенные экспертные выводы.

4. Исходя из довольно значительной распространенности « типовых » подписей, имеющих простое либо упрощенное конструктивное строение, при отсутствии оригинальности их графического изображения со всей остротой встает вопрос о необходимости обучения в средней школе (5—8 класс) основам конструирования личной подписи. Дополнительно к этому необходимо проводить разъяснительные

мероприятия среди населения России о роли и значении личной подписи как реквизита в документах. О необходимости и важности такого вида деятельности авторы неоднократно писали ранее в своих статьях [12, с. 141].

5. Представленные в статье иллюстрации наиболее распространенных «типовых» конструкций подписей российских граждан, обладающих высокой степенью оригинальности конструктивного строения, могут служить основой для всех желающих, кто захочет сделать конструкцию своей подписи более оригинальной и тем самым повысить уровень ее идентификационной информативности в качестве обязательного для подавляющего большинства документов, важнейшего реквизита.

Список библиографических ссылок

1. Кошманов П. М., Кошманов М. П., Шнайдер А. А. Удостоверительная и защитная функции подписи // Нотариус. 2010. № 3. С. 40—46.
2. Кошманов П. М., Кошманов М. П. Подпись как обязательный реквизит документов: понятие и перечень требований, предъявляемых к ней // Инновации в образовательной деятельности и их влияние на развитие: материалы междунар. науч.-практ. конф. Саранск, 2012. С. 677—680.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1994.
4. Словарь современного русского литературного языка. М., 1959. Т. 8.
5. Словарь русского языка. 2-е изд. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1982. Т. 2.
6. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.
8. Пикуров Н. И., Букалерова Л. А. Подлог и другие преступные посягательства на официальный документооборот. Волгоград, 2001.
9. Кошманов П. М., Кошманов М. П., Вилкова Н. А. Конструктивное строение современных подписей: своеобразие выполнения, идентификационная информативность основных частей и составных элементов // Судебная экспертиза. 2012. № 2. С. 77—87.
10. Кошманов П. М., Кошманов М. П., Вилкова Н. А. Дифференциация современных подписей по степени их идентификационной информативности // Судебная экспертиза. 2014. № 3. С. 95—108.
11. Кошманов П. М., Кошманов М. П., Шнайдер А. А. Идентификационная информативность подписи — основа отождествления ее исполнителя // Эксперт-криминалист 2009. № 1. С. 15—20.
12. Кошманов П. М., Кошманов М. П. Экспертно-криминалистическое исследование современных подписей. Волгоград, 2013.

References

1. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P., Shnajder A. A. Udostoveritel'naja i zashhitnaja funkcii podpisi // Notarius. 2010. № 3. S. 40—46.
2. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P. Podpis' kak objazatel'nyj rekvizit dokumentov: ponjatie i perechen' trebovanij, predjavljaemyh k nej // Innovacii v obrazovatel'noj dejatel'nosti i ih vlijanie na razvitie: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saransk, 2012. S. 677—680.
3. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. N. Ju. Shvedovoj. M., 1994.
4. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. M., 1959. T. 8.
5. Slovar' russkogo jazyka. 2-e izd. / pod red. A. P. Evgen'evoj. M., 1982. T. 2.
6. Sovremennyy slovar' inostrannyh slov. SPb., 1994.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka / pod red. D. N. Ushakova. M., 2004.
8. Pikurov N. I., Bukalerova L. A. Podlog i drugie prestupnye posjagatel'stva na oficial'nyj dokumentooborot. Volgograd, 2001.
9. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P., Vilkova N. A. Konstruktivnoe stroenie sovremennyh podpisej: svoeobrazie vypolnenija, identifikacionnaja informativnost' osnovnyh chastej i sostavnyh jelementov // Sudebnaja jekspertiza. 2012. № 2. S. 77—87.
10. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P., Vilkova N. A. Differenciacija sovremennyh podpisej po stepeni ih identifikacionnoj informativnosti // Sudebnaja jekspertiza. 2014. № 3. S. 95—108.
11. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P., Shnajder A. A. Identifikacionnaja informativnost' podpisi — osnova otozhdestvlenija ee ispolnitelja // Jekspert-kriminalist 2009. № 1. S. 15—20.
12. Koshmanov P. M., Koshmanov M. P. Jekspertno-kriminalisticheskoe issledovanie sovremennyh podpisej. Volgograd, 2013.

© Кошманов П. М., Кошманов М. П., Батурич В. Ю.,
Вилкова Н. А., 2016

***

Е. А. Чубина,

доцент кафедры судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук, доцент

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье обосновывается выделение судебной лингвистической экспертизы рекламного текста как вида судебной лингвистической экспертизы. Автор раскрывает понятие, предмет этого вида экспертиз, определяет специфику ее объекта —

рекламного текста как креолизованного (поликодового) текста. Исследован комплекс специальных знаний, необходимых для проведения этого вида экспертиз. Описаны характерные только для судебной лингвистической экспертизы рекламного текста диагностические задачи: установление признаков рекламного текста, диагностика признаков маскировки рекламного текста, диагностика признаков недостоверных высказываний в рекламе, диагностика признаков недобросовестного сравнения в рекламном тексте. Уделено внимание дискуссионным вопросам, в том числе корреляции признаков, которые выделяет законодатель, с признаками, которые выделяют лингвисты, проводя исследование рекламного текста. Часто совокупность содержательных признаков лингвистами выделяется субъективно, а в качестве доказательства нерекламного характера текста презюмируется отсутствие в нем выразительных средств. Указано на недопустимость подмены собственно фактических данных их интерпретацией или оценкой в процессе решения диагностических задач. В статье даны конкретные методические советы, в частности учет зависимости степени эксплицитности утверждения от используемой рекламной стратегии при исследовании недостоверной рекламы. Сделан вывод о необходимости решения диагностических задач на единых теоретических и методических основах.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, специальные знания, рекламный текст, недостоверная реклама, недобросовестное сравнение в рекламе, признаки рекламы, маскировка рекламной информации, диагностические задачи.

E. A. Chubina,

Associate Professor of the Chair of Forensic Examination
of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL),
Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor

FORENSIC EXAMINATION OF LANGUAGE OF ADVERTISING: CURRENT STATUS AND PROSPECTS

The article is devoted to the analysis of the modern state, the identification of production problems and prospects of development of the judicial linguistic study of advertising. Development of national market economy has boosted the growth of advertising as an independent branch. But the amount of advertising does not indicate its quality. In modern information society word has become both instrument and subject to criminal offence. The author describes a subject of this type of examinations, defines specifics of object: advertizing — the polycode text. Sometimes court fails to identify facts with evidential significance for the case without calling in professionals with special qualifications. But even given all the obviousness of this process arise particular problems and this article deals with the analysis of some of them. The author described the specific objectives of this type of examination, spoke about inadmissibility of subjective interpretation of texts in examination. The conclusion about

the need for a unified scientific methodological base of linguistic examinations of advertising texts.

Keywords: forensic linguistic expertise, special qualifications, advertising text, inaccurate advertising, advertising signs, masking of an advertisement, diagnostic tasks

***

В русле разработанной научной школой профессора Е. Р. Россинской концепции судебной экспертологии [1], а также с учетом основ судебного речеведения [2] — раздела прикладной лингвистики, посвященного изучению речевой деятельности и ее результатов в целях решения задач судебной экспертизы устных и письменных произведений речи, — в качестве вида судебной лингвистической экспертизы можно обосновать судебную лингвистическую экспертизу рекламного текста (далее — СЛЭРТ), под которой понимается процессуально регламентированное лингвистическое исследование рекламного текста как поликодового (креолизованного) текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний.

В качестве объекта данного вида экспертизы мы видим рекламный текст как поликодовый (креолизованный) текст особой функционально-коммуникативной направленности. Поликодовым (креолизованным) этот текст является потому, что его фактура состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам. Взаимодействие вербального и невербального (в том числе изобразительного) компонентов строится по-разному: могут использоваться приемы усиления, противопоставления, монтажа, но это всегда взаимодействие внутри целого.

Такое понимание объекта СЛЭРТ коррелирует с тем, как законодатель определяет рекламу. В пункте 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» (далее — ФЗ «О рекламе») реклама определена как «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [3]. Ключевое понятие — информация, которое в свою очередь определяется как «сведения, воспринимаемые человеком и (или) специальными устройствами как отражение фактов материального или духовного мира в процессе коммуникации» [4]. Информация как сведения, которые передаются от одного к другому (в терминологии теории речевых актов от адресанта — к адресату), кодируется и декодируется с использованием различных кодов, при этом языковой код — основополагающий, но не единственный.

Определяя предмет судебной лингвистической экспертизы рекламного текста, под которым понимается установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний, научная школа реализует компетентностный подход, в рамках

которого специальные знания понимаются как триада *знания — умения — навыки*, которые приобретаются годами учебы и практической деятельности.

Если говорить непосредственно о комплексе специальных знаний, необходимых для исследования рекламы как поликодового (креолизованного) текста, то это, во-первых, знания в области судебного речеведения, которое, как справедливо отмечает Е. И. Галяшина [5], является научной базой судебно-экспертного исследования продуктов речевой деятельности человека в судопроизводстве, во-вторых, собственно лингвистические знания.

Возможность исследования креолизованного (поликодового) текста лингвистами доказана в науке. Еще российский языковед А. А. Реформатский считал, что изображение как особый структурный момент высказывания принадлежит ведению лингвиста. Эта точка зрения разделяется и другими исследователями. Но для изучения рекламного текста вышеперечисленных знаний недостаточно, необходимы также знания закономерностей построения рекламного дискурса, рекламных стратегий и тактик, по-разному реализующихся в речи, знание понятийного аппарата рекламы как одной из областей массовых коммуникаций. К сожалению, недостаточное владение исследователем терминологией предметной области нередко обнаруживает себя в текстах заключений, а также в научных работах, посвященных проблемам экспертизы рекламы.

Конечно, базовыми являются специальные знания в области судебной экспертологии. Без них сложно правильно применить предметные знания для решения экспертных задач, высок риск выхода эксперта за пределы своей компетенции.

Мы не ставим перед собой задачу перечислить и описать все области научного знания, которые могут быть востребованы при проведении СПЭРТ: реклама развивается, появляются ее новые формы (баннерная реклама, контекстная реклама), которые, без сомнения, требуют для своего анализа специальных знаний в области компьютерно-технических средств, программных средств и иных. Все эти процессы объясняются базовыми закономерностями судебной экспертологии: «...интеграция и дифференциация научного знания обуславливают возможность использования в доказывании все новых и новых достижений современной науки» [6, с. 83].

Судебная лингвистическая экспертиза рекламного текста решает ряд диагностических задач, и лишь немногие из них — традиционные для судебной лингвистической экспертизы:

- установление смыслового содержания спорного текста;
- установление композиционной или лексико-грамматической формы выражения, присущей спорному тексту;
- разъяснение допущенных в тексте нарушений норм современного русского языка.

Гораздо чаще эксперту приходится решать специфические задачи, характерные только для этого вида экспертизы:

- установление признаков рекламного текста;
- диагностика признаков маскировки рекламного текста;

- диагностика признаков недостоверных высказываний в рекламе;
- диагностика признаков недобросовестного сравнения в рекламном тексте.

Рассмотрим некоторые из них подробнее.

Одной из актуальных на сегодня задач является установление признаков рекламного текста. Это объяснимо: законодатель в качестве общих требований к рекламе устанавливает необходимость распознаваемости рекламы, отделение ее от иной информации (справочной, аналитической и прочей). В связи с этим важно, следуя за законодателем, выявить совокупность признаков, позволяющих определить информацию как рекламную, а затем найти лингвистические корреляты этих признаков.

1. Рекламной является информация независимо от формы, способа и средств ее распространения. Так, например, по форме выражения рекламная информация может быть представлена в самых разных и неограниченных вариациях, которые позволяют потребителям ознакомиться с ней: графические, фото-, аудио- и видео-изображения, текст и другие формы и комбинации форм.

2. Реклама — информация, которая должна быть распространена, обнародована. Без распространения не может быть речи о рекламе.

3. Реклама — информация, адресованная неопределенному кругу лиц. В письме ФАС России от 5 апреля 2007 г. № АЦ/4624 указано, что под неопределенным кругом лиц понимаются те лица, которые не могут быть заранее определены в качестве получателя рекламной информации и конкретной стороны правоотношения, возникающего по поводу реализации объекта рекламирования.

В действительности любая реклама разрабатывается для определенной целевой аудитории (это закон рекламной деятельности), но получателем этой рекламы (приемником информации) становится неопределенный круг лиц. Противоречия здесь нет, но спорные ситуации возникают.

Так, в Арбитражный суд Нижегородской области обратилось ОАО «Ростелеком» с заявлением о признании незаконными и отмене постановления о назначении административного наказания по делу об административном правонарушении № 1320-ФАС52-07/13 от 24.12.2013, вынесенного УФАС по Нижегородской области. В обоснование заявленного требования общество ссылалось на отсутствие в его действиях состава вмененного административного правонарушения. По мнению заявителя, поступившее абоненту СМС-сообщение не является рекламой, поскольку оно не было адресовано неопределенному кругу лиц и содержало информацию о программе «Золотая лихорадка», предоставляющей бонусы уже существующим абонентам общества. В СМС-сообщениях был использован текст: «Для самых ценных абонентов — программа лояльности «Золотая лихорадка». Вы среди их числа! Регистрируйтесь в личном кабинете, выиграйте главный приз — путевку на Олимпиаду в Сочи. Подробности на сайте <http://gold.volga.rt.ru>. Действуй прямо сейчас, заходи на сайт программы «Золотая лихорадка!»» [7].

Однако суд признал указанные сообщения рекламой, так как тексты адресованы неопределенному кругу лиц (в них отсутствует какое-либо прямое указание

на конкретное лицо — адресата) и направлены на привлечение внимания к объекту рекламирования — ОАО «Ростелеком».

4. Реклама — информация, цель которой — привлечь внимание, интерес целевой аудитории к объекту рекламирования.

По смыслу ч. 1 ст. 455, ч. 3 ст. 467 ГК РФ товар обладает таким свойством, как определенность. Товар можно выделить из группы однородных. Следовательно, реклама — информация о товаре или услуге, которые можно выявить, распознать среди группы однородных товаров или услуг.

Таким образом, для российского правоприменителя в вопросе отнесения информации к числу рекламной важными являются признаки: факт распространения информации (независимо от формы, способа и средств ее распространения), содержательные аспекты этой информации, ее адресованность неопределенному кругу лиц, ее целевая направленность — привлечь внимание, интерес к объекту рекламирования (товару, услуге и пр.), который обязательно выявляется, распознается потребителем среди группы однородных объектов. Коммерческая ценность информации для российского правоприменителя не является релевантным признаком, хотя международный опыт (и подход практиков рекламы) свидетельствует об обратном.

Конечно, для решения вопроса о наличии/отсутствии факта распространения информации специальных лингвистических знаний не требуется. Однако решение вопросов, связанных с содержательными аспектами информации, выявлением предмета речи, функционально-коммуникативной направленностью текста, требует специальных лингвистических знаний. Не любое упоминание объекта будет носить рекламный характер. Рекламной является лишь информация, специально направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования. Для квалификации информации как рекламной существенным является то, что именно это привлечение внимания и составляет основное предназначение данной информации.

Спорным остается вопрос о соотношении признаков, которые выделяет законодатель, с признаками, которые выделяет эксперт, проводя судебную лингвистическую экспертизу рекламного текста.

Приведем пример: стоматологическая клиника «Пародонт» разместила около входной двери конструкцию с текстом следующего содержания: *«Пародонт. Стоматологическая клиника. Лечение зубов и болезней пародонта, удаление, реставрация, протезирование, специальное обследование»*. Размещенную информацию УФАС квалифицировало как рекламную. По ходатайству рекламодателя было назначено проведение лингвистической экспертизы, перед экспертом был поставлен вопрос: является ли текст, представленный на конструкции, размещенной у входа с левой стороны в стоматологическую клинику «Пародонт» по адресу: г. Барнаул, ул. Молодежная, 12, рекламным?

Как следует из текста решения Арбитражного суда Алтайского края [8], эксперт проанализировал содержательные компоненты текста и установил, что «он не может быть идентифицирован как рекламный». В качестве признаков, по которым эксперт идентифицировал текст (в строгом смысле термин «идентификация» здесь

не может быть употреблен), значились следующие: 1) объект рекламирования, реализуемый через знаки идентификации, изображение (иконические знаки, фотографии и т. п.); 2) субъект-рекламодаватель, представленный через логотип и коммерческое имя, слоган, реквизиты, персонаж, речевые формулы похвалы товару и производителю; 3) субъект-рекламополучатель — целевая аудитория, потребитель, на которого ориентированы обращение, комплименты и благодарность; 4) уникальное торговое предложение — то, что должно привлечь внимание потребителя — часто реализуемое через рекламный заголовок; 5) аргументация, направленная на достижение результата, рациональные аргументы, реализованные в основном тексте; 6) мотивация — эмоциональные аргументы.

На наш взгляд, выделение именно такой совокупности содержательных признаков субъективно, не учитывает законов построения рекламных текстов: так, эмоциональные аргументы являются не обязательными, а факультативными, используются преимущественно в рекламе проекционного типа; рациональные аргументы также не являются обязательными, используются нередко в рекламе рационалистического типа; субъект-рекламополучатель чаще всего не обозначен в тексте. Поэтому назвать все шесть выделенных признаков обязательными нельзя, они не коррелируют с признаками, выделяемыми законодателем.

Однако эксперт в основу своего заключения положил именно такую совокупность признаков, кроме того, в качестве доказательства нерекламного характера информации эксперт обратил внимание на отсутствие выразительных средств и приемов типа «высококачественное лечение зубов и болезней пародонта; безболезненное удаление; быстрая реставрация, качественное протезирование». Это спорное суждение, создатели современных рекламных текстов сознательно избегают использования «трескучих фраз», «мыльных пузырей» и набивших оскомину эпитетов «единственный», «уникальный», «прекрасный», «удивительный», «исключительный», «качественный» и др.

Не менее важным для правоприменительной практики является решение экспертных задач, связанных с диагностикой признаков недостоверных высказываний в рекламном тексте.

Сложность состоит в том, что ФЗ «О рекламе» не дает определения недостоверной рекламы, а лишь называет состав недостоверной рекламы как перечень сведений, в отношении которых запрещена недостоверность.

Правоприменитель оценивает достоверность характеристик, исходя из конкретных данных и обстоятельств, с ними связанных, и принимая во внимание в полном объеме рекламный текст и изображения для определения действительного смысла, содержания рекламы.

Задача лингвистов при исследовании рекламного текста заключается в установлении высказываний в форме утверждений, содержащих сведения (последующая верификация сведений, т. е. проверка на соответствие действительности, —

это задача не эксперта, а правоприменителя), либо оценочных высказываний, которые не могут быть верифицированы, т. е. проверены на соответствие действительности.

Вопросы разведения утверждений и оценочных суждений (мнений) были актуализированы в ряде работ в связи с производством дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Е. И. Галяшина в статье «Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 24.02.2005» [9] достаточно четко их объяснила, поэтому в методическом плане справедливо использовать предложенный подход и для решения обозначенной задачи.

При рассмотрении судами дел о недостоверной рекламе подлежит установлению и судебной оценке характер распространенных сведений, поэтому перед экспертами могут быть поставлены следующие вопросы:

1. Содержатся ли в рекламном тексте сведения о фактах и событиях?
2. Допускают ли языковые формы высказываний в тексте оценку с точки зрения их достоверности, соответствия действительности?
3. В какой форме выражены в тексте рекламы высказывания (утверждение, оценка и т. д.)?
4. Какое смысловое значение придается определенному слову, словосочетанию, использованному в тексте рекламы?
5. О каких качествах объекта рекламирования сообщается в тексте?

При кажущейся простоте нельзя назвать легкой в решении эту диагностическую задачу. Анализ судебной практики показал, что нередко в процессе решения данной диагностической задачи происходит подмена: эксперт (специалист), разъясняя смыслы отдельных слов и выражений, уходит от установления собственно фактических данных в область их интерпретации и оценки, что недопустимо. Так, в заключении специалиста, объектом исследования которого был рекламный текст «ОТБОРНОЕ из Простоквашино — это настоящее цельное молоко. Оно остается таким, каким его дала корова. Вот почему его любят больше других», находим следующее суждение: «Третья фраза исследуемого сообщения — «Вот почему его любят больше других» — является выводом из сказанного ранее <...> В ней сообщается не сам факт, а предположение о факте: раз молоко ОТБОРНОЕ из Простоквашино потребители любят больше других, значит, оно хорошего качества».

На наш взгляд, третья фраза — «Вот почему его любят больше других» — представляет собой высказывание в форме утверждения о факте, а не предположения. Утверждение о факте дается в словесной форме в группе сказуемого. Конструкции с неопределенно-личными или обобщенно-личными предложениями активно используются в рекламе. Они содержат утверждение, которое без труда верифицируется, например: «Хайнц. Без него не едят» — действительно, некое количество людей не садится за стол без этого продукта. Как бы обидно в отношении других производителей соусов ни звучал рекламный текст «Хайнц. Без него не едят», признаков недостоверной рекламы здесь нет.

Если говорить об исследовании недостоверной рекламы, то эксперт должен знать закономерности построения рекламного текста, например зависимость

степени эксплицитности утверждения от используемой рекламной стратегии. Утверждение о факте характерно в большей мере для стратегий рационалистического типа.

Знание рекламных стратегий помогает эксперту избежать ошибок, незнание приводит к ним: так, слоганы, построенные на экспликации стратегии преимущества и представляющие собой высказывание в форме утверждения о факте (п. 1 ч. 3 ст. 5 ФЗ «О рекламе»), принимаются за некорректные сравнения (п. 1 ч. 2 ст. 5 ФЗ «О рекламе») и наоборот — некорректные сравнения за недостоверные утверждения.

Рассмотрим подробнее такую диагностическую задачу, как установление признаков некорректного сравнения в рекламном тексте.

К таким сравнениям правоприменитель [10] относит сравнения, содержание которых составляют ошибочные, основанные на неправильном расчете, исходящие из неверных предпосылок, неправильные, не соответствующие правилам корректности и требованиям, предъявляемым к достоверности, сведениям о товарах. Способы некорректного сравнения, к которым прибегают рекламодатели, достаточно разнообразны и зачастую не отвечают требованиям сопоставимости характеристик.

Следовательно, в исследовании эксперт-лингвист должен опираться на логическую модель сравнения, включающую в себя четыре компонента: объект сравнения (то, что сравнивают), эталон сравнения (с чем сравнивают), модуль сравнения (общий признак сравнения, компаративная константа), показатель сравнительного отношения. Затем необходимо выявить, какой компонент сравнения опущен. Чаще всего опускается модуль сравнения (еще его называют основанием сравнения), т. е. тот признак, по которому происходит сравнение: «Устали бегать по магазинам в поисках подарков? Только в ТЦ «Х» лучшие предложения к Новому году!». Что является основанием сравнения: цена, качество, ассортимент, новизна этих товаров?

Надо отметить, что известные грамматические способы выражения сравнения (сравнительный оборот с союзами *как, точно, словно, будто, как будто*; сравнительная конструкция со словами *похожий, подобный, походит, напоминает, вроде*; существительное в творительном падеже) в рекламном тексте используются не часто.

Полноценные сравнения (когда ясно, какой объект с каким сравнивается, какие параметры принимаются во внимание) встречаются в рекламе редко. Как правило, лишь создается иллюзия настоящего сравнения, а это значит, что сравнение является некорректным в строгом логическом смысле. В научной литературе [11] описаны приемы формирования искусственных классов сравнения:

1. Создание расширенного класса сравнения (сравнение проводится не с аналогами, а с товарами предыдущего поколения).

2. Создание суженного класса сравнения (часто создается с помощью сравнительных конструкций, в которых опущен второй член сравнения).

3. Создание смещенного класса сравнения (представлен в тех случаях, когда марка сравнивается с товарами совершенно иной (нередко смежной) товарной категории, пример рекламирования M&M's, который назван шоколадом, а не драже).

4. Создание неопределенного класса сравнения (случаи информационно «пустых» сравнений, сравнений ни с чем).

Многие диагностические задачи в области СЛЭРТ еще ожидают своего решения. Кроме того, жизнь не стоит на месте, появляются все новые спорные ситуации, требующие осмысления (вопрос о двусмысленных утверждениях в рекламе, отдельных случаях маскировки рекламной информации и прочее). Поэтому только четкое понимание теоретических и методических основ СЛЭРТ будет способствовать решению этих ситуаций, а в конечном итоге — повышению доказательственного значения экспертных заключений по делам о нарушении законодательства в области рекламы.

Список библиографических ссылок

1. Россинская Е. Р. Современная концепция судебной экспертологии как науки о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Право и государство. 2014. № 2. С. 96—100.

2. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения: моногр. М., 2003.

3. О рекламе: федер. закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

4. ГОСТ 7.0-99. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. Минск, 1999.

5. Галяшина Е. И. Судебное речеведение — основа формирования компетенций по специализации «Речеведческие экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы V междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 22—23 января 2015 г.). Москва, 2015. С. 131—135.

6. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы: учебник. М., 2009.

7. Решение от 20 февраля 2014 г. по делу № А43-683/2014 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.12.2015).

8. Решение от 31 января 2012 г. по делу № А03-7673/2011 // Там же.

9. Галяшина Е. И. Судебные лингвистические экспертизы в контексте рекомендаций Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005 // Содэкс: [сайт]. URL: <http://sodeks.ru/public> (дата обращения: 12.12.2015).

10. Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» // Д. С. Бадалов [и др.]. М., 2012.

11. Рекламный текст: семиотика и лингвистика / Ю. К. Пирогова [и др.]; под ред. Ю. К. Пироговой и П. Б. Паршина. М., 2000.

References

1. Rossinskaja E. R. Sovremennaja koncepcija sudebnoj jekspertologii kak nauki o sudebnoj jekspertize i sudebno-jekspertnoj dejatel'nosti // Pravo i gosudarstvo. 2014. № 2. S. 96—100.

2. Galjashina E. I. Osnovy sudebnogo rechevedenija: monogr. M., 2003.
3. O reklame: feder. zakon ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ (red. ot 08.03.2015). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tant Pljus».
4. GOST 7.0-99. Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Informacionno-bibliotechnaja dejatel'nost', bibliografija. Terminy i opredelenija. Minsk, 1999.
5. Galjashina E. I. Sudebnoe rechevedenie — osnova formirovanija kompetencij po specializacii «Rechevedcheskie jekspertizy» // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy v sovremennyh uslovijah: materialy V mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Moskva, 22—23 janvarja 2015 g.). Moskva, 2015. S. 131—135.
6. Rossinskaja E. R., Galjashina E. I., Zinin A. M. Teorija sudebnoj jekspertizy: uchebnik. M., 2009.
7. Reshenie ot 20 fevralja 2014 g. po delu № A43-683/2014 // Sudebnye i normativnye akty RF: [sajt]. URL: <http://sudact.ru> (data obrashhenija: 12.12.2015).
8. Reshenie ot 31 janvarja 2012 g. po delu № A03-7673/2011 // Tam zhe.
9. Galjashina E. I. Sudebnye lingvisticheskie jekspertizy v kontekste rekomendacij Plenuma VS RF № 3 ot 24.02.2005 // Sodeks: [Sajt] URL: <http://sodeks.ru/public> (data obrashhenija: 12.12.15).
10. Postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu «O reklame» // D. S. Badalov [i dr.]. M., 2012.
11. Reklamnyj tekst: semiotika i lingvistika / Ju. K. Pirogova [i dr.]; pod red. Ju. K. Pirogovej i P. B. Parshina. M., 2000.

© Чубина Е. А., 2016

* * *

М. Ю. Гераськин,

старший преподаватель кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России;

А. В. Довбня,

старший эксперт ЭКЦ МВД России

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕРЕДВИЖНОЙ
ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ
ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПОЖАРА
И ПРОИЗВОДСТВЕ ПОЖАРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Статья посвящена использованию новой передвижной пожарно-технической лаборатории и базового комплекта специального оборудования при экспертно-криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений, связанных с пожарами. В статье показано, что применение инструментальных научно обоснованных методов исследования места пожара и изымаемых предметов с помощью указанного комплекта значительно расширяет возможности их предварительного исследования на месте происшествия, т. е. значительно повышается эффективность осмотра места пожара. Дальнейшее использование данных методов при выполнении пожарно-технических экспертиз в лабораторных условиях повышает доказательную силу выводов эксперта ввиду объективности полученных результатов, что используется при рассмотрении заключений пожарно-технической экспертизы в судах как по уголовным, так и по административным делам.

В статье приводится подробное описание передвижной пожарно-технической лаборатории нового поколения в сравнении со старой моделью. Рассмотрены преимущества конструкции самой передвижной лаборатории и ряда новых приборов из базового комплекта специального оборудования по сравнению с ранее использовавшимся комплексом «Сириус» с точки зрения практической значимости работы на месте пожара по версии о поджоге пожарно-технических экспертов экспертно-криминалистической службы МВД России.

Ключевые слова: осмотр места пожара; пожарно-техническая экспертиза; очаг пожара; передвижная лаборатория; раскрытие и расследование преступлений.

М. Y. Geraskin,

Senior Lecturer of the Chair on Criminalistic Techniques
of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities
of the Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia;

A. V. Dovbnya,

Expert of the Forensic Center of the Department
of the Ministry of Interior of Russia

**THE APPLICATION OF MODERN MOBILE
FIRE-TECHNICAL LABORATORY WHILE EXAMINING
THE FIRE SITE AND PRODUCING THE FIRE-TECHNICAL EXPERTISE**

The article is devoted to the use of a new mobile fire-technical laboratory and a basic set of special equipment to provide forensic detection and investigation of the fire related crimes. In the article the author proves that the use of the evidence-based instrumental investigation methods of fire sites as well as the objects seized by means of a basic set of special equipment at the scene greatly improves the preliminary investigation, that is, significantly increases the efficiency of the inspection of the fire sites. The further use of these methods while fire-technical examination in the laboratory raises the probative value of the expert conclusions in view of the objectivity of the received results and can be used while examining of fire forensic detection in the courts, both in criminal and administrative cases.

The article provides a detailed description of the mobile fire-technical laboratory of a new generation in comparison with the old model. The author regards the advantages of the design of the mobile laboratory as well as a number of new devices from the basic set of the special equipment as compared to the previously used «Sirius» set, in terms of the practical significance of the work at the fire site according to the arson version of the fire-technical experts of the forensic science service of the Interior Ministry of Russia.

Keywords: fire site inspection, fire-technical expertise, fire site, mobile laboratory, detection and investigation of crimes.

***

В настоящее время ситуация с расследованием дел по фактам пожаров в России остается весьма напряженной. Так, согласно официальной статистике МЧС России в 2014 г. на территории Российской Федерации зарегистрировано 150 804 пожара, что на 1,7 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года, но материальные потери от пожаров возросли на 22 % и составили более 18,25 млрд рублей.

Расследование происшествий, связанных с пожарами, представляет значительные трудности в силу специфики такого явления, как пожар, которое несет реальную опасность уничтожения следовой информации об обстоятельствах его возникновения и развития. Во время пожара возможно уничтожение материальных следов, чье исследование позволяет осуществить реконструкцию события и выявить все необходимые элементы, которые характеризуют способ совершения преступления.

Основными причинами низкой результативности раскрытия и расследования преступлений и правонарушений, связанных с пожарами, являются:

— отсутствие упорядоченности и системности в действиях лиц, осуществляющих первоначальную проверку по факту пожара;

- неполнота выявляемых источников информации о происшедшем событии;
- неумение выявить, зафиксировать и использовать полученную при осмотре места пожара информацию [1, с. 6, 7].

В связи с этим при осмотре места пожара значительно возрастает роль пожарно-технического специалиста, который не только оказывает содействие следователю в составлении протокола осмотра мест происшествия, схем (планов), а также в выявлении и изъятии следов, предметов и иных вещественных доказательств, но и, производя фиксацию очаговых признаков, фактически устанавливает местоположение очагов пожара (мест, где первоначально возникло горение), их количество и взаимосвязь, что является важнейшей стадией при исследовании мест пожара в целях установления его причины [2]. Без этой стадии невозможно выдвинуть версию о причине пожара и, соответственно, организовать и провести необходимые следственные действия.

Как показывает экспертная практика, применение инструментальных научно обоснованных методов исследования места пожара и изымаемых предметов значительно расширяет возможности их предварительного исследования на месте происшествия пожарно-техническим специалистом. Дальнейшее использование данных методов при выполнении пожарно-технических экспертиз и исследований в лабораторных условиях повышает доказательную силу выводов эксперта ввиду объективности полученных результатов, что используется при рассмотрении заключений пожарно-технической экспертизы в судах как по уголовным, так и административным делам.

В настоящее время практически в каждом региональном экспертно-криминалистическом центре МВД России имеются специализированные технические средства и комплекты приборов, предназначенных для инструментального сопровождения осмотров мест пожаров. Однако эффективно эта техника применяется только в том случае, если всесторонне и полно проведен осмотр места пожара, грамотно составлены протокол осмотра и схемы места происшествия, опрошены очевидцы и собраны информативные вещественные доказательства. В подавляющем большинстве случаев такая работа выполняется в недостаточной степени.

В целях всестороннего и полного осмотра пожарно-техническим специалистом места происшествия, связанного с пожаром, обеспечения проведения предварительного исследования вещественных доказательств на местах происшествий, а также установления местоположения очага пожара по заданию ЭКЦ МВД России с учетом рекомендаций ВНИИПО МЧС России в 2000 г. ООО «Эксперт-Центр» разработан и с 2000 г. начат выпуск передвижных пожарно-технических лабораторий (далее — ППТЛ) на базе автомобиля ГАЗ-2705-034 («Газель»). Данные лаборатории комплектовались аппаратно-программным комплексом для установления очага пожара в полевых условиях «Сириус». В ходе эксплуатации ППТЛ первого поколения и комплекса «Сириус» был выявлен ряд недостатков, поэтому в ООО «Ресурс-Авто» также по заданию ЭКЦ МВД России была разработана ППТЛ нового поколения, созданная на базе автомобиля Peugeot Boxer (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид ППТЛ нового поколения на базе автомобиля Peugeot Boxer YDZMFC/BX

ППТЛ предназначена для оперативной доставки пожарно-технических специалистов с комплектом специального и вспомогательного оборудования на места пожаров и технико-криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений, связанных с пожарами. С помощью данного комплекта обеспечиваются квалифицированный осмотр места пожара, поиск, фиксация, изъятие и предварительное исследование выявленных следов и вещественных доказательств. В результате осмотра с применением неразрушающих инструментальных методов исследования осуществляется предварительное установление очага пожара и технической причины возникновения горения, а в дальнейшем при выполнении пожарно-технической экспертизы формируется доказательная база по факту пожара.

В состав базового комплекта оборудования ППТЛ входят:

— приборы и оборудование специального назначения, необходимые для проведения комплекса работ на месте пожара: комплект аппаратуры для установления очага пожара «Очаг-Э», комплект оборудования для работы на месте пожара по версии о поджоге, приборы вихревого и ультразвукового зондирования и т. п.;

— аппаратура для документирования места пожара, обеспечения оперативной связи и информационной поддержки: портативная ПЭВМ типа «ноутбук», многофункциональное устройство, объединяющее принтер, сканер и копир, комплект фото- и видеотехники. В отличие от предыдущей модели ППТЛ, выполненной на базе автомобиля ГАЗ-2705-034 («Газель»), новая модель дополнительно укомплектована беспилотным комплексом на базе мультикоптера типа Flame Wheel F550 с системой онлайн-передачи изображения с видеокamеры. Фото- и видеоаппаратура позволяют осуществлять фиксацию обстановки в цифровом формате;

— комплект осветительного оборудования, предназначенный для освещения места пожара в темное время суток, который расширен по сравнению с ППТЛ на базе «Газели» за счет светодиодных осветителей и осветительной установки «Световая башня»;

— вспомогательное оборудование для работы на месте пожара: комплект досмотровых зеркал, металлоискатель, комплект электроинструментов, включая дрели, шурупверты, пилы и т. п.; спецодежда, комплекты шанцевого инструмента, упаковочных материалов и средств ограждения места происшествия;

— принадлежности для обеспечения безопасности работы экспертов: костюмы, каски, дозиметр, краги, спасательные комплекты и т. п. [3, с. 4—9].

Кузов автомобиля состоит из трех отсеков: кабины водителя, лабораторного отсека и грузового отсека. В отличие от модели ППТЛ на базе «Газели» грузовой отсек отделен от лабораторного не сплошной, а подвижной перегородкой из рольставней на ширину прохода между шкафами во всю высоту отсека. Оборудование ППТЛ, размещаемое в отсеках и на крыше, сгруппировано в соответствии с его целевым назначением. Размещение оборудования, способы его фиксации и крепления обеспечивают удобство его использования и безопасность работы пожарно-технических экспертов (рис. 2).

Рис. 2. Вид кабины ППТЛ (слева) и грузового отсека (справа)

В кабине размещены места для водителя и двух пассажиров, место для управления штатным оборудованием автомобиля, в том числе пультом управления сигнальной громкоговорящей установкой (далее — СГУ). В отличие от старой модели ППТЛ в новой модели кабина оборудована навигатором и системой заднего обзора с монитором, выведенным на приборную панель.

Лабораторный отсек предназначен для хранения специального оборудования ППТЛ, документирования полученных результатов осмотра и исследования места пожара, предварительного исследования объектов, изымаемых с места пожара, опроса очевидцев пожара, обобщения полученных данных для предварительного определения причины пожара, выдачи соответствующей информации оперативным работникам других служб. В лабораторном отсеке располагаются:

— два кресла для пожарно-технических экспертов со столом, выполненным из кислотостойких материалов;

Рис. 3. Лабораторный отсек ППТЛ (вид со стороны входной двери)

— дополнительное откидное посадочное место в передней части отсека с автохолодильником под ним (рис. 3), который позволяет обеспечить сохранность вещественных доказательств со следами легколетучих легковоспламеняющихся или горючих жидкостей (далее — ЛВЖ или ГЖ), используемых при поджогах в качестве интенсификаторов горения;

— специальное оборудование ППТЛ и расходные материалы, сгруппированные по их целевому назначению;

— аппаратура для документирования места пожара, обеспечения оперативной связи и информационной поддержки. На предыдущей модели она хранилась в металлических шкафах, увеличивающих массу автомобиля,

что отрицательно сказывалось на ходовых характеристиках ППТЛ. В новой модели данная аппаратура хранится на стеллажах (рис. 4).

Рис. 4. Лабораторный отсек ППТЛ: слева — вид со стороны кабины водителя; справа — со стороны входа в отсек

Грузовой отсек предназначен для размещения вспомогательного оборудования, используемого для работы на месте пожара. В данном отсеке располагаются дизельгенератор, комплекты осветительного оборудования и шанцевого инструмента, автомобильный инструмент, катушка с кабелем длиной не менее 40 м, канистра емкостью 20 л для хранения дополнительного запаса дизтоплива и т. д. (рис. 5).

На крыше автомобиля установлены СГУ, система принудительной вытяжной вентиляции лабораторного отсека, встроенный кондиционер, и багажник-платформа, предназначенный для съемки и наблюдения места пожара с высоты. Новая модель ППТЛ оборудована системой отопления, принудительной вентиляции и кондиционирования лабораторного отсека, что отличает ее от предыдущей модели. На задней двери грузового отсека смонтирована лестница с поручнями, предназначенная для подъема на багажник-платформу (рис. 5). В отличие от старой модели новая ППТЛ оборудована выдвигаемым тентом с набором раскладной мебели для обеспечения работы экспертов.

Рис. 5. Грузовой отсек ППТЛ: слева — вид с открытыми дверями; справа — вид с закрытыми дверями

Для установления местоположения очага (или очагов) пожара, без которого практически невозможно решить задачу определения технической причины пожара, используется комплект приборов специального назначения «Очаг-Э», предназначенный для определения степени термического поражения изделий из наиболее распространенных материалов, присутствующих на месте пожара, для получения достоверной информации о местоположении очага пожара. Комплект размещен в лабораторном отсеке вместе со специальным комплектом оборудования для работы на месте пожара по версии о поджоге [4, с. 9—13].

Такие приборы, как коэрцитиметр КИМ-2М-ПТЭ (анализатор магнитных характеристик стальных изделий), многофункциональный вихретоковый прибор МВП-2М (анализатор относительной степени термического поражения стальных изделий) и комплекс ультразвукового зондирования УСД-60Н-ПТЭ, имеют значительно меньшую массу, портативны, автоматически сохраняют в памяти до 5 000 результатов измерений с последующей передачей их в ПЭВМ (помимо вывода на экран прибора), чем выгодно отличаются от приборов аналогичного предназначения, входивших в комплект старой ППТЛ.

Последнее качество дает возможность не просто увеличить количество замеров, но и выявить максимум информации, позволяющей более точно выделить зоны термических повреждений, одинаковых по характеру и интенсивности. В результате анализа взаиморасположения данных зон возможно не только

выявить признаки направленности распространения горения, но и довольно точно определить очаговую зону. Так, например, коэрцитиметр КИМ-2М-ПТЭ применялся на месте пожара при обнаружении на кирпичных стенах полностью выгоревшего здания крепежных металлических изделий, размещенных с одинаковыми интервалами. Полученные значения тока размагничивания наносились на план здания, в результате чего была выявлена очаговая зона, установить местоположение которой традиционными методами не представлялось возможным.

В состав комплекта «Очаг-Э» включены новые приборы, отсутствующие в базовом комплекте, ранее выпускавшемся на базе автомашины «Газель»: тестер отжига проводов ТОП-01-ПТЭ и устройство дистанционного зондирования угольного слоя «ЗОНД-01-ЭП». Тестер представляет собой устройство для определения степени термического поражения электрических проводников и проволоки. Включение данного устройства в комплект ППТЛ значительно повышает шансы на выявление признаков направленности горения и установление зоны очага пожара, так как электропроводка присутствует на подавляющем большинстве сгоревших объектов. Устройство «ЗОНД-01-ЭП» обеспечивает возможность определения толщины угольного слоя на вертикальных и горизонтальных плоскостях деревянных предметов. Благодаря данному устройству можно осуществить замеры глубины обугливания в труднодоступных местах на деревянных конструктивных элементах. После составления схемы замеров глубины обугливания можно выделить зону с ее наибольшими значениями, т. е. зону наиболее интенсивного термического воздействия. Сопоставление полученных результатов с другими данными (в том числе полученными при помощи других инструментальных методов) позволяет определить зону очага пожара [5, с. 46—51].

Особую практическую значимость для пожарно-технических экспертов МВД России представляет комплект оборудования для работы на месте пожара по версии о поджоге, который предназначен для выявления наличия в очаговой зоне пожара микроколичеств таких интенсификаторов горения, как ЛВЖ или ГЖ, с помощью которых в подавляющем большинстве случаев совершаются поджоги. Для обнаружения в очаговой зоне пожара следов ЛВЖ и ГЖ в комплект оборудования лаборатории включен полевой газоанализатор «Колион», использовавшийся и хорошо зарекомендовавший себя в старой модели ППТЛ [1, с. 72—93]. Кроме того, в комплекте присутствует сильфонный аспиратор АМ-0059 с набором индикаторных трубок, который позволяет реализовать альтернативный метод определения наличия в очаговой зоне паров ЛВЖ или ГЖ и таким образом проверить достоверность показаний газоанализатора «Колион». Безусловным преимуществом использования сильфонного аспиратора АМ-0059 по сравнению с ранее выпускавшимися аналогами является наличие индикаторных трубок не только для определения углеводородов, входящих в состав нефтепродуктов, но и для выявления таких соединений, как кетоны, спирты и сложные эфиры карбоновых кислот, которые являются основными компонентами наиболее распространенных технических растворителей.

Таким образом, анализ экспертной практики применения вышеперечисленных комплектов нового оборудования позволил выявить их преимущества по сравнению с ранее использовавшимся комплексом «Сириус», открывающие новые возможности решения основной задачи пожарно-технической экспертизы на месте происшествия — определения местоположения очага (очагов) пожара, что в совокупности с ситуационным и инженерно-техническим анализом позволит решить вопрос о технической причине пожара.

В результате внедрения в экспертную практику новой ППТЛ значительно повышается эффективность осмотра места пожара, прежде всего, за счет выявления наиболее информативных следов и вещественных доказательств. Комплекты новых и модернизированных приборов и устройств позволяют уже на месте происшествия провести предварительные исследования, позволяющие выявить зону очага (очагов) пожара и, как следствие, определить техническую причину возникновения пожара. Последнее приобретает решающее значение при осмотре мест крупных пожаров, сопровождающихся практически полным выгоранием пожарной нагрузки, когда традиционная методика визуального выявления очаговых признаков не применима.

Список библиографических ссылок

1. Специальные инструментальные методы и средства обеспечения предварительного и экспертного исследования объектов пожарно-технической экспертизы: учеб. пособие / С. О. Шульгин [и др.]. М., 2005.
2. Пахомов М. Е. Экспериментальное исследование следов термического поражения, образующихся на конструкциях при пожаре // Судебная экспертиза. 2015. № 1 (41). С. 86—96.
3. Руководство по эксплуатации передвижной пожарно-технической лаборатории на базе автомобиля Peugeot Boxer YDZMFC/BX. ЕГРВ.49323.005РЭ. Ярославль, 2014.
4. Комплект аппаратуры для установления очага пожара, модель «Очаг-Э». ФО.012. Ногинск, 2014.
5. Специальное оборудование для исследования мест происшествий по факту пожара и особенности его применения: учеб. пособие / С. О. Шульгин [и др.]. М., 2009.

References

1. Special'nye instrumental'nye metody i sredstva obespechenija predvaritel'nogo i jekspertnogo issledovanija ob#ektov pozharno-tehnicheskoy jekspertizy: ucheb. posobie / S. O. Shul'gin [i dr.]. M., 2005.

2. Pahomov M. E. Jeksperimental'noe issledovanie sledov termicheskogo porazhenija, obrazujushhihsja na konstrukcijah pri pozhare // Sudebnaja jekspertiza. 2015. № 1 (41). S. 86—96.

3. Rukovodstvo po jekspluatacii peredvizhnoj pozharno-tehnicheskoi laboratorii na baze avtomobilja Peugeot Boxer YDZMFC/BX. EGRV.49323.005RJe. Jaroslavl', 2014.

4. Komplekt apparatury dlja ustanovlenija ochaga pozhara, model' «Ochag-Je». FO.012. Noginsk, 2014.

5. Special'noe oborudovanie dlja issledovanija mest proisshestvij po faktu pozhara i osobennosti ego primenenija: ucheb. posobie / S. O. Shul'gin [i dr.]. M., 2009.

© Гераськин М. Ю., Довбня А. В., 2016

* * *

Е. Р. Россинская,

директор института судебных экспертиз,
заведующая кафедрой судебных экспертиз
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего профессионального образования РФ,
академик Российской академии естественных наук,
действительный член международной ассоциации
по идентификации (IAI USA), президент Ассоциации
образовательных учреждений «Судебная экспертиза»

**К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)**

Е. R. Rossinskaya,

Director of the Institute of Forensic Examination,
Head of the Chair of Forensic Examination
of the Moscow State Law University n. a. O. E. Kutafin (MSAL),
Doctor of Science (Law), Professor, Honored Scientist of Russia,
Honored Worker of Higher Professional Education of Russia,
Member of the Russian Academy of Natural Science,
Active Member of the International Association for Identification,
President of the Association
of Educational Institutions «Forensic Examination»

**FOR THE ANNIVERSARY OF THE CHAIR OF FORENSIC EXAMINATION
OF THE MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY n. a. O. E. KUTAFIN (MSAL)**

30 мая 2005 г. ученый совет Московской государственной юридической академии (далее — МГЮА) принял решение об образовании кафедры судебных экспертиз, которая затем приказом ректора академика РАН Олега Емельяновича Кутафина была создана для реализации образовательных программ высшего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза».

Данное решение ученого совета и последовавший за ним приказ ректора МГЮА О. Е. Кутафина были завершением большой разъяснительно-подготовительной работы, в ходе которой обосновывалась необходимость создания института судебных экспертиз и кафедры судебных экспертиз МГЮА.

К началу XXI в. подготовка судебных экспертов в рамках высшего судебно-экспертного образования осуществлялась в вузах МВД России, причем готовились только эксперты-криминалисты для обеспечения потребностей уголовного судопроизводства.

Экспертов, специализирующихся на других родах судебной экспертизы, в вузах России вообще не готовили. Экономисты, филологи, физики, химики, биологи, и другие специалисты, которые привлекались на работу в судебно-экспертные учреждения, не знали даже основ материального и процессуального права, криминалистики и судебной экспертологии. Обычно они являлись специалистами в очень узких областях, и полученные в вузах знания использовали только на 20—30 %. Стажировки и курсы, с помощью которых их обучали основам процессуального права и криминалистики, не давали необходимых глубоких знаний. Юридические знания и общая правовая культура, наущно необходимые судебным экспертам в повседневной деятельности, приобретались ими только через несколько лет практической работы. В результате обнаруживались многочисленные экспертные ошибки и упущения.

Юристы, которые переквалифицировались в судебных экспертов, сталкивались с еще большими трудностями, поскольку не обладали знаниями в базовых науках, не владели экспертными технологиями и навыками работы со все усложняющейся экспертной техникой.

К тому же все более насущной становилась потребность в производстве судебных экспертиз для гражданского судопроизводства, которую восполняли за счет деятельности судебно-экспертных учреждений системы Минюста России. Однако количество сотрудников этих учреждений было невелико. Кроме того, подготовка таких экспертов осуществлялась на рабочих местах, являясь по существу «штучной». Производство экспертиз в гражданском и арбитражном процессе нередко занимало длительное время — в порядке очередности поступления определений от судов.

МГЮА, создав институт судебных экспертиз и кафедру судебных экспертиз, был первым гражданским вузом, где в рамках очного пятилетнего обучения начали готовить судебных экспертов по весьма востребованным экспертным специализациям: судебные речеведческие (автороведческие, лингвистические, фоноскопические, почерковедческие) и судебные экономические (бухгалтерские, финансово-экономические, налоговые, оценочные) экспертизы.

Заведующей кафедрой судебных экспертиз ученым советом МГЮА была избрана заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор Россинская Елена Рафаиловна. Для работы на кафедре были приглашены видные российские криминалисты и опытные судебные эксперты, входящие в научную школу профессора Е. Р. Россинской.

Россинская Елена Рафаиловна — заведующая кафедрой, один из ведущих специалистов в области криминалистики, теории и практики судебной экспертологии, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук (12.00.09), профессор по кафедре криминалистики, академик Российской академии естественных наук, действительный член Международной ассоциации по идентификации (IAI USA), член ученого и двух диссертационных советов Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, вице-президент Палаты судебных экспертов, президент Ассоциации образовательных учреждений «Судебная экспертиза» (АСЭ), член Ассоциации юристов России.

Е. Р. Россинская много лет отдала научной и практической работе в экспертных подразделениях органов внутренних дел. Ею выполнено более 5 000 судебных экспертиз. В 1989—2001 г. — доцент и профессор кафедры криминалистики Юридического института МВД России. С 2001 г. — профессор кафедры криминалистики, а с июня 2005 г. — заведует кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, являясь одновременно и директором института судебных экспертиз.

Профессор Е. Р. Россинская — один из разработчиков общей теории судебной экспертизы — судебной экспертологии. Ей созданы теория неразрушающих методов экспертного исследования и система методик исследования вещественных доказательств рентгеновскими методами; разработаны теоретические основы судебной компьютерно-технической экспертизы; исследованы проблемы оптимизации формы и содержания заключения эксперта с использованием современных информационных технологий; сформулированы основные направления использования специальных знаний в гражданском и арбитражном процессе, производстве по делам об административных правонарушениях; разработана концепция преподавания теоретических и прикладных основ судебной экспертизы в юридических вузах.

Е. Р. Россинская — автор более чем 380 научных работ, монографий, учебников, пособий, статей, посвященных теоретическим и прикладным проблемам криминалистики и судебной экспертологии, в том числе: монографий «Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном процессе» (3 издания), «Судебная компьютерно-техническая экспертиза» (совместно с А. И. Усовым), «Настольная книга судьи. Судебная экспертиза» (совместно с Е. И. Галяшиной), «Энциклопедия судебной экспертизы»; единолично и в соавторстве — 17 учебников по криминалистике, изданных в России, 3 учебников по криминалистике, изданных в Азербайджане и Казахстане.

Под научным руководством профессора Е. Р. Россинской защищены 25 кандидатских диссертаций. Она являлась научным консультантом по 12 диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, авторам которых присуждены искомые ученые степени. Из них 6 человек являются штатными профессорами, доцентами и преподавателями кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Галяшина Елена Игоревна — заместитель заведующего кафедрой, один из ведущих специалистов в области криминалистической фоноскопии, криминалистического автороведения и правовой лингвистики, один из авторов учебника по теории судебной экспертизы. Входит в состав научной школы профессора Е. Р. Россинской, которая являлась научным консультантом по ее диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (12.00.09). Е. И. Галяшина — доктор филологических наук, профессор по кафедре судебной экспертизы, член двух диссертационных советов Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина.

Перу профессора Е. И. Галяшиной принадлежат свыше 250 научных и учебно-методических работ, в том числе монографий «Судебная фоноскопическая экспертиза», «Основы судебного речеведения», «Лингвистика vs. экстремизма», а также ряда книг, посвященных теории и практике экспертизы спорных текстов СМИ. Е. И. Галяшина имеет 34-летний опыт практической работы в экспертных учреждениях органов внутренних дел и негосударственных судебно-экспертных организациях России.

Е. И. Галяшина — действительный член Российского акустического общества, Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС), Международной ассоциации по идентификации (IAI USA), академик Российской академии естественных наук. Под научным руководством профессора Е. И. Галяшиной защищены 3 кандидатские диссертации, причем один из кандидатов наук работает преподавателем на кафедре судебных экспертиз.

Зинин Александр Михайлович — профессор кафедры судебных экспертиз, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор по кафедре криминалистики — крупный специалист в области криминалистики и судебной экспертизы, известный ученый и педагог; автор более 250 научных и учебно-методических работ, в том числе учебников «Судебная экспертиза», «Участие специалиста в процессуальных действиях», «Габитоскопия и портретная экспертиза» (совместно с И. Н. Подволоцким), книги «Руководство по портретной экспертизе» и ряда монографий, крупнейший в России специалист по криминалистической габитоскопии и судебной портретной экспертизе, член Союза юристов г Москвы. Имеет 40-летний опыт научной и практической работы в экспертных учреждениях органов внутренних дел России.

Под научным руководством профессора А. М. Зинина защищены 10 кандидатских диссертаций. Он являлся научным консультантом по 2 диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук.

За 10 лет работы кафедры ее сотрудниками осуществлялись как исследования в области криминалистической теории и судебной экспертологии, так и прикладные исследования, связанные с разработкой методик экспертного исследования и преподавания.

Штат кафедры составляют высококвалифицированные педагогические кадры: 7 докторов наук; 14 кандидатов наук (по специальностям 12.00.09 и 12.00.12).

Следует отметить, что все преподаватели кафедры не только обладают высоким научным потенциалом, но и являются опытными судебными экспертами, часто привлекаемыми к производству сложных судебных экспертиз. Профессора кафедры — признанные лидеры научных направлений в области криминалистики и судебной экспертизы.

На кафедре проводятся исследования и разработана концепция современной судебной экспертологии и судебно-нормативных экспертиз (профессор Е. Р. Россинская); исследуются проблемы криминалистической фоноскопии и фоноскопической экспертизы, созданы концептуальные основы судебного речеведения и правовой лингвистики (профессор Е. И. Галяшина). Разрабатываются новые ме-

тодические подходы и методики:

— фоноскопической, лингвистической и автороведческой экспертиз (профессор Е. И. Галяшина, доцент Т. П. Соколова, доцент Е. А. Чубина, доцент Е. Ю. Верхолетова);

— криминалистической фотографии и видеозаписи (ст. преподаватель Г. П. Шамаев, преподаватель Н. Ф. Бодров);

— криминалистического исследования документов и судебного почерковедения (доцент И. Н. Подволоцкий, преподаватели М. Л. Подкатилина, Н. Ф. Бодров);

— компьютерно-технической экспертизы (доцент А. И. Семикаленова);

— использования запаховых следов в расследовании преступлений (доцент В. И. Старовойтов);

— судебной трасологической экспертизы (профессор С. С. Самищенко, доцент Л. И. Слепнева).

Исследуются теоретические и прикладные проблемы:

— криминалистического исследования внешних признаков человека и портретной экспертизы (профессор А. М. Зинин и доцент И. Н. Подволоцкий);

— участия специалиста в процессуальных действиях (профессор А. М. Зинин, доцент А. И. Семикаленова);

— судебных экономических экспертиз (финансово-экономической, оценочной, налоговой — доцент А. А. Савицкий, преподаватель В. В. Голикова);

— антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов (профессор Е. Р. Россинская, профессор Е. И. Галяшина, преподаватели М. Л. Подкатилина, Н. Ф. Бодров).

Кафедра за время своего существования стала базой для проведения научных исследований в области теории и практики криминалистики и судебной экспертологии, где осуществляется разработка новых экспертных методик, способствующих получению качественно новой разыскной и доказательственной информации при расследовании преступлений в сфере экономики, экстремизма и ксенофобии, коррупции, компьютерных и других преступлений. Исследования сотрудников кафедры способствуют глубокой интеграции достижений криминалистики и судебной экспертизы в судопроизводство, позволяют развивать новые специализации юристов и судебных экспертов, не имеющие пока аналогов в России, реализацию инновационных магистерских программ по направлению 40.06.01 «Юриспруденция»: «Судебно-экспертное обеспечение юридической деятельности» (научный руководитель — профессор Е. Р. Россинская) и «Правовая лингвистика» (научный руководитель — профессор Е. И. Галяшина). Кафедра активно участвует в программах дополнительного образования и повышения квалификации экспертов по программам «Судебное исследование документов», «Судебная фоноскопическая экспертиза», «Судебно-экономические экспертизы», «Судебные почерковедческие экспертизы» и др.

Кадры высшей квалификации по номенклатуре специальностей научных работников 12.00.12 «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-

розыскная деятельность», подготовка которых осуществляется на кафедре судебных экспертиз, нацелены на решение проблем:

1. Развития общей теории криминалистики и судебной экспертологии.
2. Разработки технико-криминалистического и судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений.
3. Создания и совершенствования частных криминалистических и судебно-экспертных теорий и учений.
4. Разработки методических подходов и конкретных методик собирания и исследования вещественных доказательств.
5. Информатизации и компьютеризации деятельности по расследованию преступлений и судебно-экспертной деятельности.
6. Экспертной профилактики.

На кафедре серьезное внимание уделяется проблемам российского и международного сотрудничества в области криминалистики и судебной экспертизы.

За 10 лет существования кафедрой организованы 5 международных научно-практических конференций «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (2007, 2009, 2011, 2013, 2015 г.), международные научно-практические конференции «Ошибки судебной экспертизы: причины, выявление, предупреждение» (январь 2012 г.); «Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз» (январь 2014 г.), а также 5 круглых столов «Актуальные проблемы формирования и развития новых родов (видов) судебных экспертиз» (2008 г.), «Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов» (январь 2010 г.), «Реформирование законодательства о судебно-экспертной деятельности: проблемы и перспективы» (ноябрь 2014 г.), «Теоретические, правовые и организационные проблемы современной судебной экспертологии» (апрель 2015 г.) и «Экспертизы в судопроизводстве: законодательство и проблемы его унификации», посвященный 10-летию кафедры судебных экспертиз (ноябрь 2015 г.).

Кафедра явилась инициатором целого ряда международных и межвузовских студенческих конференций и форумов, например межвузовской научно-практической конференции молодых ученых «Судебные экспертизы: теория и практика» (ноябрь 2010 г.); межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов «МГЮА имени О. Е. Кутафина: история и современность» (октябрь 2011 г., эта конференция стала в университете традиционной); Всероссийского круглого стола студентов и аспирантов, посвященного 90-летию со дня рождения профессора Р. С. Белкина (октябрь 2012 г.); Международного студенческого форума «Проблемы использования специальных знаний в России и за рубежом», в рамках которого проводился Международный конкурс студенческих научных работ «Использование специальных знаний в гражданском и арбитражном процессе» (ноябрь 2013 г.); межвузовской научной конференции студентов и аспирантов «Проблемы совершенствования законодательства о судебно-экспертной деятельности в РФ» (ноябрь 2014 г.); межвузовского круглого стола студентов и аспирантов «Эксперты и судебные экспертизы в годы Великой Отечественной войны»

(май 2015 г.); ежегодной межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов «Судебная экспертиза: правовые, теоретические и методические проблемы».

Профессора и преподаватели кафедры известны не только в России, но и за ее пределами. Их регулярно приглашают, и они достойно выступают на международных конференциях за рубежом (Болгария, Белоруссия, Казахстан, Литва, Украина и др.). Налажены научные связи с Варненским свободным университетом им. Черноризца Храбра (Болгария), кафедрой судебной лингвистики университета Бирмингем (Великобритания), Университетом Флориды (США), лабораторией фонетики, судебной лингвистики и речеведения Австралийского национального университета, Международной ассоциацией по идентификации (США), кафедрой судебной лингвистики и речеведения Университета Джорджтауна (США).

Под редакцией Е. Р. Россинской вышел в свет первый в Казахстане учебник для вузов по криминалистике на казахском языке.

Регулярными стали стажировки на кафедре специалистов из Чехии, Украины, Казахстана, Белоруссии и Польши по методикам экспертного исследования, разработанным кафедральной школой.

Профессора кафедры участвуют в работе ученого совета РФЦСЭ при Минюсте России (Е. Р. Россинская, А. М. Зинин); ученого совета ЭКЦ МВД России (А. М. Зинин); Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов РФ (Е. Р. Россинская — председатель учебно-методической комиссии по подготовке юридических кадров в области судебной экспертизы); президиума Палаты судебных экспертов (Е. Р. Россинская — вице-президент); научно-консультативного совета при Верховном Суде России (Е. Р. Россинская), научно-консультативного совета при Прокуратуре Москвы (Е. Р. Россинская, А. М. Зинин) и др.

Педагогические работники кафедры регулярно участвуют в парламентских слушаниях в Государственной Думе и Совете Федерации Федерального Собрания РФ; комментировании законодательства, входят в редакционные коллегии и редакционные советы научных журналов из перечня, рекомендованного ВАК (например «Судебная экспертиза», «Актуальные проблемы российского права», «Вопросы правоведения»), а также многих других отечественных и зарубежных журналов, например «Право и государство» (Астана, Казахстан), «Криминалист первопечатный» (Харьков, Украина) и др.

Наиболее значимые научные труды профессоров и преподавателей кафедры:

— Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. М., 2005 (переиздания — 2008, 2014 гг.).

— Галяшина Е. И. Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина; под ред. проф. М. В. Горбаневского. М., 2006.

— Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия : учеб. пособие для вузов / А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий. М., 2006.

- Зинин А. М. Руководство по портретной экспертизе : учеб. пособие / А. М. Зинин. М., 2006.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. М., 2009 (переиздания — 2013, 2016 гг.).
- Дмитриев Е. Н. Судебная фотография : курс лекций / Е. Н. Дмитриев. М., 2009.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М., 2010 (переиздания — 2011, 2013, 2014, 2015 гг.).
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Судебная экспертиза : сб. документов / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М., 2010 (переиздание — 2014, 2015 гг.).
- Самищенко С. С. Судебная медицина / С. С. Самищенко. М., 2010.
- Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика : науч.-практ. пособие / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2011.
- Дмитриев Е. Н., Подкатилина М. Л. Судебно-техническое исследование морфологии штрихов современных пишущих приборов / Е. Н. Дмитриев, М. Л. Подкатилина. М., 2011.
- Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях / А. М. Зинин. М., 2011 (переиздание — 2013 г.).
- Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2012 (переиздание — 2015 г.).
- Сундуков Д. В., Ромодановский П. О., Баринов Е. Х. Судебная медицина / Д. В. Сундуков, П. О. Ромодановский, Е. Х. Баринов. М., 2012.
- Голикова В. В. Судебная налоговая экспертиза / В. В. Голикова; под ред. проф. Е. Р. Россинской. М., 2012.
- Клименко Т. В. Судебная психиатрия / Т. В. Клименко. М., 2013.
- Самищенко С. С. Судебная медицина : учебник для магистров / С. С. Самищенко. М., 2013.
- Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов / М. Л. Подкатилина; под ред. проф. Е. И. Галяшиной. М., 2013.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Антикрупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: проблемы теории и практики : моногр. / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина. М., 2014.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Подкатилина М. Л. Антикрупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (в аспекте современной экспертологии) / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, М. Л. Подкатилина. М., 2014.
- Зинин А. М., Подволоцкий И. Н. Габитоскопия и портретная экспертиза : учебник / А. М. Зинин, И. Н. Подволоцкий. М., 2014.
- Научно-техническое обеспечение учебных экспертно-криминалистических лабораторий : науч.-практ. пособие / Е. Р. Россинская [и др.]. М., 2015.

Рис. 1. Коллектив кафедры

© Россинская Е. Р., 2016

***

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
CONTACT INFORMATION

Батурин Вячеслав Юрьевич

Baturin Vyacheslav Yurievich

nataliya_baturina@mail.ru

Божченко Александр Петрович

Bozhchenko Alexander Petrovich

bozhchenko@mail.ru

Вилкова Надежда Алексеевна

Vilkova Nadezhda Alekseevna

koshm77@mail.ru

Галяшина Елена Игоревна

Galyashina Elena Igorevna

egalyashina@gmail.com

Гераськин Михаил Юрьевич

Geraskin Mikhail Yurievich

a258a216@mail.ru

Дальжинов Вячеслав Макарович

Dalzhinov Vyacheslav Makarovich

vyacheslav_dalzhinov@mail.ru

Денисов Алексей Викторович

Denisov Alexey Viktorovich

denav80@mail.ru

Довбня Андрей Владимирович

Dovbnya Andrey Vladimirovich

Dav_@rambler.ru

Донцов Дмитрий Юрьевич

Dontsov Dmitry Yurievich

don3108@mail.ru

Зайцева Елена Александровна

Zaytseva Elena Alexandrovna

zaitceva-expert@rambler.ru

Зинин Александр Михайлович

Zinin Alexander Mikhailovich

amzinin@mail.ru

Кошманов Михаил Петрович

Koshmanov Mikhail Petrovich

89275274022

Кошманов Петр Михайлович

Koshmanov Peter Mikhailovich

koshm77@mail.ru

Кузнецов Виктор Александрович

Kuznetsov Victor Aleksandrovich

viktor.op2003@yandex.ru

Латышов Игорь Владимирович

Latyshov Igor Vladimirovich

latishov@gmail.com

Озерецковский Лев Борисович

Ozeretskovsky Lev Borisovich

ozerets@gmail.ru

Орлов Юрий Кузьмич

Orlov Yury Kuzmich

orlang@bk.ru

Подволоцкий Игорь Николаевич

Podvolotsky Igor Nikolaevich

inpodvolockij@msal.ru

Россинская Елена Рафаиловна

Rossinskaya Elena Raphaelovna

elena.rossinskaya@gmail.ru

Соколова Татьяна Петровна

Sokolova Tatiana Petrovna

tsokolova58@mail.ru

Чубина Елена Александровна

Chubina Elena Alexandrovna

chubina@mail.ru

**ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА»,
ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ**

Журнал «Судебная экспертиза» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит 4 раза в год тиражом 500 экземпляров.
Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-47195.
Подписной индекс в каталоге «Роспечать» — 46462.

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию: педагогических работников, адъюнктов, аспирантов, курсантов и слушателей ВА МВД России и других образовательных организаций, сотрудников государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, работников суда, прокуратуры, органов предварительного расследования и адвокатов.

Приоритетными задачами издания являются:

- ознакомление научной общественности, практических работников, адъюнктов, аспирантов с новыми научными разработками в области судебно-экспертной деятельности;
- анализ актуальных проблем теории и практики судебных экспертиз и исследований;
- представление результатов научной деятельности образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров по специальности «Судебная экспертиза»;
- организация открытой научной дискуссии и обмена передовым опытом судебно-экспертной деятельности, осуществление профессиональной подготовки судебных экспертов.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- соответствовать по своему содержанию приоритетному направлению журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать проблему в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для судебно-экспертной деятельности, профессиональной подготовки судебных экспертов, экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел.

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку (рецензирование) по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

По запросу экспертного совета рецензия может быть направлена в Высшую аттестационную комиссию при Министерстве науки и образования Российской Федерации.

К каждой рукописи автором прилагается рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России. Рецензентами в данном случае могут выступать лица, имеющие ученую степень кандидата или доктора наук и научное звание доцента или профессора, либо руководители подразделений государственных органов или общественных организаций, чья деятельность непосредственно соответствует тематике статьи. В отдельных случаях при возникновении необходимости экспертной оценки статьи специалистом-практиком к рецензированию могут привлекаться сотрудники органов внутренних дел, прокуратуры, судов, организаций и учреждений, чья профессиональная деятельность соответствует тематике статьи, направляемой на рецензирование.

С каждым автором заключается договор о передаче неисключительных прав на использование редакцией представляемых им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на представляемое произведение (бланк на сайте).

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

Объем рукописи не должен превышать десяти машинописных страниц для аспирантов и соискателей; до пятнадцати страниц для имеющих степень кандидата или доктора наук. Рукопись, подготовленная автором иностранного государства, предоставляется и издается на английском языке.

Рукописи представляются в виде распечатки текста (2 экз.), подготовленного в редакторе Microsoft Word, на одной стороне листа формата А4 через полтора интервала, шрифтом Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм.

Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подрисовочных подписей, названий таблиц.

Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте.

Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.52008.

Каждая статья должна содержать:

1. Заголовок на русском и английском языке.
2. Аннотацию¹ на русском и английском языке (от 120 до 250 слов). Аннотация должна содержать следующие аспекты содержания статьи:
  - 2.1. Предмет, цель работы.
  - 2.2. Метод или методологию проведения работы.
  - 2.3. Результаты работы.
  - 2.4. Область применения результатов.
  - 2.5. Выводы.
3. Ключевые слова² на русском и английском языке;
4. Сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты данные сведения будут опубликованы).
5. Пристатейный библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.52008.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

---

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают основное содержание документа. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- заявка (бланк на сайте журнала: www.va-mvd.ru/sudek/);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо выслать по электронной почте (c-expertisa@yandex.ru);
- рецензия из источника, внешнего по отношению к ВА МВД России, с оригинальной подписью и печатью (рецензент должен обладать ученой степенью кандидат или доктор наук и научным званием доцент или профессор соответствующего научного профиля);
- подписанный авторский договор в двух экземплярах (договоры на одного и на нескольких авторов размещены на сайте журнала. Договор подписывают все авторы статьи).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Все документы можно представить лично, либо отправить одновременно в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) по адресу:

**400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России,
редакция журнала «Судебная экспертиза»**

e-mail: c-expertisa@yandex.ru

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям, сличаются печатный и электронный вариант. Если все документы оформлены правильно, рукописи присваивается регистрационный номер. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Редакция рекомендует авторам проверять рукописи на сайте antiplagiat.ru

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

В случае возникновения вопросов обращаться по телефонам:
(8442) 31-41-22, (8442) 24-18-43.

Редактор *Е. Ю. Провоторова*
Технический редактор *В. П. Мишина*
Компьютерная верстка *А. А. Сеницыной*
Дизайн обложки *Н. Н. Грибановой*

Адрес издателя: 400089, Волгоград, ул. Историческая, 130,
Волгоградская академия МВД России

Адрес редакции журнала: Волгоград, ул. Историческая, 130,

Подписано в печать 23.03.2016. Дата выхода в свет: 31.03.2016.
Формат 60X84/8. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Физ. печ. л. 18,25. Усл. печ. л. 17,0.
Тираж 500. Заказ 10. Цена по подписке по каталогу «Роспечать» 429,15 руб. (2 номера).
Отпечатано в ОПиОП РИО ВА МВД России. 400131, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.